

ISBN 978-5-9906118-6-3

4

АТР: археология, этнография, история

АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН:

АРХЕОЛОГИЯ
ЭТНОГРАФИЯ
ИСТОРИЯ

Выпуск 4

В.Э. Шавкунов

ПАМЯТНИКИ
СМОЛЬНИНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ
ПРИМОРЬЯ
(по материалам
раскопок городищ
Смольнинское
и Шайга-Редут)

FSIS Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East FEB RAS

V.E. Shavkunov

THE SITES
OF SMOL'NINSKAYA CULTURE
OF PRIMORY REGION
(on materials of Smol'ninskoye
and Shiga-Redoubt ancient towns)

Vladivostok
IHAE FEB RAS
2015

ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН

В.Э. Шавкунов

ПАМЯТНИКИ
СМОЛЬНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ПРИМОРЬЯ
(по материалам раскопок городищ
Смольнинское и Шайга-Редут)

Владивосток
ИИАЭ ДВО РАН
2015

УДК: 930,26(571.63)
Ш14

Шавкунов В.Э.

Памятники смольнинской культуры Приморья (по материалам раскопок городищ Смольнинское и Шайга-Редут). — Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. — 164 с.
ISBN 978-5-9906118-6-3

Монография посвящена материалам смольнинской археологической культуры, полученным автором при раскопках городищ Смольнинское и Шайга-Редут. Дается систематизация найденных предметов, анализ которых (в первую очередь керамики) позволил прийти к выводу о том, что основными компонентами данной культуры были носители кроуновской и ольгинской (польцевской) культур. Привлечение письменных источников помогло уточнить время возникновения смольнинской культуры — не позже начала VIII в. н.э., — а также высказать предположение о родстве смольнинцев и современных нивхов.

Монография будет полезна школьникам и студентам гуманитарных специализаций, а также всем, кто интересуется историей Дальнего Востока в целом и Приморья в частности.

Ключевые слова: археология, смольнинская, кроуновская, польцевская археологические культуры, Бохай, нивхи.

Shavkunov V.E.

The sites of Smol'ninskaya culture of Primory region (on materials of Smol'ninskoye and Shiga-Redoubt ancient towns). — Vladivostok: IHAЕ FEB RAS, 2015. — 164 p.
ISBN 978-5-9906118-6-3

The monograph is devoted to materials Smolninsky archaeological culture obtained by the author during the excavation of the settlements of the Smolninskoye and Shiga-Redoubt. It is given systematization of found objects, the analysis of which (primarily ceramics) gave a basis to come to the conclusion that the main its components were the Krounovskaya and Olginskaya (Poltsevskaya) cultures. The attraction of written sources made it possible to specify the time of occurrence of Smolninskaya culture — not later than the early eighth century ad, — and also to make an assumption about the relationship of Smolninsky and modern Nivkh.

The monograph will be useful to pupils and students of humanitarian specialties and all those interested in the history of the Far East in General, and Primorye in particular.

Keywords: Archaeology, Smolninskaya, Krounovskaya, Poltsevskaya archaeological cultures, Bohai, the Nivkh.

Научный редактор

О.В. Дьякова, проф., д-р ист. наук, зав. Лабораторией археологии Приамурья Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Рецензенты

С.П. Нестеров, д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Института археологии и этнографии СО РАН
С.М. Тупикина, канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Утверждено к печати учёным советом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

ISBN 978-5-9906118-6-3

© ФГБУН ИИАЭ ДВО РАН, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Основные вехи приморской средневековой археологии были обозначены «первопроходцами Уссурийского края» — В.К. Арсеньевым, Ф.Ф. Буссе, И.П. Надаровым и др. ещё в конце XIX — начале XX в. Они же предложили одну из первых периодизаций истории «дальневосточной окраины земли Русской», тогда появилась и информация о государстве Бохай, империи Цзинь. В середине 50-х гг. XX в. А.П. Окладников по археологическим материалам разработал периодизацию, охватывающую историю Приморья от палеолита до позднего средневековья. Средневековую нишу занимали мохэская, бохайская и чжурчжэньская культуры, последовательно сменявшие друг друга в I — первой трети II тыс. н.э. и образовавшие на данной территории тунгусо-маньчжурские государства Бохай и Цзинь. Предложенная А.П. Окладниковым периодизация практически не претерпела серьёзных изменений до настоящего времени, поскольку соответствовала историческим реалиям. Но жизнь богаче схем. Научным последователям этого учёного предстояло детализировать историю Приморья, внести коррективы в хронологию культур, датировку памятников, установить этническую историю и этногенез населения, экстраполировать археологические факты в исторический контекст, заполнить неисследованные лакуны новыми материалами.

Часть задач, связанная в первую очередь с классификацией археологических объектов и наполнением артефактами коллекций, была успешно выполнена Э.В. Шавкуновым. Однако при кажущейся детальной изученности археологии Приморья многие ключевые проблемы в дальневосточной медиевистике остались вне внимания современных специалистов. Прежде всего это относится к догосударственным (мохэским), межгосударственным (Бохай — Цзинь) и постгосударственным (Цзинь — Юань — Мин — Цин) периодам истории Приморья.

Обнаруживает очевидную незавершённость и проблема выделения археологических признаков средневековых культур региона. Вследствие того, что изначально не было определено, что же исследователи подразумевают под археологической культурой, произошло смещение понятий археологическая, государственная, этническая культура. Как правило, они используются как синонимы. Но если это археологические единицы, то время их существования не может ограничиваться рамками функционирования государств — культуры были до их создания и после их гибели. Если это этнические культуры, то такое деление противоречит письменным источникам, которые свидетельствуют, что мохэсцы известны с IV в. н.э., в VII в. они создали государство Бохай, а в XII в. имели отношение к империи Цзинь. Следовательно, археологам логичнее вести речь о мохэской культуре в эпоху Бохай, Цзинь, Юань, тогда исчезли бы лакуны, образовавшиеся в результате изучения культур по государственному принципу. Промежуток между Бохаем (698—926 гг.) и Цзинь (1115—1234 гг.) составляет 189 лет, и, как указывается в письменных источниках, аборигенные племена продолжали существовать в это время на той же территории. В настоящий момент связь данных периодов по археологическому материалу не установлена. В то же время источниковедческая база свидетельствует, что центральной археологической культурой региона в эпоху средневековья являлась мохэская, т.к. она охватывала обширную территорию Дальнего Востока, существовала длительное время, служила базой для возникновения двух государств. Однако, не умаляя в целом значения и роли этой культуры в истории региона, можно утверждать, что реальный исторический процесс был многообразнее, чем он выявлен на сегодняшний день. Открытие новых археологических культур неизбежно. Так, на севере Приморья, в бассейне р. Самарга, в 1980 г. В.И. Дьяковым

выделена самаргинская культура, предварительно датированная I тыс. н.э. и явно отличающаяся от мохэских памятников Дальнего Востока.

В 1997 г. В.Э. Шавкуновым открыто и обследовано в Ануцинском районе Приморского края Смольнинское городище, материал которого выпадал из стандартных характеристик других средневековых комплексов региона, что позволило исследователю сначала обосновать культурную специфику памятника, а затем выявить серию подобных объектов в центре и на юго-востоке Приморья. Это, в свою очередь, дало веские основания для выделения ещё одной средневековой культуры в регионе, получившей название смольнинской. Локализация к востоку от ареала распространения бохайских памятников позволила исследователю предварительно датировать её позднебохайским и постбохайским временем, т.е. второй половиной IX в. — XI в.

Результаты своих многолетних трудов В.Э. Шавкунов изложил в монографической работе, предложив коллегам анализ историографических проблем в области медиевистики, обзор географической и топографической локализации смольнинских памятников, классификацию различных категорий археологического материала смольнинской культуры, обоснование времени функционирования комплексов и, что принципиально важно, поставил проблему их этнической и культурной интерпретации, впервые указав на наличие на территории Приморского края конгломерата объектов средневековых палеоазиатов. Кроме того, на основании анализа сведений, содержащихся в средневековых китайских письменных источниках, автор обосновал, что данная культура возникла не позже первой трети VIII в. н.э. Таким образом, В.Э. Шавкунов предложил датировать смольнинскую археологическую культуру VIII—XI вв. н.э.

Изучение смольнинской культуры далеко от завершения. Многие памятники ещё ждут исследований, проведение которых, несомненно, должно добавить много новой информации как по отдельным категориям предметов труда и быта, так и по таким важным вопросам существования любой археологической культуры, как процесс её образования, этапы развития и причины прекращения функционирования, а также дальнейшая судьба её носителей.

В связи с этим, естественно, проблемы, поднятые В.Э. Шавкуновым в монографии, ещё далеки от окончательного решения, не все положения, выдвинутые автором, бесспорны, многие требуют дополнительной аргументации, но, главное, выделение палеоазиатской археологической культуры состоялось, и в истории Приморья закрыт один из существенных пробелов.

О.В. Дьякова,
*профессор, доктор исторических наук,
зав. Лабораторией археологии При-
амурья ИИАЭ ДВО РАН*

ВВЕДЕНИЕ

Планомерные и систематические археологические исследования в Приморском крае начались лишь в середине 50-х гг. XX в. после создания в 1953 г. Дальневосточной археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова. Первые годы работ ознаменовались не только раскопками различных памятников всех эпох, но и масштабными разведками на территории края, во время которых были открыты и обследованы десятки городищ, поселений, стоянок и т.п. Полученные материалы позволили выявить и определить характерные черты целого ряда археологических культур различных эпох. Всё это на многие годы вперёд определило главные направления дальнейших археологических исследований, где основное внимание уделялось углублённому и разностороннему изучению открытых ранее культур и их взаимодействия. Одним из результатов интенсивных раскопок 50—60-х гг. XX в. явилось составление археологической периодизации древней и средневековой истории Приморского края. Этому во многом способствовали сведения из древних китайских летописных источников, благодаря которым отдельные средневековые археологические культуры были сопоставлены с конкретными этническими группами Дальнего Востока эпохи раннего Средневековья.

Основные моменты этой периодизации, предложенной ещё в 70-х гг. XX в., в отношении периода раннего Средневековья Приморского края были следующими. В начале I тыс. н.э. почти всю южную часть этой территории занимали носители кроуновской культуры, время доминирования которых, по мнению большинства исследователей, ограничивается III в. н.э. В первых веках н.э. в край с берегов Амура начинают проникать польцевские племена. В результате в Приморье возникает ольгинская культура, время существования которой,

по современным представлениям, доходит до IV—V вв. н.э. С IV в. н.э. вслед за польцевцами из соседних районов в край перемещаются мохэские племена, заселившие практически всю его территорию. Культура мохэ доживает в Приморье по крайней мере до XI в. н.э. В 698 г. на территории соседней Маньчжурии возникает мохэское государство Бохай, просуществовавшее до 926 г., поэтому традиционно считается, что с VIII до начала X в. южная часть Приморья является зоной доминирования бохайской культуры. Начиная с XII в. и до первой трети XIII в. край входит в состав Золотой империи чжурчжэней. При этом автоматически считается, что последние являются непосредственными потомками бохайцев. После чжурчжэней археология Приморья практически не разработана, и на его территории не найдено ни одного достоверного памятника, датируемого временем позже XIII в.

Как видно из краткого обзора, в предложенной выше периодизации оставались некоторые белые пятна. Одна из причин их возникновения заключалась в том, что не все памятники (или отдельные их слои) интерпретированы правильно. Данное обстоятельство было связано, в первую очередь, с недостаточной изученностью памятников и концентрацией усилий на исследовании относительно небольшого числа из них. Одним из таких белых пятен являлось время после уничтожения киданями в 926 г. королевства Бохай и до распространения на территории Приморья культуры чжурчжэней, государство которых (империя Цзинь, или Золотая империя) было образовано в 1115 г. Таким образом, получалось, что период истории края протяжённостью почти в два века не был подкреплён конкретным археологическим материалом и закрывался во всех печатных изданиях сведениями из средневековых китайских летописных источников. Последние содержали главным образом перечень предков чжурчжэньских императоров

и данные о политических действиях и военных кампаниях, направленных на объединение под властью данных правителей всех чжурчжэньских племён. Кроме того, летописные материалы касались в основном событий, происходивших на территории Маньчжурии, а в отношении Приморья отмечалось лишь то, что его чжурчжэньские вожди активно поддерживали своих маньчжурских родственников. В целом же для данного периода истории края оставалось много неосвещённых вопросов, включая то обстоятельство, что не было отмечено ни одного археологического памятника, уверенно и обоснованно датированного второй половиной X—XI в.

После интенсивного исследования ранее не изучавшихся памятников и, как следствие, расширения источниковой базы, а также тщательного анализа материалов с уже достаточно исследованных городищ и поселений удалось в определённой степени решить некоторые проблемы. В частности, было установлено, что в юго-восточном секторе Приморского края нет ни одного бохайского памятника. С другой стороны, там имеется целая серия городищ и поселений, объединённых одним общим обстоятельством: большая часть изготовленных с помощью гончарного круга сосудов с территорий этих памятников была покрыта сетью мелких прямоугольных вдавлений, оставшихся после обработки уже сформированных изделий специальной колотушкой. В научной литературе подобные отпечатки нередко называют «вафельным орнаментом». Близость керамического материала этих памятников подкреплялась и их достаточно компактным ареалом, охватывающим центральное и юго-восточное Приморье. Перечисленные обстоятельства дали основание для выделения ещё одной археологической культуры эпохи раннего Средневековья на территории края, получившей название «смольнинская» — по названию Смольнинского городища, на котором впервые

были проведены специализированные стационарные археологические работы по изучению слоёв, насыщенных круговой керамикой с вафельной поверхностью. Справедливости ради надо отметить, что посуда с такой поверхностью встречается и в материалах некоторых других средневековых культур Дальневосточного региона, в частности у чжурчжэней Приморья. Так, фрагменты одного станкового сосуда, покрытого «орнаментом в виде штампованной мелкой сетки», найдены на Екатериновском городище [Шавкунов Э.В., 1964, л. 32, рис. 34]. Кроме того, остатки нескольких сосудов с сильно затёртыми следами колотушки обнаружены в жилище нижнего строительного горизонта на Майском городище [Ивлиев, 1979, л. 26], а развал одного большого сосуда — в среднем горизонте на Осиновском поселении [Никитин, 1990, с. 82—83]. Встречается керамика с вафельной поверхностью (причём как круговая, так и лепная) и на бохайских памятниках. При этом отпечатки «вафли» на лепной посуде чаще всего сознательно затирали жидкой глиной [Дьякова, 1993, с. 96], а на круговых бохайских горшках иногда оставляли в виде поясов орнамента, и только на тазах их могли вообще не уничтожать [Дьякова, 1993, с. 114]. Колотушкой с ячеистой рабочей частью обрабатывали свои сосуды и гончары троического варианта культуры мохэ, однако потом получившуюся вафельную поверхность они в большинстве случаев тщательно затирали [Дьякова, 1984, с. 75]. Нередко посуда с отпечатками «вафли» встречается и на изделиях польцевской культуры Амура (все изготовлены без помощи гончарного круга), а также у её приморских родственников (ольгинцев) [Хон Хён У, 2008, с. 16]. В наибольшей степени керамика с вафельной поверхностью на Дальнем Востоке была распространена в Михайловской культуре Приамурья, но у михайловцев вся посуда также являлась исключительно лепной [Дьякова, 1984, с. 85]. Таким образом,

главное отличие смольнинской вафельной керамики от подобной посуды других средневековых культур региона заключается в том, что она многочисленна, представлена круговой продукцией, а следы колотушки на ней не затирались. Последнее обстоятельство связано было, по всей видимости, либо с какими-то эстетическими воззрениями смольнинских гончаров, либо с традицией использования посуды с вафельной поверхностью, перешедшей к смольнинцам от какого-то населения, вошедшего в их состав.

Наиболее изученными памятниками смольнинской культуры являются Смольнинское городище, расположенное в верхнем течении р. Арсеньевки в Анучинском районе, и городище Шайга-Редут, остатки которого находились в среднем течении р. Партизанской в Партизанском районе. Помимо керамики с вафельной поверхностью, есть ещё целый ряд признаков материальной культуры (тип жилища, набор наконечников стрел, форма ножей и т.п.), по которым изделия смольнинцев заметно отличаются от подобных изделий и объектов других средневековых культур Приморского края. Данная монография посвящена рассмотрению различных категорий материала, полученного при раскопках именно смольнинских памятников. При этом основными источниками являются материалы главным образом двух из них — городищ Шайга-Редут и Смольнинского, т.к. именно там проводились относительно большие работы по исследованию слоя с вафельной круговой керамикой. Работы на остальных памятниках культуры, как правило, ограничивались сбором подъёмного материала или закладыванием небольших шурфов, а материалы с них, кроме керамики, практически ничем иным не представлены.

Выделение и изучение смольнинской культуры, которую в настоящее время есть основания датировать VIII—XI вв., позволяет в какой-то степени закрыть существующий пробел

данного периода в истории Приморья. Кроме того, в отличие от представителей хорошо известных тунгусоязычных средневековых культур юга Дальнего Востока (мохэской, бохайской, чжурчжэньской), население смольнинской культуры, скорее всего, относилось к другой языковой семье. Включение в научный оборот материалов со смольнинских памятников позволит более точно определить исходные факторы, повлиявшие на процесс формирования различных этнических групп коренного населения юга Дальнего Востока России.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

Впервые на присутствие на некоторых городищах керамики с вафельной поверхностью (по терминологии исследователя «керамики с шахматно-шашечным орнаментом») обратил внимание Э.В. Шавкунов. Производя в 1956 г. в крае масштабные разведывательные работы на средневековых памятниках, он фиксировал наличие такой керамики на некоторых из них. В частности, керамика «с шахматно-шашечным» орнаментом обнаружена в нижнем слое Чугуевского городища, отделённом от верхнего (чжурчжэньского) слоя стерильной прослойкой [Шавкунов Э.В., 1957, л. 10—11], а также на Стекланухинском (Саинбарском) городище в слое, залегавшем ниже верхнего чжурчжэньского слоя [Шавкунов Э.В., 1957, л. 21]. Такая же ситуация, когда слой с керамикой с вафельной поверхностью залегал ниже верхнего чжурчжэньского слоя, зафиксирована Э.В. Шавкуновым в начале 1960-х гг. при раскопках Николаевского городища. Причём такая керамика встречалась и в насыпных валах городища, и даже в одном из чжурчжэньских кирпичей [Шавкунов Э.В., 1966, с. 289]. В 1963 г. керамика «с мелким сетчатым штампом по всей внешней поверхности сосуда» была собрана вокруг небольшого, сейчас уже распаханного, квадратного в плане городища (Шайга-Редут. — В.Ш.), расположенного напротив Шайгинского городища [Шавкунов Э.В., 1964, л. 19—20]. В научной литературе имелись сообщения и о некоторых других местах подобных находок, как единичных, так и массовых, но документальное подтверждение и точная привязка к местности при этом отсутствовали.

Тем не менее, уже в начале 1960-х гг. появились первые публикации, в которых в той или иной степени затрагивались вопросы о керамике с вафельной поверхностью. В частности, Ю.В. Аргудяева отмечала, что эта керамика не похожа на чжурчжэньскую или бохайскую, однако датировала её очень широко — периодом Средневековья [Аргудяева, 1963]. А вот Э.В. Шавкунов слои с керамикой с вафельной поверхностью, зафиксированные на Чугуевском, Николаевском и Стеклянухинском городищах, датировал XI — началом XII в. [Шавкунов Э.В., 1968б, с. 189].

До конца XX в. в крае открыли ещё несколько памятников, содержащих круговую керамику с вафельной поверхностью, однако они не вызвали у археологов особого интереса и специализированно практически не исследовались. То же самое было и на ранее известных городищах. Те работы, которые проводил Э.В. Шавкунов в начале 1960-х гг. на Николаевском городище, ограничивались изучением верхнего (чжурчжэньского) слоя. Кроме Николаевского, археологические раскопки велись и на Стеклянухинском городище, где в конце 80-х гг. XX в. их вёл преподаватель ДВГУ А.В. Александров, но эти материалы не были опубликованы и остались недоступны для исследователей. Неизвестно даже, затрагивался ли нижний (содержащий круговую керамику с вафельной поверхностью) слой. В целом после начала 1960-х гг. и до конца XX в. круговая керамика с отпечатками колотушки больше не привлекала внимание дальневосточных археологов.

Положение резко изменилось в самом конце XX в. В 1997 г. было открыто и обследовано Смольнинское городище. Уже при первом осмотре отметили большое количество круговой керамики с вафельной поверхностью, лежавшей прямо на распаханном поле вокруг прямоугольного детинца и на берегу реки, размывавшей культурный слой памятника. В 1999 г. автором

данной работы проведены первые раскопки городища, которые продолжились в 2004, 2007 и 2008 гг. Как следствие было получено много информации по материальной культуре населения, проживавшего в древности на этой территории. В частности, раскопаны остатки двух жилищ, зафиксирован и обследован выложенный из камня колодец, произведена зачистка разреза вала и найдено много предметов быта. Одновременно велась работа по выявлению других памятников с подобной керамикой. В результате картографирования данных памятников стала очевидна их локализация к востоку от ареала бохайской культуры [Шавкунов В.Э., 2005a]. Это, в свою очередь, позволило обосновать первоначальную датировку Смольнинского городища (не позднее середины IX в. — XI в.) [Шавкунов В.Э., 2007a].

Ещё одним важным результатом первых раскопок являлось то, что удалось установить: население Смольнинского городища пользовалось не только круговой посудой с вафельной поверхностью, но и лепными сосудами, поверхность которых, за редким исключением, не имела отпечатков колотушки, зато зачастую была украшена различного вида орнаментом. Тщательное исследование обеих категорий керамики памятника, проведённое И.С. Жущиховской и опубликованное в ряде статей [Жущиховская, Шавкунов В.Э., 2006; Жущиховская, 2008; Жущиховская, Шавкунов В.Э., 2009], подтвердило их принадлежность к одной культурно-исторической общности и в то же время дало основание предполагать существование у смольнинцев двух традиций керамического производства. Кроме того, сравнительный анализ показал самобытность смольнинской керамики и её отличие от изделий других средневековых культур Приморского края, выделенных ранее (мохэской, бохайской и чжурчжэньской). Подобная же ситуация наблюдалась и при рассмотрении смольнинских жилищ и предметов

вооружения. Несмотря на своеобразие материала со Смольнинского городища, в те годы по формальным причинам ещё не настало время для выделения памятников с круговой керамикой с вафельной поверхностью в самостоятельную культуру. Поэтому все авторы, публиковавшие смольнинские материалы, использовали термин «памятники смольнинского типа» или же «памятники с керамикой смольнинского типа».

Начиная с 2009 и по 2013 г. автором проводились раскопки на городище Шайга-Редут. Оказалось, что материалы этого памятника идентичны материалам Смольнинского городища. В первую очередь это относится к керамике: круговая посуда, как правило, имеет вафельную поверхность, а лепная — схожий со смольнинским орнамент. Одинаковыми явились и формы обеих категорий керамики. Всё это дало основания говорить о памятниках, которые содержат много круговой керамики с отпечатками колотушки, как о самостоятельной культуре, получившей название по первому памятнику (Смольнинское городище), на котором были проведены стационарные археологические раскопки, направленные непосредственно на изучение слоёв с круговой керамикой, имеющей вафельную поверхность.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ

В настоящее время документально зафиксировано 13 памятников, на которых в достаточно большом количестве присутствует круговая керамика с вафельной поверхностью. Причём все они располагаются относительно компактно — в южной части Чугуевского, на территории Анучинского, Партизанского, Шкотовского, Лазовского и Ольгинского районов. Иными словами, их ареал охватывает центральное и юго-вос-

точное Приморье (рис. 1). Следует отметить также, что эти памятники привязаны к долинам крупных рек.

1. Чугуевское городище. Находится в долине на правой стороне р. Усури, на территории районного центра с. Чугуевка. Впервые о нём сообщил в 1888 г. Ф.Ф. Буссе [*Буссе, 1888*, с. 23]. В 1954—1955 гг. памятник обследовал А.П. Окладников. В 1956 г. Э.В. Шавкунов зафиксировал стратиграфию городища, которое оказалось двухслойным. Верхний слой относится к чжурчжэньскому времени, а нижний, отделённый от верхнего стерильной прослойкой в 10 см, содержит керамику с вафельной поверхностью. Другие археологические работы не проводились. Площадь памятника — 24 га, но следует учесть, что его валы, высота которых достигает 5—7 м в современном состоянии, были насыпаны в чжурчжэньское время (1115—1234 гг.).

2. Стеклянухинское городище. Находится в долине на правой стороне р. Шкотовки, в пределах с. Стеклянуха (Шкотовский район). Впервые о нём сообщил Л.А. Кропоткин [*Буссе, Кропоткин, 1908*, с. 23]. В 1956 г. обследовано Э.В. Шавкуновым, который в 1963 г. снял его план. В 1985—1987 гг. на памятнике вёл раскопки А.В. Александров. Городище многослойное: верхний слой относится к чжурчжэньскому времени, а второй сверху содержит круговую керамику с вафельной поверхностью. Площадь памятника — 6 га, высота валов достигает 5—7 м, но они были возведены в чжурчжэньское время.

3. Николаевское городище. Расположено в долине на левой стороне р. Партизанской на окраине с. Николаевка (Партизанский район). Открыто в 1871 г. П. Кафаровым [*Буссе, Кропоткин, 1908*, с. 27]. В 1891 г. Г.Д. Марков снял план городища. С 1955 по 1962 г. на нём работал Э.В. Шавкунов. Памятник многослойный: верхний слой относится к чжурчжэньскому времени, а следующий за ним содержит керамику с вафельной

поверхностью. Площадь городища — 33 га, а его валы, достигающие высоты 10 м, относятся к чжурчжэньскому времени.

4. Городище Шайга-Редут. Расположено в Партизанском районе, в долине на левой стороне р. Партизанской, в 3,5 км к юго-западу от с. Южная Сергеевка и в 750 м к северо-востоку от разъезда Ратное. Впервые о нём сообщил в 1891 г. Д.Л. Иванов [*Буссе, Кропоткин, 1908*, с. 26]. В 1963 г. памятник обследовал и снял план Э.В. Шавкунов. В 2009, 2011—2013 гг. раскопки проводил В.Э. Шавкунов. Всего вскрыто 197 кв. м. Городище однослойное. Детинец, в настоящее время полностью распаханный, имел квадратную форму с длиной сторон около 40 м, т.е. его площадь равнялась примерно 0,16 га. Площадь распространения подъёмного материала — около 4,5 га. Высота валов детинца составляла около 2 м. По центру детинца в северо-восточном и юго-западном валах были устроены ворота. Кроме того, с юго-западной стороны вдоль вала был выкопан ров.

5. Городище Павловка-2. Расположено в долине на левом берегу р. Павловки, правого притока р. Уссури, в Чугуевском районе, в 4 км к востоку от с. Павловка. Открыто в 1996 г. В.И. Болдиным и Ю.Г. Никитиным [*Болдин, Никитин, 1997*]. Памятник однослойный, имеет квадратный детинец с длиной сторон около 40 м, т.е. площадью около 0,16 га. Внутри детинца заложен шурф, в котором обнаружена круговая керамика с вафельной поверхностью. Вокруг валов также была найдена подобная керамика, что свидетельствует о наличии на памятнике ещё и посадка.

6. Смольнинское городище. Расположено в долине на правом берегу р. Арсеньевки, в Анучинском районе, в 2 км к юго-востоку от с. Смольное и в 17 км к югу от с. Анучино. Показано в 1997 г. В.В. Василенко, в том же году его посетили сотрудники Института истории, археологии и этнографии народов

Дальнего Востока ДВО РАН [Болдин, 1998; Шавкунов В.Э., 1998, л. 9]. В 1999, 2004, 2007 и 2008 гг. раскопки проводил В.Э. Шавкунов. Вскрыто 118 кв. м. Памятник имел детинец прямоугольной формы с ориентированными строго по сторонам света валами, высота которых достигала 1,5 м. К началу раскопок целиком сохранился только восточный вал длиной 65 м. По словам старожилов района, видевших городище ещё до того, как оно стало разрушаться рекой, в южном валу был разрыв, который вполне мог являться воротами, а площадь самого памятника составляла около 0,6 га. Городище двухслойное: верхний слой содержит керамику с вафельной поверхностью, а нижний относится к кроуновской культуре. В настоящее время памятник по большей части уже уничтожен рекой.

7. Городище Извилинка. Расположено на небольшом мысу на правой стороне р. Уссури, в Чугуевском районе, в 4 км к юго-западу от с. Извилинка. Открыто в 2002 г. В.Э. Шавкуновым [Шавкунов В.Э., 2003]. Имеет неправильную четырёхугольную форму. С северо-западной и юго-западной сторон ограничено крутым склоном и не имеет валов, в то время как с северо-восточной и юго-восточной сторон есть валы высотой около 1 м. На памятнике заложен шурф, в котором встретились фрагменты лепной керамики и круговой керамики с отпечатками колотушки с вафельными нарезками. Городище однослойное, площадь около 0,34 га.

8. Поселение Фроловка-2. Расположено в долине на левой стороне р. Партизанской, в Партизанском районе. Открыто в 2007 г. В.Э. Шавкуновым [Шавкунов В.Э., 2008a]. На памятнике собрана круговая керамика с отпечатками колотушки в виде прямоугольных вдавлений. Площадь распространения подъёмного материала равна 0,3 га. В 2014 г. В.Э. Шавкунов на 45 кв. м памятника провёл археологические работы.

9. Поселение Екатериновка-1. Расположено в долине на правом берегу р. Партизанской, в 0,5 км к югу от с. Екатериновка в Партизанском районе, и постепенно разрушается рекой. Памятник показан В. Анохиным. Обследован в 2007 г. В.Э. Шавкуновым [*Шавкунов В.Э., 2008a*]. Проведена зачистка части береговых обнажений. Поселение двухслойное: верхний слой содержит керамику с вафельной поверхностью, а нижний относится к кроуновской культуре. Площадь распространения керамики с вафельной поверхностью составляет примерно 0,6 га.

10. Соколовский могильник. Находится на небольшой террасе на левом берегу р. Соколовки, в Лазовском районе. Информацию о нём сообщил Ю.А. Горюшин. В 2001 г. обследован И.Ю. Слепцовым [*Слепцов, 2002*]. В карьере рядом с могильником собран подъёмный материал, в котором была и круговая керамика с вафельной поверхностью. На памятнике насчитывается 70 курганов размерами 2×1 м и высотой 0,3—0,5 м, расположенных в 4 ряда. Но эти курганы находятся в стороне от карьера, где была собрана керамика с вафельной поверхностью, и, к какой культуре они относятся, доподлинно не известно. Тем не менее, следует предполагать, что где-то рядом имеется поселение смольнинской культуры.

11. Поселение Уборка. Расположено в 1,5 км к востоку от с. Уборка в Чугуевском районе, на правом берегу р. Павловка, рядом со старицей. Открыто в 1983 г. О.С. Галактионовым [*Галактионов, 1984*]. Собран подъёмный материал, в который входит и круговая керамика с отпечатками колотушки. Памятник, по всей видимости, двухслойный: верхний слой относится к смольнинской культуре, а нижний — к эпохе неолита или палеометалла.

12. Михайловское городище. Находится на мысу на левом берегу р. Аввакумовки и на левом берегу ключа Выгонка,

в 4 км к юго-востоку от с. Михайловка, в Ольгинском районе. Впервые обнаружен и обследован в 1975 г. В.А. Хоревым [Хорев, 1976]. На памятнике собран подъёмный материал, а в 2011 г. О.В. Дьяковой заложен шурф. Городище занимает северо-западный мысовидный выступ второй надпойменной террасы. Площадь его около 2000 кв. м. С юга и востока оно укреплено тремя рядами земляных валов и рвов. Высота валов составляет 0,5—2 м. С южной стороны во всех трёх валах имеется разрыв шириной 5 м, рвы напротив него засыпаны.

13. Поселение Брат-1. Расположено на левом берегу р. Партизанской, на плоской вершине небольшого холма, в 750 м к востоку от горы Брат (Партизанский район). Открыто в 2010 г. С.В. Батаршевым [Клюев и др., 2013]. Прослежены две округлые западины диаметром около 9 м. На одной из них поставлен шурф, в котором была найдена круговая керамика с вафельной поверхностью.

Таким образом, все памятники смольнинской культуры представлены либо городищами (Павловка-2, Чугуевское, Смольнинское, Шайга-Редут, Николаевское, Стеглянухинское), либо поселениями (Уборка, Фроловка-2, Екатериновка-1). Два городища (Михайловское и Извилинка) расположены на невысоких мысах, поселение Брат-1 — на небольшом холме. На склоне сопки находится и Соколовский могильник. Правда, найденная около него керамика была собрана на месте карьера, что не позволило определить тип памятника, но, скорее всего, у могильника находилось поселение. В целом памятники смольнинской культуры представлены по большей части либо долинными городищами, либо долинными поселениями. Долинные городища, в свою очередь, подразделяются на две группы: большие (площадью в несколько га) и маленькие, площадь которых меньше 1 га. Но здесь следует учесть, что все большие городища содержат верхний (чжурчжэньский) слой

и их валы относятся к чжурчжэньскому времени. По всей видимости, во время проживания на них смольнинского населения площадь памятников была значительно меньше. Долинные же городища, построенные самими смольнинцами, имеют правильную квадратную или прямоугольную форму, а высота валов у них не превышает 2 м. Такой же высоты валы мысовых городищ смольнинской культуры, но, поскольку они привязаны к рельефу, у них нет правильной геометрической формы.

Как видно из топографического описания, большинство памятников смольнинской культуры расположены в долинах крупных рек и занимают юго-восточный сектор Приморского края. Поселения, как правило, не выделяются на равнинных участках, поэтому их гораздо труднее найти во время археологических разведок. При сплошном обследовании речных долин — географической зоны распространения смольнинской культуры — следует ожидать увеличение числа памятников с керамикой смольнинского типа.

ЖИЛИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ СМОЛЬНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одним из важных показателей традиционной культуры изучаемого общества являются его хозяйственные и особенно жилые постройки. На Смольнинском городище были раскопаны два жилища, а также зафиксировано наличие на нём, по крайней мере, двух колодцев. Одна хозяйственная яма исследована на городище Шайга-Редут.

Жилище № 1 сохранилось не полностью — часть его смыта р. Арсеньевкой во время весенних паводков (рис. 2). Тем не менее, по сохранившимся остаткам можно с большой долей уверенности восстановить размеры и тип жилища. Во-первых, оно было устроено в небольшом котловане, ориентированном почти строго по оси север — юг, а вход, по всей видимости, находился рядом с очагом, т.е. на юго-западной стороне. Полностью сохранившаяся восточная сторона котлована была длиной около 3 м. При квадратной форме жилища его площадь должна составлять около 10 кв. м. По границе восточной и северной сторон котлована в материке был выкопан дымоходный канал кана шириной около 40 см. Края этого дымохода обложены поставленными на ребро небольшими каменными плитками. Сверху дымоход перекрывался большими плитами. Точно так же был устроен очаг, ограниченный с боков двумя плитами, при этом он находился под углом к направлению дымоходного канала. Пол постройки, по сравнению со стенками дымоходного канала, углублён в материк на 30 см. Никаких ямок в жилище или вокруг него не обнаружено. Правда, в северо-восточном углу котлована в материке расчищена небольшая выемка, заполненная камнями среднего размера. Вполне возможно, что

на них стоял угловой столб жилища. Вдоль восточного и южного бортов котлована кое-где сохранились подобные камни среднего размера, но вряд ли они предназначались для того, чтобы служить подставкой под столбы. Более логично предположить, что на них опирались горизонтальные венцы сруба постройки. В целом, несмотря на то, что пол жилища был углублён, по сравнению с общим уровнем материка (рис. 3), оно не должно считаться полуземлянкой, правильнее его относить к наземным домам с «Г»-образным плиточным каном.

Жилище № 2 сохранилось целиком (рис. 4). Оно также располагалось в неглубоком (15—20 см) котловане, стороны которого были ориентированы практически так же, как и у жилища № 1, т.е. с небольшим отклонением к востоку от оси юг — север. Котлован имел форму близкую к квадратной, а общая площадь постройки составляла около 27 кв. м (рис. 5). Вдоль северного борта котлована жилища, почти по всей длине, шёл одноканальный кан, перекрытый большими плоскими камнями. С северной стороны эти камни лежали на материковом слое, а с южной, обращённой вглубь жилища, опирались на насыпную стенку шириной 15 см и высотой 20 см. В северо-восточном углу постройки кан поворачивал на юг, образуя восточное колено. После поворота широкий дымоходный канал северного колена разделялся на два канала. При этом внутренняя, т.е. обращённая вглубь жилища, стенка кана и перемычка между двумя каналами являлись насыпными. Сверху каждый дымоходный канал восточного колена также перекрывался плоскими каменными плитами, лежащими в две полосы и опиравшимися непосредственно на насыпные стенку и перемычку, а с внешней стороны — на материк. Общая длина кана составляла около 6,5 м при ширине в 60—70 см. В южной части восточного колена находился очаг, его края частично были обложены камнями, а свод выполнен

из камней и, по всей видимости, глины. В северо-западной части жилища кан оканчивался трубой, видимо, сделанной из дерева, о чём говорит наличие в этом месте большого объёма сильно прокалённой земли. Сама труба выходила за пределы постройки, о чём свидетельствует оставшаяся от неё выемка в материке, уходящая в сторону от жилого пространства. Следует также отметить, что вокруг жилища не было зафиксировано ни одной ямки, в которых могли бы находиться опорные столбы каркаса постройки. Зато практически вдоль всей западной границы котлована и кое-где вдоль других границ находились небольшие камни, уложенные в ряд. По всей видимости, на них опирались стены жилища. Но при таких условиях конструкция стен должна быть не столбовой, а, скорее всего, срубной, или, по крайней мере, основу стен составлял венец из горизонтально уложенных по периметру жилища брёвен. Вход мог располагаться только с южной стороны. В целом жилище № 2 можно охарактеризовать как наземное с «Г»-образным каном.

Исходя из сказанного выше, у обоих раскопанных жилищ Смольнинского городища можно выделить целый ряд общих черт. Это, во-первых, наземный тип объектов. Во-вторых, по всей видимости, срубный характер основания стен. В-третьих, наличие внутри строений «Г»-образных канов. В-четвёртых, оформленный камнями очаг, расположенный у восточного колена кана. В-пятых, ориентация входа на южную сторону. В то же время у этих построек есть и существенные различия, касающиеся главным образом кана. Если кан жилища № 1 весь был одноканальным, то у жилища № 2 одноканальным являлось только северное колено, а восточное состояло из двух дымоходных каналов. Кроме того, если дымоход жилища № 1 был выкопан в земле, а изнутри обложен поставленными на ребро камнями, на которые опирались плиты перекрытия, то

в жилище № 2 внутренние стенки всего кана, а также перемычка в его восточном колене состояли из насыпной земли и изнутри не были обложены камнями. Кроме того, есть ещё и значительная разница в размерах построек — около 10 кв. м у первой и около 27 кв. м у второй. В результате получается, что у большего жилища более развитой тип кана. Такое положение вполне можно было бы объяснить разным временем существования жилищ, но для этого нет веских оснований. Стратиграфия раскопанного участка с постройками и типология найденных в них предметов не позволяют утверждать разновременность объектов. Более вероятно, что эта разница в размерах и конструктивных особенностях обусловлена социальными или демографическими факторами.

Самые ранние каны в Приморье зафиксированы в жилищах кроуновской культуры. Сделаны они из вкопанных в землю каменных плит, имеют прямую или «Г»-образную форму с одним дымоходным каналом. Сами же кроуновские постройки представляют собой полуземлянки с каркасно-столбовой конструкцией стен, при этом столбы располагались не только по периметру жилища, но и в центре [Окладников, Бродянский, 1984, с. 102]. Близки кроуновским одноканальные каны в постройках ольгинской (польцевской) культуры Приморья, но на этих памятниках жилища, похоже, бывают и наземными [Бродянский, 1987, с. 185—186], а каны не только прямыми и «Г»-образными, но и «П»-образной формы [Деревянко и др., 2006, с. 352]. Так же, как и у кроуновских, у жилищ ольгинской культуры была каркасно-столбовая конструкция [Андреева, 1977, с. 156]. Следует отметить, что жилище № 2 Смольнинского городища имеет практически идентичное внутреннее устройство с жилищем, раскопанным на городище Фэнлинь в провинции Хэйлунцзян на территории КНР [Чжао Юнцзюнь и др., 2000, рис. 1]. Указанный памятник относится

китайскими исследователями к польцевской общности и датируется периодом Вэй-Цзинь (220—420 гг. н.э.). Фэнлинское жилище отличается от жилища № 2 Смольнинского городища лишь меньшими размерами (18 кв. м) и тем, что является полуземлянкой. Внутри же него находится одноканальный плиточный кан, сделанный в специальной насыпи и расположенный также вдоль северного и восточного бортов котлована. При этом восточное колено аналогично заканчивается отходящим внутрь жилища очагом, выложенным и перекрытым сверху камнями. В конце северного канала кана находилась труба, также имевшая небольшое отклонение наружу жилища. Налицо, таким образом, практически полное совпадение расположения и устройства в обеих постройках отопительной системы. Поскольку на Амуре в жилищах польцевской культуры какие-либо отапливаемые лежанки не встречены, нет сомнений, что приморские польцевцы переняли идею канов непосредственно от кроуновцев после того, как, переселившись в Маньчжурию и Приморье, вошли в контакт с проживавшими в этих районах кроуновцами.

Вслед за польцевским населением в Приморский край проникли племена мохэ, но, несмотря на многочисленные раскопки мохэских построек, ни в одной из них не найдены какого-либо вида каны, да и жили мохэ в полуземлянках. Правда, в мохэских памятниках Приамурья известны единичные случаи, когда в жилищах были сооружены каны [Дьякова, 1987, с. 60—63]. Так, например, на р. Зее возле с. Ураловка Е.И. Деревянко обнаружены остатки, по крайней мере, трёх жилищ с канами. Правда, форма кана и количество в нём дымоходных каналов не указаны, а сами постройки по найденным рядом монетам датированы автором XII в. [Деревянко Е.И., 1975, с. 103]. Ещё два жилища с «П»-образными, трёх- и двухканальными канами раскопаны на Нижнем Амуре на городище

Сикачи-Алян [Дьякова, Шавкунов Э.В., 1975, с. 159, 162]. Однако сикачи-альянские жилые постройки были, в отличие от характерных для мохэ полуземлянок, наземными и обладали уже достаточно развитыми канами. В Приморье, например, такие жилища появляются не раньше XII в. А так как на Нижнем Амуре в других памятниках не встречено даже более примитивных конструкций канов, то следует признать, что указанные постройки Сикачи-Альяна не могли развиваться на местной основе. Аналогичной точки зрения на существование у мохэ жилищ с каном придерживается и И.Л. Кызласов [Кызласов, 2011, с. 183]. Подобная ситуация имеет место и на Среднем Амуре, где каны в постройках появляются лишь в чжурчжэньское время вместе с переселившимися туда бохайцами [Деревянко Е.И., 1991, с. 144]. Таким образом, традиционное мохэское жилище представляло собой полуземлянку квадратной формы, стороны которой были строго сориентированными по сторонам света [Деревянко Е.И., 1991, с. 141], и с каркасно-столбовой конструкцией стен [Дьякова, 1987, с. 62], а отапливалось исключительно очагами. По всей видимости, каны в жилищах у мохэ появились лишь на заключительной стадии существования культуры и, скорее всего, принадлежали мигрировавшим на Амур представителям какого-то более южного населения (поздних бохайцев или чжурчжэней).

В бохайское время (VIII — начало X в.) в Приморье зафиксировано несколько типов жилищ. Наиболее распространённые из них — полуземлянки без канов или наземные дома с земляными канами. Правда, на Константиновском-1 селище в верхнем горизонте раскопана часть жилища с каном, аналогичным кану жилища № 1 Смольнинского городища [Болдин, 1992, л. 20, рис. 20]. Ещё один очень похожий кан, но со стеной, слепленной из глины, обнаружен на городище Горбатка [Гельман, 2002, с. 97], однако постройка с ним представляла

собой полуземлянку. В небольших котлованах были обустроены два жилища с «П»-образным двухканальным каном, раскопанные на Краскинском городище. Там дымоходы также были выкопаны в земле, а изнутри обложены камнями [*Отчёт об археологических исследованиях, 2006*, с. 91—93]. Следует добавить, что данные постройки датируются авторами раскопок постбохайским, т.е. после гибели в 926 г. государства Бохай, временем. Подобные жилища, как правило, с двухканальными плиточными канами, были довольно широко распространены на бохайских памятниках, расположенных на территории Китая и Северной Кореи [*Шавкунов В.Э., 2005б*, с. 106], а вот на восточной окраине государства Бохай, т.е. на территории Приморского края, они встречаются намного реже.

Кроме бохайских, жилища с двухканальными плиточными канами в Приморье обнаруживаются и на других памятниках. В частности, такие постройки (наземные, со срубной конструкцией стен) раскопаны на Ауровском городище [*Шавкунов В.Э., Гельман, 2002*, с. 77], относящемся к постбохайскому времени и датируемом X — началом XI в.

Подобные жилые объекты встретились и на памятнике, расположенном на о. Петрова, где в одном из жилищ был даже трёхканальный кан [*Окладников, Бродянский, 1979*, рис. 3, рис. 6]. Здесь следует оговориться, что предложенная авторами датировка данных построек кроуновским периодом очень сомнительна [*Шавкунов В.Э., 2001а*, с. 174—175]. Скорее всего, они относятся к более позднему времени. Все упомянутые ауровские и петровские жилища имели «Г»-образный кан.

Смольнинское городище и подобные ему памятники в центральном и восточном Приморье непосредственно предшествовали чжурчжэньской культуре (XII — начало XIII в.), на памятниках которой все жилища были наземными, с каркасно-столбовой конструкцией стен и оснащены только земляными

(выкопанными в грунте) «Г»-, «П»- и «С»-образной формы двух- и трёхканальными канами [*История Дальнего Востока, 1989, с. 242*]. Именно земляные каны чжурчжэней, по сравнению со всеми другими видами отапливаемых лежанок, существовавших в Приморском крае начиная с I тыс. до н.э. и кончая эпохой Средневековья, были наиболее просты при строительстве и надёжны в использовании.

Таким образом, вплоть до VIII в. н.э. население края жило преимущественно в полуземлянках с каркасно-столбовой конструкцией стен, а если и использовало каны, то исключительно плиточные и одноканальные. Зародившись в кроуновское время, плиточные каны практически без принципиальных изменений использовались ольгинцами (польцевцами). Где-то в VIII, а может быть, даже в начале IX в. в конструкциях плиточных канов начинают происходить некоторые усовершенствования — у бохайцев и смольнинцев появляются двухканальные каны. При этом каналы не только выкапывают в грунте, но и насыпают из земли и лепят из глины, а внутри не всегда укрепляют камнями. Во время чжурчжэней каны были уже только земляными и состояли из двух или трёх каналов. Получается, что в Приморье в добохайское и чжурчжэньское время в разных культурах тип жилищ по своему устройству и конструкции кана был достаточно стандартным и соответствовал определённым схемам.

Исключение в данном перечне составляют лишь бохайские памятники, на которых зафиксированы различные типы жилищ и разнообразные способы оформления канов. Связано это было, по всей видимости, с одной стороны, с распространением в крае новых этнических групп, вошедших в государство Бохай, а с другой — с ускорившимся социальным и экономическим расслоением населения Приморья. Именно в бохайское время на территории края наступает пик актив-

зации поиска более лёгких для создания и удобных в использовании отопительных систем типа кан.

Смольнинское городище и другие памятники, содержащие круговую керамику с вафельной поверхностью, частично захватывают этот период. Оба жилища Смольнинского городища имеют некоторые существенные различия в элементах конструкции кана, в частности появление двухканального колена в жилище № 2 и отсутствие в нём опорных вертикальных плит дымоходного канала. В целом жилище № 1 Смольнинского городища тяготеет к первым, относительно примитивным канам кроуновской культуры, в то время как жилище № 2 гораздо ближе к поздним земляным канам эпохи чжурчжэней. Видимо, процесс поиска более совершенных типов жилищ и канов, наметившийся у бохайцев, носил эпохальный характер и смольнинцы не оставались в стороне, а принимали в нём активное участие.

Помимо жилищ, на Смольнинском городище были зафиксированы остатки двух колодцев. Один из них находился на территории обвалованного детинца в 9 м от южного вала, а другой — уже за его пределами, примерно в 80 м к северу от первого. Оба объекта выявили после сильных наводнений, размывших берег, на котором располагалось городище. Тот колодец, что находился внутри валов, был разрушен лишь частично (рис. 6), и по его остаткам удалось проследить основные элементы устройства всей конструкции. Колодец выкопан в земле и имел прямоугольную форму, а стенки его, выложенные необработанным речным камнем в один слой, были ориентированы строго по сторонам света. К началу исследований у колодца относительно хорошо сохранилась лишь восточная стена, а верхние части остальных смыла река во время наводнения. Благодаря восточной стенке, удалось установить, что верхний край кладки стенок колодца заканчивался на уровне древней

дневной поверхности, а сами стенки не скреплялись каким-либо раствором. Смольнинский колодец в верхней части был шире, а ко дну плавно сужался. Из-за частичного разрушения его размеры удалось установить только на глубине 1,5 м от верха кладки, где длина стенок по внутренней части составляла 1,7 и 1,4 м. Таким образом, площадь колодца на глубине 1,5 м была 2,38 кв. м. Начавшийся дождь превратил находившийся внутри грунт в сплошное вязкое месиво, из-за чего расчистить колодец до дна не удалось. К тому же находившееся в 1,5 м от колодца русло реки сильно затрудняло его высыхание. Поэтому работы по разбору заполнения колодца (рис. 7) до окончания сроков экспедиции довести не удалось, а к следующему сезону он был полностью уничтожен очередным наводнением. Ещё меньше повезло со вторым колодцем. После очередного наводнения прямо посреди русла реки оказался небольшой островок, состоящий из камней средних размеров. Его верхняя часть имела прямоугольную форму, соответствующую размерам первого колодца. Внутренняя часть данного сооружения была заполнена обрушившимися в неё камнями. Проводить археологические работы посреди реки, на объекте, заливаемом водой, было невозможно, а на следующий год очередной паводок полностью уничтожил следы этого колодца. Тем не менее, можно говорить об определённых характерных чертах устройства колодцев населения Смольнинского городища. Они были прямоугольной формы и изнутри выложены необработанным камнем в один или, может быть, местами в два слоя толщиной. Для сравнения следует отметить, что колодцы бохайцев имели несколько другое устройство. Так, раскопанный на Краскинском городище колодец был в верхней части круглым, диаметром 80—85 см, а в нижней — квадратным, со стенками, ориентированными по сторонам света. Сами стены, сложенные из галечника вперемежку с черепицей,

были толщиной 45—65 см сверху и 70—115 см внизу. У этого колодца имелась каменная крышка [Гельман и др., 1999, с. 118]. Похожий на краскинский объект обнаружили и на бохайском городище Горбатка. Этот колодец был устроен в большом котловане. В верхней части он имел квадратную форму, в средней — овальную, а в нижней — прямоугольную. При этом по сторонам света у него были ориентированы углы. Стенки состояли из камня в несколько слоёв толщиной, а изнутри обшивались деревянными плахами или досками [Гельман, 2005, с. 290, рис. 117]. Этот колодец был намного уже смольнинского. Единственный раскопанный чжурчжэньский колодец имел размеры 1×1 м и сруб, сделанный полностью из дерева [Ивлиев, Никитин, 1979, с. 228]. Следует отметить, что все зафиксированные и раскопанные колодцы находились исключительно на равнинных городищах.

Взаимное расположение жилищ и колодцев Смольнинского городища дало дополнительную информацию. Дело в том, что расстояние между жилищами составляет около 5 м и они не находятся на одной линии (рис. 8). Кроме того, размыв берега, где располагалось городище, происходил так, что берег шёл практически параллельно единственному сохранившемуся целиком восточному валу детинца. Остатки жилищ в этом случайном разрезе памятника из года в год появлялись не рядами, а поодиночке. Получается, что на городище, валы которого были идеально ориентированы по сторонам света, отсутствовали улицы, соответствующие данной направленности валов. Более того, на нём, по всей видимости, вообще не было прямых улиц. Это наводит на мысль, что застройка памятника велась не по какому-нибудь плану, а хаотично. На первый взгляд, это может показаться нелогичным, учитывая правильную форму и чёткую ориентацию по сторонам света валов памятника и самих жилищ. На самом деле, здесь нет никаких

противоречий, если принять во внимание одно обстоятельство: валы были насыпаны из той же земли, что составляла основной слой на раскопанных участках [Шавкунов В.Э., 2001б, с. 35], и в них фиксировалась керамика смольнинского типа. Из этого следует, что валы насыпали жители из взятой здесь же, на месте проживания, земли. Произойти это могло лишь после того, как культурный слой на территории детинца уже был сформирован. Иными словами, население Смольнинского городища изначально жило в долине р. Арсеньевки в обычном неукреплённом посёлке, и лишь через достаточно большой промежуток времени (когда уже был сформирован солидный культурный слой) люди решили отгородить валом часть поселения. Причём сделано это было под влиянием бохайских традиций устройства городищ, для которых, помимо правильной формы детинца, характерно армирование внешних и внутренних склонов вала каменной кладкой или деревянными щитами [Шавкунов В.Э., 2001б, с. 35—36].

Относительно большое расстояние между жилищами Смольнинского городища и наличие вокруг них и колодцев значительных, не занятых другими строениями территорий, свидетельствует о неплотном заселении памятника. В пространстве между двумя жилищами было зафиксировано лишь несколько бесформенных и неглубоких рытвин, в которых не обнаружилось поломанных бытовых вещей, т.е. они не являлись мусорными ямами. Возможно, данные углубления образовались в результате выемки жителями земли для устройства канов в жилищах или для насыпки обваловок вокруг стен строений.

По всей видимости, хозяйственное назначение имела довольно большая яма округлой формы, раскопанная на городище Шайга-Редут. Её диаметр в верхней части достигал 3,5 м, а глубина доходила до 1 м (рис. 9). Верхняя часть данной ямы

была заполнена чёрным суглинком мощностью около 20 см. Под ним до самого материка шёл слой тёмно-коричневого суглинка мощностью около 80 см. В средней части этого слоя находилась небольшая каменная вымостка, перекрывавшая горелое пятно. В яме обнаружены кости крупного рогатого скота, фрагменты лепной и круговой керамики, характерной для смольнинской культуры, в том числе развал довольно большого сосуда (рис. 21), и некоторые другие предметы. Ямы такого типа со схожим набором находок раскопаны практически на всех бохайских городищах Приморья и интерпретируются как хозяйственные [*История Дальнего Востока, 1989, с. 195*], предназначенные для хранения различных продуктов. В подобных ямах с обложенными деревом или обмазанными и обожжёнными стенками хранили зерно чжурчжэни [*История Дальнего Востока, 1989, с. 287*]. Скорее всего, для хранения каких-либо продуктов предназначалась и яма, раскопанная на городище Шайга-Редут.

Заканчивая обзор хозяйственных и жилых построек смольнинцев, следует отметить, что наиболее значимые из них (жилища и колодец) заметно отличаются от подобных объектов других средневековых культур юга Дальнего Востока России (мохэской, бохайской и чжурчжэньской), в чём также проявляется своеобразие смольнинской культуры. Это даёт очередное основание утверждать её отличие от культур, принадлежащих тунгусо-маньчжурской общности.

КЕРАМИКА СМОЛЬНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Самым массовым материалом на памятниках смольнинской культуры является керамика. У смольнинцев она представлена двумя категориями — лепной и изготовленной при помощи поворотного устройства. Именно круговая керамика, большая часть которой несёт на себе следы обработки колотушкой в виде сетки мелких прямоугольных вдавлений (вафельная поверхность), является наиболее выразительной чертой смольнинской культуры, выделяющей её из круга других средневековых культур юга Дальнего Востока России. При этом ячейки колотушки по большей части имеют квадратную форму размерами от 2 до 4 мм (рис. 10, 3, 4). Намного реже встречаются длинные прямоугольные отпечатки, образующие на стенках обработанных сосудов своеобразную «ёлочную» поверхность из наклонных параллельных вдавлений (рис. 10, 1, 2). На достаточно крупных частях сосудов видно, что размеры поверхности рабочей части колотушки были не очень большими, порядка 2×2 или 3×3 см.

КРУГОВАЯ КЕРАМИКА

Круговая керамика составляет примерно две трети от общего числа керамики, причём это характерно как для Смольнинского городища, так и для городища Шайга-Редут. Технологические приёмы обработки и изготовления такой посуды подробно рассмотрены И.С. Жушиховской. Поэтому здесь будет дана лишь краткая их характеристика. Изготовление

крупных сосудов происходило методом ленточного налёпа, после чего уже сформированное изделие подвергалось выравниванию при помощи круга. Для такой посуды использовалась глина с достаточно крупными фракциями зёрен песка, размерами в основном от 1 до 3 мм, которые играли роль своеобразной арматуры и составляли 20—30% общей глиняной массы. Небольшие по размерам сосуды (миски, крышки) изготавливались прямо на круге из одного куска глины, содержащего 10—25% песка, чьи зёрна, как правило, были маленького размера (до 0,5 мм). Большинство уже сформированных круговых сосудов сначала обмазывались глинисто-водным раствором, а уже потом обрабатывались специальной деревянной колотушкой, которая и придавала изделиям вафельную поверхность. При этом выбивке подвергалась почти вся поверхность сосудов — горлышко, боковые стенки и дно, в результате чего днища имеют вогнутое основание и скруглённое соединение со стенками (рис. 11, рис. 12). Лощение было известно смольнинским мастерам, но им пользовались нечасто и в основном при обработке поверхности небольших изделий, таких как миски, чашки или крышки. При этом нет примеров сочетания на одном изделии следов выбивки и лощения [Жушиховская, Шавкунов В.Э., 2009, с. 56]. Часто применялось дымление сосудов, что придавало им тёмно-серые оттенки цвета. Смольнинская круговая посуда имела толщину от 0,5 до 1,2 см, в редких случаях — до 1,5 см, но преобладали изделия 0,5—0,7 см толщиной. Обжиг круговой посуды проводился в окислительном режиме в специальных печах или горнах при температуре 800—900 °С [Жушиховская, Шавкунов В.Э., 2006, с. 98—101].

Самой распространённой формой смольнинской круговой посуды являются крупные хорошо профилированные горшковидные сосуды с ярко выраженной шейкой и отогнутым

венчиком, по внешнему краю которого идёт небольшой карнизик (рис. 13, рис. 14). На смольнинских памятниках нередко находят днища больших сосудов, на которых имеется несколько мелких отверстий. Такая посуда традиционно относится к пароваркам. Значительно реже встречаются слабопрофилированные сосуды баночной формы со слегка отогнутым венчиком (рис. 15, 2—5), а также тазики (рис. 15, 1), небольшие миски (рис. 15, 7—10) и крышки (рис. 15, 6). Три последних категории посуды имеют слабо расходящиеся стенки и прямой венчик. Крышки изготавливались с навершиями, одно из которых найдено на Смольнинском городище (рис. 16, 1). Некоторые горшковидные изделия были снабжены прямоугольными ручками, выполненными в виде небольших кирпичиков. Данные ручки также подвергались выбивке колотушкой (рис. 16, 2), а иногда и украшались тремя насечками (рис. 16, 3). Помимо одной ручки с насечками из слоя на городище Шайга-Редут, два подобных изделия, в качестве подъёмного материала, были найдены на Николаевском городище и одно — на Смольнинском городище [Гельман, 2006, рис. 3, 2—3, рис. 6, 2].

В целом орнаменты круговой керамики смольнинских памятников не отличаются большим разнообразием и встречаются редко. Главным элементом декора этой категории посуды являются параллельные горизонтальные линии, которых на сосудах может быть до трёх групп по несколько линий в каждой. Все группы прочерчивались в зоне от горловины и до середины сосудов, т.е. приходились на верхнюю половину изделий. Другие варианты орнаментики стенок круговых сосудов у смольнинцев зафиксированы в единичных случаях. Они представлены поясом разнонаклонных линий, прочерченных тоненькой палочкой (рис. 17, 2), то ли рисунком, то ли иероглифом, часть которого осталась на одном из керамических фрагментов (рис. 17, 1), и оттиском гребенчатого штампа (рис. 20, 3). Один

раз на стенке кругового сосуда был зафиксирован тамгообразный знак в виде двух расходящихся книзу глубоких разрезов (рис. 18), прочерченных палочкой под горизонтальной линией.

Немного чаще встречается орнаментация на венчиках круговых сосудов. Как правило, это разного рода вдавления или насечки, нанесённые штампом или боковой поверхностью палочки на отогнутый карнизик (рис. 19, рис. 20, 4) или под ним (рис. 20, 1, 2).

Подавляющее большинство круговой керамики со смольнинских памятников представлено разрозненными фрагментами, поэтому удалось собрать всего один целый горшковидный сосуд с городища Шайга-Редут (рис. 21, рис. 22). У него небольшая, ярко выраженная шейка и отогнутый наружу венчик, по внешнему краю которого идёт маленький, но чётко выраженный валик. Дно сосуда слегка вогнуто внутрь и имеет плавное соединение со стенками, на которых, также как и на дне, видны следы в виде сетки мелких прямоугольных вдавлений, оставшихся после обработки ещё сырой поверхности деревянной колотушкой. Высота изделия — 32 см, диаметр устья — 22 см, горловины — 17 см, дна — 11 см. Наибольший диаметр тулова приходится на верхнюю треть сосуда и достигает 30,5 см. Под шейкой, на плечиках и в средней части имеются три зоны, покрытые параллельными линиями, прочерченными орудием в виде гребенки.

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА

Лепная керамика составляет около трети от общего числа фрагментов, найденных на памятниках смольнинской культуры. Несмотря на это, она более разнообразна. И.С. Жущиховская выделяет две группы лепной керамики Смольнинского городища

и соотносит одну с гончарной традицией кроуновской культуры, а вторую — с мохэской [Жущиховская, 2008, с. 19, 27].

Посуда первой группы изготавливалась способом кольцевого налепа из лент толщиной 0,7—1,2 см. После формирования изделий они сверху обмазывались глинисто-водной эмульсией. Изредка на них присутствует лощение. Глина имеет песчаную примесь размером 1—3 мм. Обжиг производился в окислительном режиме при температуре 700—750°C. Основная часть сосудов изготавливалась либо с выделенной воронковидной горловиной с отогнутым наружу венчиком (рис. 23, 1—6, 8—9, 11), либо без горловины и с вертикальным венчиком (рис. 23, 7, 10, 12). Встречаются массивные доньшки с выделенным «пьедесталом» в виде «пятки» (рис. 23, 13—14), больше характерные для сосудов средних размеров. Некоторые изделия снабжены ручками-«пеньками», имеющими подпрямоугольное сечение. Керамика данной группы не имеет какого-либо орнамента.

На Смольнинском городище найдены остатки одного сосуда этой группы, у которого удалось установить форму и размеры. Он относится к горшковидным, у него хорошо профилированная форма, ярко выраженная горловина и отогнутый наружу венчик с прямым наклонным внешним краем (рис. 24, рис. 25). Его высота равна 26 см, диаметр устья — 18,5 см, горловины — 15 см, дна — 7,5 см. Дно имеет плавное соединение со стенкой. Наибольший диаметр тулова находится посередине изделия и составляет 24 см. Орнаментация отсутствует.

Лепная керамика второй группы выразительнее и разнообразнее. Крупные сосуды изготавливались из глиняных жгутов или лент и окончательно формировались техникой выбивки, в то время как более мелкие изделия (чашки, миски) лепились из цельного куска. Толщина лепных сосудов была в пределах 0,5—1 см. Керамика данной группы снаружи и изнутри

обмазывалась глинисто-водной эмульсией, которая зачастую полностью скрывала следы от колотушки. Тем не менее на отдельных фрагментах проглядывает вафельная поверхность. На посуде не заметны следы лощения. Обжиг готовых изделий проводился по большей части в окислительной среде при температуре 800—850 °С [Жущиховская, 2008, с. 20].

Ведущей формой керамики этой группы являются горшковидные сосуды с хорошо выделенной горловиной и отогнутым наружу венчиком. Иногда на внешней стороне такого венчика имеется своеобразный карнизик, часто украшенный защипами или наклонными вдавлениями (рис. 26, рис. 27), но попадаются изделия и без карнизиков. Реже встречаются вазовидные сосуды с отгнутым венчиком без карнизиков. Кроме них, у смольнинцев бытовали сосуды баночной формы, а также миски, чашки, чаши на поддонах и некоторые другие. Последние имели прямые или слабо отогнутые венчики.

По результатам раскопок Смольнинского городища удалось собрать один археологически целый горшковидный сосуд. Он имеет хорошо профилированную форму с выделенной горловиной и отогнутым венчиком с закруглённым внешним краем. Высота его составляет 15 см, диаметр устья — 9,5 см, горловины — 7 см, а дна — 3,5 см, при этом дно имеет плавный переход в стенку. Наибольший диаметр тулова (12,5 см) приходится на середину сосуда. По плечикам изделие имеет орнамент в виде двух рядов прямоугольных вдавлений, нанесённых, по всей видимости, роликовым штампом (рис. 28, рис. 29).

Там же, на Смольнинском городище, найден один вазовидный сосуд. Он имеет плавный профиль и хорошо выделенную горловину, оформленную отогнутым наружу венчиком. По внешней стороне венчика есть карниз, украшенный наклонными вдавлениями. Высота сосуда составляет 13,5 см, диаметр устья — 8 см, горловины — 6,5 см, дна — 5 см. Донышко

сосуда плоское и имеет чёткое соединение с туловом. Наибольшее расширение тулова находится посередине изделия и достигает 9,5 см. По плечикам и верхней половине тулова идёт орнамент, представленный четырьмя рядами гребенчатого оттиска и одним рядом небольших наклонных вдавлений (рис. 30, рис. 31).

Также на Смольнинском городище обнаружен археологически целый сосуд баночной формы, имеющий плавно изогнутые стенки и слабо отогнутый наружу венчик с закруглённым краем. Высота изделия равнялась 8,8 см, диаметр устья — 11,5 см, а диаметр дна — 8 см. В донышке имеются три сквозных отверстия, просверлённых уже после обжига (рис. 32).

Кроме того, на Смольнинском городище найдена чаша (пиала), стоящая на небольшом (около 2 см высотой) кольцевидном поддоне, соединённом с ёмкостью хорошо выделенной, но невысокой шейкой. У изделия слабоизогнутые стенки и закруглённый венчик. Высота чаши равнялась 7 см, диаметр поддона — 4,3 см, устья — 12,5 см, а глубина ёмкости достигала 3,6 см (рис. 33, рис. 34). Там же, на Смольнинском городище, обнаружены фрагменты ещё одной подобной чаши, особенностью которой является наличие по внешнему краю всего поддона пальцевых вдавлений (рис. 35), характерных больше для венчиков горшковидных сосудов. Следует отметить, что в Приморском крае украшение нижней кромки стенок сосудов или поддонов не имеет каких-либо устойчивых традиций. Достоверно известен лишь один фрагмент нижней части сосуда (с поселения Троица найфельдского варианта мохэской культуры), на котором прочерчены вертикальные борозды [Дьякова, 1993, с. 70], имитирующие дольчатость сосудов. Подобные имитации известны и на некоторых других найфельдских памятниках, правда, находящихся в Приамурье [Нестеров, 1998, с. 57], но и там они встречаются редко. Кроме того, на самом

могильнике Найфельд найден фрагмент одного сосуда с насечками в придонной части, но, по мнению авторов, они имеют технологический характер [*Деревянко А.П. и др., 1999, с. 26*]. Известна из этого же могильника и одна чаша, в самой нижней части её стенок есть круглые вдавления [*Деревянко А.П. и др., 1999, рис. 17, 2*], но они расположены хаотично и вряд ли являются орнаментом. А вот в польцевских памятниках Среднего и Нижнего Амура орнаментация придонных частей встречается довольно часто, причём, как правило, на сосудах типа пиал, которые могли также использоваться в качестве крышек [*Деревянко А.П., 1976, с. 103—104*]. Следует отметить, что все чаши и пиалы польцевской культуры не имеют кольцевого поддона, а в лучшем случае снабжены лишь выделенным с краинами дном. А вот на мохэских памятниках найфельдского варианта Приморья пиалы на кольцевом поддоне встречаются [*Кривуля, 2014, рис. 8, 1—2*].

На городище Шайга-Редут найдена одна целая маленькая мисочка с семью мелкими отверстиями на дне (рис. 36). Ещё два отверстия, но уже несколько большего диаметра, расположены в верхней части стенки изделия (одно напротив другого). Эта мисочка имеет широкое устье с отогнутым наружу венчиком, оформленным по внешнему краю карнизиком, и слабую профилировку стенок. По плохо выраженным плечикам, на уровне более крупных отверстий, на изделии есть весьма небрежно прочерченная полоска. Высота этой мисочки составляет 3,5 см, а диаметр венчика достигал 6,5 см. Рядом была найдена ещё часть стенки подобного изделия, но без карнизика на венчике (рис. 37). У этого экземпляра имеются более ярко выраженные плечики, по которым прочерчены две бороздки. Диаметр венчика изделия был около 6,3 см, а высота — 4,2 см. Данный фрагмент недостаточно большой и найден без дна, что не дало возможности установить наличие у него

отверстий. Но так как оба изделия имели близкие размеры, были выполнены в схожей манере и, скорее всего, предназначались для одних и тех же целей, можно предположить, что они являются однотипными и у второй мисочки также должны быть отверстия. В то же время следует отметить крайне небрежное выполнение этих сосудов, вплоть до того, что на поверхности изделий остались не убранными небольшие кусочки глины. Подобные изделия, правда, без отверстий на дне, зато с четырьмя по стенкам, найдены в Приамурье на польцевских памятниках и интерпретированы как светильники [Деревянко А.П., 1976, с. 105].

ОРНАМЕНТ

Орнаментация смольнинской посуды присутствует главным образом на лепной керамике второй группы и в значительно меньшей степени — на круговой продукции. На лепных изделиях первой группы какой-либо орнамент не зафиксирован. Декор лепной и круговой керамики в целом одинаков, за исключением того, что на круговой он представлен меньшим числом вариантов. Украшались края венчиков (разного рода защипами и вдавлениями) и стенки сосудов. При этом декор на стенках мог располагаться в двух зонах: под венчиком (зона I), а также по плечикам и верхней части тулова (зона II). Зафиксированы два типа орнамента: выпуклый и врезной. Выпуклый характерен, в первую очередь, для зоны I и представлен наклепными валиками шириной 1—1,5 см, на которые наносились различные вдавления. Вероятнее всего, этот тип орнамента в зоне I в большей степени носил технический характер — валиком дополнительно укрепляли и оформляли край венчика [Дьякова, Шавкунов В.Э., 2012, с. 54]. В зоне II выпуклый ор-

намент встречен пока только на одном фрагменте керамики, найденном на городище Шайга-Редут. Он представлен плоским валиком, сверху и снизу окаймлённым прочерченными линиями и рассечённым наклонными линиями так, что на валике идут пояса треугольников и ромбиков (рис. 38, 21).

Врезной орнамент был распространён значительно больше и наносился также в двух зонах: по валику (зона I) и по плечикам (зона II). В зоне I зафиксированы горизонтальные пояса: правонаклонные (как исключение левонаклонных) вдавления шпателя, правонаклонные вдавления боковой частью палочки, что создавало видимость защипов, концевые оттиски инструмента с ромбовидным абрисом, правонаклонные ряды гребенчатых оттисков. Наиболее характерный врезной декор второй орнаментальной зоны представлен следующими видами: правонаклонные (реже левонаклонные) оттиски шпателя (лопаточки) или палочки, горизонтальные борозды, гребенчатые оттиски, скомпонованные в различные композиции, оттиски ногтя, прочёсы (рис. 38, рис. 39). Очень часто на одном сосуде имеются различные сочетания этих видов декора. К редким орнаментальным видам можно отнести оттиски трубочки (рис. 38, 14), прочерченный декор в виде трёхпалой лапки (рис. 38, 13) и сочетание разнонаклонных линий (рис. 39, 17).

В целом, рассматривая орнаментальные композиции, характерные для керамики смольнинской культуры, следует отметить, что по своим канонам они восходят к традициям культур раннего железного века юга Дальнего Востока России, в частности к орнаментальным традициям польцевской культуры. Кроме того, близкие орнаментальные приёмы можно отметить в керамике найфельдской группы мохэской культуры, которая по времени существования (IV—X вв.) [Дьякова, 1993, с. 319—321] следует сразу за польцевской в Приамурье и частично захватывает период существования

ольгинской и смольнинской культур Приморья. Орнаментация венечной части посуды смольнинцев имеет много аналогий в михайловской культуре Западного Приамурья [Мыльникова, Нестеров, 2005, табл. 100, 1—8].

МИНИАТЮРНЫЕ СОСУДИКИ

Рассматривая керамику смольнинской культуры, следует остановиться на ещё одной категории лепных изделий. Речь идёт о миниатюрных сосудах, которые на смольнинских памятниках встречаются достаточно часто. Так, на Смольнинском городище найдено 10 целых или фрагментированных сосудов баночной и горшковидной формы (рис. 40), причём 7 из них находились непосредственно в жилище № 2, а ещё один — рядом с жилищем. Три подобных изделия обнаружены и на городище Шайга-Редут (рис. 41). Некоторые сосудики орнаментированы (рис. 40, 1—3). Высота этой посуды варьируется от 1,7 см до 3 см. Формировалась она различными способами (кольцевым налепом из одной или двух лент, лентой вокруг палочки или из одного куска глины), а обжиг производился в печах с доступом кислорода. Миниатюрные сосудики смольнинцев по своим формам являются своего рода образцами больших лепных сосудов, найденных на тех же памятниках, т.е. их моделями. При этом копирование включает в себя формы орнамента и зоны его расположения. Следов хозяйственного использования на данных изделиях не обнаружено, т.е. они были предметами разового назначения. По всей видимости, миниатюрные сосудики смольнинской культуры служили в качестве экспериментального материала. Иными словами, по этим изделиям мастера или их ученики проверяли свойства обжигательной печи, нужный температурный

режим обжига или качества используемой формовочной массы [Дьякова, Шавкунов В.Э., 2009, с. 180].

Смольнинцы не единственные, на чьих памятниках обнаружены миниатюрные сосудики. Так, в Приамурье на поселении Польце 1 польцевской культуры зафиксирована целая серия миниатюрных изделий, копирующих форму больших сосудов и отнесённых к игрушкам [Деревянко А.П., 1976, с. 103]. Там же, в Приамурье, на Михайловском городище, давшем название одноимённой культуре, найдено 10 таких изделий. Все они были обнаружены непосредственно в жилищах на полу и представлены различными формами. Часть михайловских миниатюрных сосудов имеет несомненное сходство с крупными сосудами, в частности с изделиями с ложнотекстильными оттисками, остальные не повторяют традиционные для культуры формы [Дьякова, 1984, с. 85, 186]. Следов использования на них не обнаружено. Не исключено, что специальное назначение этих сосудиков (учебные, игрушечные и т.п.) не всегда предполагало точное копирование оригинала. Нередки находки миниатюрных сосудиков, повторяющих по форме большие вазовидные и горшковидные изделия, на поселениях и городищах (но не в погребениях) мохэ Среднего Амура [Деревянко Е.И., 1975, с. 139].

Там же, на Амуре, только в более позднее, чжурчжэньское, время миниатюрные сосудики различных форм встречаются довольно часто, но исключительно в могильниках: Надеждинском [Медведев, 1986, рис. 41, 11], Корсаковском [Медведев, 1982, табл. LXV, 6, табл. LXXXIV, 2] и некоторых других. Большинство таких изделий являются уменьшенной копией круговой сероглиняной керамики. Они повторяют не только форму, но состав теста. Их назначение понятно — это модели круговой керамики, специально выполненные для погребений [Дьякова, 1993, с. 193—197]. Справедливости ради надо добавить, что эти сосудики примерно в два-три раза крупнее смольнинских.

Известны миниатюрные сосуды и в бохайской культуре Приморского края. Они найдены на Николаевском-I городище [Болдин, 1978, рис. 54, 5], на Николаевском-II городище [Болдин, 1977, рис. 35] и на Новогордеевском поселении [Семеновиченко, 1973, рис. 45]. Правда, выполнены они в гораздо более грубой манере и без изящества смольнинских образцов. Интересно отметить, что бохайские миниатюрные сосудики найдены лишь на тех памятниках, которые расположены на востоке распространения этой культуры, т.е. в пограничных со смольнинцами районах. Вполне возможно, именно от смольнинцев и могла прийти к бохайцам идея проверять нужный температурный режим обжига и качество формовочной массы на сосудах маленьких размеров [Шавкунов В.Э., 2011, с. 324—325].

Заканчивая разговор о миниатюрных изделиях смольнинцев, следует отметить, что сосудики горшковидной формы практически полностью повторяют (копируют) формы обычных по размеру сосудов польцевской культуры. О том, что аналогии в керамике польцевских памятников и лепной посуды Смольнинского городища прослеживаются и на крупных сосудах, ранее уже писалось [Дьякова, Шавкунов В.Э., 2010].

В целом, рассматривая набор керамики смольнинской культуры, следует отметить, что гончарство смольнинцев является смесью различных традиций и приёмов изготовления. Комплекс керамики Смольнинского городища, по мнению И.С. Жушиховской, представляет разную социальную основу производства круговой и лепной продукции, при этом первая соотносится с ремесленным, а вторая — с домашним изготовлением. Кроме того, отмечаются довольно важные общие черты посуды (сходство профилировки и идентичность оформления венчиков), изготовленной этими двумя способами. Всё это позволяет предполагать определённую степень контакта между смольнинскими гончарами, одни из которых производили

посуду исключительно лепную, а другие — с использованием поворотного круга [Жущиховская, Шавкунов В.Э., 2009, с. 61]. Следует к этому добавить идентичность орнаментики венчиков и обработку поверхности схожими колотушками у отдельных экземпляров круговых и лепных сосудов. Но всё отмеченное сходство между лепной и круговой посудой смольнинцев относится только к лепной керамике второй группы. Лепная же посуда первой группы, традиции изготовления которой И.С. Жущиховская связывает с кроуновской культурой [Жущиховская, 2008, с. 19], находится в несколько обособленном положении. Изделия этой группы не имеют на поверхности ни следов обработки вафельной колотушкой, ни какого-либо орнамента, зато на них гораздо чаще видны следы лощения. Кроме того, у венчиков лепных сосудов первой группы есть прямой срез на верхнем или внешнем крае, но на них отсутствуют карнизики. Все эти элементы характерны для изделий кроуновской культуры. С кроуновской гончарной традицией можно также связывать наличие на некоторых сосудах смольнинцев прямоугольных налепных ручек, изготовление небольших чаш на невысоком полове поддоне и больших сосудов с выступом в виде пятки на днищах [Шавкунов В.Э., 2012, с. 18]. Следует отметить, что прямоугольные ручки в виде кирпичиков, а также прямые срезы на венчиках присутствуют иногда и на круговой посуде смольнинцев. Суммируя приведённые выше факты, констатируем, что кроуновское гончарное дело в достаточно большой степени повлияло на керамическое производство смольнинской культуры. При этом сходство со смольнинской керамикой прослеживается главным образом на восточных и юго-восточных кроуновских памятниках.

Происхождение исходных принципов изготовления второй группы лепной керамики смольнинцев определить проблематичнее. По крайней мере, ведущие керамисты Дальнего Востока

придерживаются разных взглядов на данную проблему. Так, И.С. Жущиховская видит в лепной керамике второй группы мохэскую основу [Жущиховская, 2008, с. 27], а О.В. Дьякова уверена в польцевских корнях как лепной, так и круговой керамики смольнинского гончарства [Дьякова, Шавкунов В.Э., 2010].

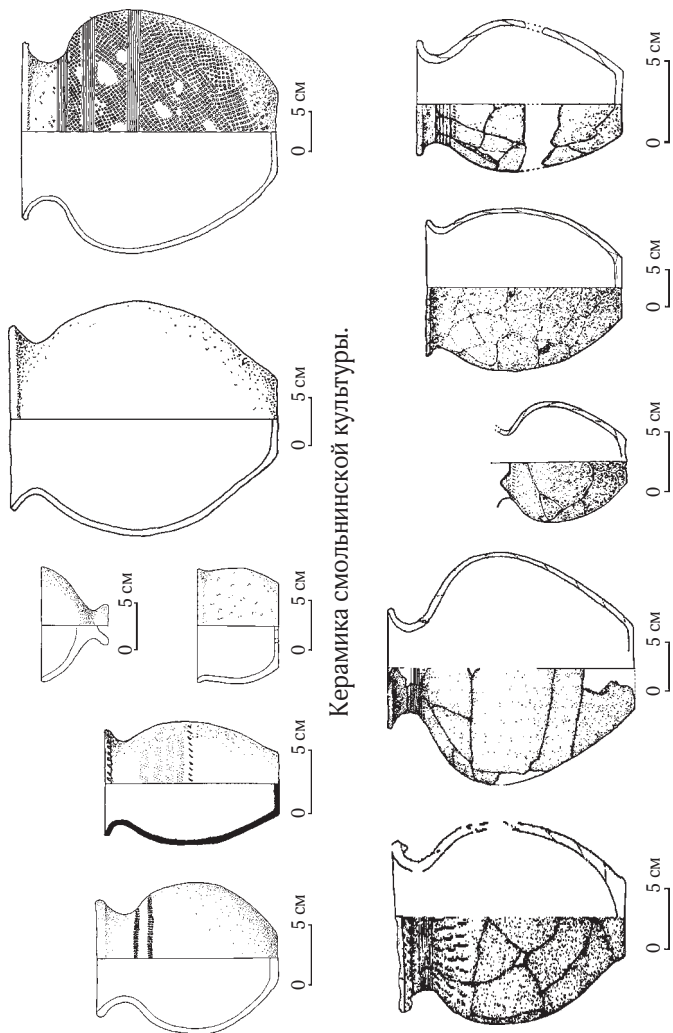
Для того чтобы разобраться в этих противоречиях, следует более подробно остановиться на самой проблеме. В Приморском крае известны памятники двух вариантов мохэской культуры: найфельдский и троицкий. Если брать керамику этих памятников, то по формам и пропорциям она в большинстве случаев заметно отличается от смольнинских сосудов. Исключение составляет лишь лепной вазовидный сосуд со Смольнинского городища (рис. 30, рис. 31), форма которого близка формам некоторых сосудов найфельдского варианта культуры мохэ [Деревянко А.П. и др., 1999, рис. 39, 3—4; Кривуля, 2015б, рис. 4, 2]. Однако мохэские вазовидные и горшковидные сосуды сильно отличаются от смольнинских в оформлении венчиков, да и в декоре посуды имеются заметные отличия, в частности, у мохэ в достаточно большом количестве присутствует выпуклый орнамент [Дьякова, 1993, с. 81], что крайне редко встречается на смольнинских изделиях. Есть разница и в сборке сосудов: если смольнинские мастера лепили из глиняных лент сразу всё изделие, то мохэ из лент формировали отдельные части (дно, части тулова, горловину, венчик) и только потом собирали весь сосуд [Дьякова, 1993, с. 67]. Помимо формы одного сосуда мохэскую и смольнинскую керамику сближает лишь то обстоятельство, что посуда троического варианта часто имеет вафельную поверхность.

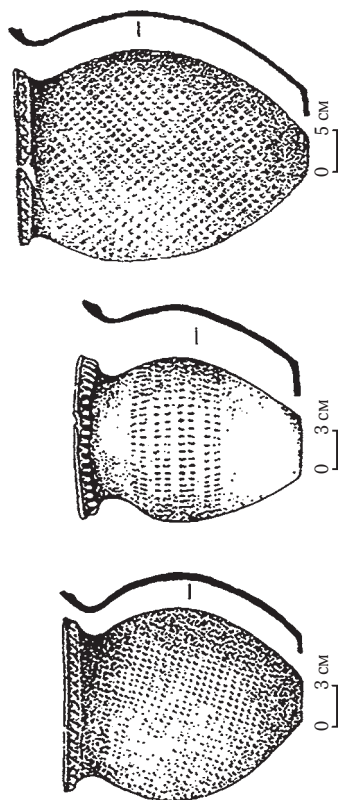
Относительно недавно из вариантов мохэской культуры был исключён михайловский, который стал самостоятельной культурой. В изделиях крупных форм михайловцев и смольнинцев гораздо больше сходства, что особенно заметно по оформле-

нию венчиков (в том числе и орнаментом) и по наличию вафельной поверхности на многих сосудах. Кроме того, гончарство обеих культур сближают зоны нанесения и виды орнамента (правда, у смольнинцев орнамент более разнообразный), а также изготовление миниатюрных копий больших сосудов.

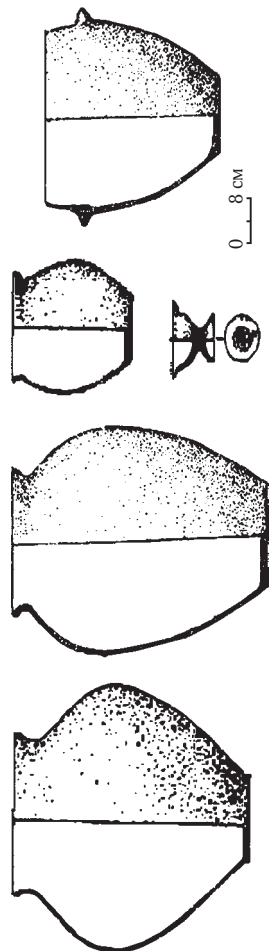
Что же касается влияния польцевского гончарства на смольнинскую керамику, то здесь следует сделать небольшое отступление. Польцевская культура зародилась на Амуре и просуществовала там больше 1000 лет — с VII в. до н.э. по IV в. н.э. — и за этот период претерпела заметные изменения. Около рубежа эр польцевцы стали проникать на юг Приморья, где смешались с кроуновским населением, в результате чего появилась ольгинская культура, которую некоторые исследователи продолжают считать польцевской. У польцевцев Амура, так же как и у смольнинцев, имеются сосуды с вафельной поверхностью. Для них характерны большие сосуды с широким туловом, зауженной горловиной и узким дном, миниатюрные сосудики и светильники с боковыми отверстиями. Схожи у них и зоны орнаментации, включая кромку дна небольших чашек [Деревянко А.П., 1976, табл. LXXIII], а также сами варианты декора, за исключением того, что на сосудах смольнинцев пока не зафиксирован волнистый орнамент и крайне редко встречается выпуклый декор. Всё вышеописанное, кроме, может быть, небольших чашек на полом кольцевом поддоне, присутствует и у ольгинцев. Но в целом надо отметить, что формы и профили больших сосудов польцевцев Приморья (ольгинской культуры) гораздо ближе к смольнинским, чем подобные изделия их родственников с берегов Амура. Для примера можно привести керамические изделия, найденные на поселении на сопке Булочка в Партизанском районе Приморского края [Деревянко А.П. и др., 2005, рис. 21, рис. 57, 1, рис. 59, рис. 60], которые имеют много общего с сосудами смольнинской культуры.

Таблица 1
Керамика смолянской, польцевской, михайловской и кроуновской культур

Керамика михайловской культуры (по Л.Н. Мыльниковой и С.П. Нестерову).

Керамика кроуновской культуры (по А.П. Окладникову и Д.Л. Бродянскому).

Таким образом, следует констатировать, что и михайловцы, и поздние польцевцы в лице ольгинцев с равной долей вероятности могли принять участие в появлении лепной керамики второй группы у населения смольнинской культуры. В свою очередь, керамика данной группы, как уже отмечалось ранее, имеет явные общие черты с круговой продукцией смольнинцев, производство которой, таким образом, также можно связывать с польцевцами (ольгинцами) и михайловцами. Это утверждение будет более убедительным, если учесть, что в ольгинской культуре уже использовали гончарный круг для придания изделиям нужных форм и качеств [Бродянский, 1987, с. 189]. Правда, остаётся непонятным, для чего на круговых сосудах смольнинцы оставляли вафельную поверхность, а на лепных следы колотушки чаще всего тщательно затирали. Возможно, это связано с различной социальной организацией производства посуды и на круговых изделиях, изготовленных в специальных мастерских, вафельную поверхность оставляли как своеобразный знак качества.

Суммируя приведённые данные, с достаточно большой долей уверенности можно говорить о том, что смольнинские гончары использовали традиции, берущие начало от кроуновцев, польцевцев (через ольгинцев) и, возможно, михайловцев. Видимо, население названных общностей послужило основой для становления и развития смольнинской культуры. Таким образом, налицо явная синкретичность данной культуры, в которую влились минимум три компонента населения.

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ СМОЛЬНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одной из самых массовых категорий находок на различных средневековых памятниках, в т.ч. и на относящихся к смольнинской культуре, являются предметы вооружения, которое принято подразделять на наступательное и защитное. Пока что на раскапываемых городищах наступательное представлено исключительно наконечниками стрел, а защитное — панцирными пластинками.

НАКОНЕЧНИКИ СТЕЛ

Все найденные на памятниках смольнинской культуры наконечники стрел изготовлены из железа. По способу насада на древко стрелы они подразделяются на черешковые и вкладышевые.

Вкладышевые наконечники просто вставлялись в расщеплённый или распиленный торец древка стрелы, как это было зафиксировано при раскопках мохэского могильника Монастырка-III [Семин, Шавкунов В.Э., 1990, рис. 3, 14, 15], и крепились там, скорее всего, при помощи клея. Эти наконечники были очень просты в изготовлении: их могли вырубать или вытачивать из любой подходящей по размерам пластинки, а потом доводить на абразивном камне. Именно потому, что их изготавливали из пластин, все они имеют уплощённо-линзовидное сечение. Кроме того, они намного меньше и легче черешковых наконечников. На Смольнинском городище вкладышевых наконечников найдено 12, а на городище Шайга-Редут — 3.

По форме пера они подразделяются на типы, а по форме основания — на варианты. На пере некоторых экземпляров имеются одно или два отверстия, но вряд ли их делали специально и они несли какую-либо функцию. Скорее всего, эти отверстия оказывались на наконечниках потому, что их изготавливали, в т.ч., и из панцирных пластин, на которых данные отверстия уже были сделаны. Поэтому наличие или отсутствие отверстий на пере этих наконечников не должно учитываться как тип- или вариантообразующий признак. Все вкладышевые наконечники стрел подразделяются на пять типов (табл. 2).

Тип 1. Треугольный. Всего найдено четыре экземпляра (рис. 42, 1—4), все — на Смольнинском городище. Сохранность у них не всегда хорошая, поэтому говорить об их размерах и формах основания проблематично. Тем не менее, по всей

Таблица 2

Типы и варианты вкладышевых наконечников стрел

Тип	Вариант	Сечение	Длина пера/ ширина пера (мм)	Памятник/ количество
1			≈31/13—17	См./4
2	а 		34/17	См./1
	б 		35/19	Ш.-Р./1
3	а 		27—31/18—21	См./2
	б 		35—38/16—23	См./2, Ш.-Р./1
4	а 		22—23/17—22	См./2
	б 		24/19	См./1
5			<32/12	Ш.-Р./1

Примечание: См. — Смольнинское городище; Ш.-Р. — Шайга-Редут.

видимости, наконечники этого типа имели прямое основание. Длина самого целого экземпляра — 31 мм, остальные примерно такие же. Ширина основания колеблется от 13 до 17 мм. Подобные наконечники обнаружены в Приморье на позднемохэском могильнике Монастырка-III [Семин, Шавкунов В.Э., 1990, рис. 3, 14], на поселении Синие Скалы [Вострецов, 1981, рис. 1, 34], в среднем (ольгинском) слое Ауровского городища [Шавкунов В.Э., Гельман, 2002, рис. 17, 5] и в бохайском слое Новогордеевского городища.

Тип 2. Колокольчиковидный. Есть два экземпляра, которые по форме основания подразделяются на два варианта. **Вариант А** — с вогнутым основанием (рис. 42, 5), найден на Смольнинском городище. Общая длина — 34 мм, а ширина — около 17 мм. Этот экземпляр единственный из всех выполнен достаточно изящно. Полной аналогии ему в приморском материале нет. **Вариант Б** — с треугольным основанием (рис. 43, 1). Обнаружен на городище Шайга-Редут. Его длина — 35 мм, наибольшая ширина — 19 мм, а глубина выреза — 7 мм.

Тип 3. Параболовидный. Имеется пять наконечников, которые по форме основания подразделяются на два варианта. **Вариант А** — с прямым основанием (рис. 42, 6, 7). Найдено два экземпляра, оба — на Смольнинском городище. Более крупный имеет длину 31 и ширину 21 мм. Длина другого — 27 мм, а ширина — 18 мм. У второго изделия на пере есть два довольно крупных отверстия, причём нижнее заметно смещено к одной из боковых сторон. По всей видимости, этот экземпляр был сделан из обломка панцирной пластинки. По одному похожему наконечнику обнаружено на бохайском Константиновском-1 селище [Болдин, Шавкунов В.Э., 1997, рис. 2, 9] и на могильнике Монастырка-III [Семин, Шавкунов В.Э., 1990, рис. 3, 17]. **Вариант Б** — с вогнутым основанием. Один наконечник найден на Смольнинском городище (рис. 42, 8)

и один — на городище Шайга-Редут (рис. 43, 2). Длина смольнинского экземпляра приблизительно равна 35 мм, а ширина — 16 мм. Длина наконечника с Шайги-Редута равна 38 мм, ширина — 23 мм, а глубина выреза — 4 мм. По одному такому наконечнику найдено на Константиновском-1 селище [Болдин, Шавкунов В.Э., 1997, рис. 2, 1], на Рудановском поселении [Бродянский, 1987, рис. 96, 11], на могильнике Монастырка-III [Семин, Шавкунов В.Э., 1990, рис. 3, 16], и два обнаружено на поселении Синие Скалы [Вострецов, 1981, рис. 1, 2, 36]. Похожие наконечники найдены на Рощинском могильнике [Никитин, Шавкунов В.Э., 1998, рис. 1, 15—17], но у них в основании имеется треугольный вырез. Ещё один наконечник этого типа со Смольнинского городища (рис. 42, 9) представлен обломком, и форму его основания установить невозможно.

Тип 4. Пятиугольный. Найдено три экземпляра, все — на Смольнинском городище. По ряду признаков их можно разделить на два варианта. **Вариант А** представлен двумя наконечниками, которые имеют расходящиеся боковые стороны и практически прямое основание (рис. 42, 10, 11). Длина их составляет 22—23 мм, а ширина в основании — 17—22 мм. **Вариант Б:** у этого наконечника боковые стороны идут параллельно, основание слегка выгнуто, а на пере имеется одно небольшое отверстие (рис. 42, 12). Длина его равна 24 мм, а ширина — 19 мм. Очень похожие наконечники с отверстием на пере, но без ярко выраженных углов на боковых гранях обнаружены на Синих Скалах [Вострецов, 1981, рис. 1, 1, 33].

Тип 5. Узколистый (рис. 43, 3). Единственный экземпляр найден на городище Шайга-Редут. Характеризуется узким вытянутым пером со слегка расходящимися сторонами и с полукруглой выемкой в основании. Длина сохранившейся части пера — 32 мм, ширина — 12 мм, глубина выреза — 3 мм. Полных аналогий этому наконечнику не известно.

Следует отметить, что вкладышевые наконечники стрел (по крайней мере, большинство из них) повторяют формы каменных прототипов и предназначались, скорее всего, для охотничьих целей. Во временном диапазоне железные вкладышевые наконечники стрел в разнообразных вариантах оформления пера и его основания использовались в различных культурах Приморья на протяжении всего I тыс. н.э. [Шавкунов В.Э., Гельман, 2002, с. 102] и не найдены только на чжурчжэньских памятниках, а также не были распространены в Приамурье. В целом прослеживается определённая тенденция: железные вкладышевые наконечники стрел встречаются чаще на памятниках севера и востока Приморья. Связывать же это, скорее всего, необходимо с общим уровнем кузнечного производства: в более развитых обществах предпочитали и более совершенные черешковые наконечники. Производство же вкладышевых не требовало высокой квалификации и больших затрат времени. Тем не менее, практически везде, где зафиксированы эти наконечники, они встречаются в небольшом количестве, в то время как на Смольнинском городище их найдено 40%, а на городище Шайга-Редут — 33% от общего числа всех наконечников. Правда, большинство обнаружено в жилище № 2 Смольнинского городища, где, по-видимому, проживал мастер на все руки, изготавливавший различную продукцию для собственных нужд, в т.ч. и вкладышевые наконечники стрел [Шавкунов В.Э., 2010, с. 51].

Черешковых наконечников найдено 24 (18 на Смольнинском городище и 6 на городище Шайга-Редут). По форме пера они разделяются на восемь типов, внутри которых выделяют варианты в зависимости от сечения пера и присутствия или отсутствия дополнительных элементов. У многих наконечников черешки обломаны, и общую длину их установить проблематично, поэтому в описании данный параметр будет опущен (табл. 3).

Таблица 3

Типы и варианты черешковых наконечников стрел

Тип	Вариант	Сечение	Длина пера/ ширина пера/ длина шейки	Памятник/ количество
1			53—91/6—8/—	См./6, Ш.-Р./2
2			—/7/—	Ш.-Р./1
3	а 	 	23/9/42	См./1
	б 	 	47/12/50	См./1
4		 	22—46/9—11/ 25—58	См./4
5	а 		42/19/7	См./1
	б 		44/13/8	См./1
	в 		50—59/14—15/7	См./1, Ш.-Р./1
	г 		56/12/—	См./1
6			28/12/10	См./1
7	а 		27/11/—	См./1
	б 		31/14/—	Ш.-Р./1
8			65/16/—	Ш.-Р./1

Тип 1. Долотовидный. Найдено шесть экземпляров на Смольнинском городище (рис. 44, 1—6) и два — на городище Шайга-Редут (рис. 43, 4, 8). У всех наконечников этого типа перо к острию немного расширяется. Длина пера обнаруженных экземпляров колеблется от 53 до 91 мм. Такие наконечники были широко распространены в средние века на Дальнем Востоке, их находят практически на любом памятнике конца

I — начала II тыс. н.э. как в Приморье, так и на Амуре. Правда, чжурчжэньские и амурские экземпляры выполнены гораздо более тщательно, что в первую очередь касается ярко выделенного упора.

Тип 2. Кинжаловидный (рис. 43, 9). Найден один экземпляр на городище Шайга-Редут. Имеет узкое ромбическое в сечении перо с параллельными боковыми сторонами. Остриё наконечника обломано. Длина сохранившейся части — 59 мм, а ширина — 7 мм. Похожие наконечники в Приморье использовались бохайцами [Леньков, Шавкунов В.Э., 1993, с. 220] и чжурчжэнями [Шавкунов В.Э., 1993, с. 27]. Один подобный экземпляр найден на поселении Синие Скалы [Вострецов, 1981, рис. 1, 5]. Встречаются такие наконечники на Амуре [Деревянко Е.И., 1977, табл. XXIX, 1; Медведев, 1977, табл. XLIV, 1—4] и на когурёских и корёских памятниках Корейского полуострова [Пак Дин Ук, 1967, рис. 5, 10, рис. 8, 5].

Тип 3. С параболовидной головкой, с плечиками и длинной шейкой. Найдено два наконечника, оба — на Смольнинском городище. По сечению боевой головки и шейки они относятся к разным вариантам. **Вариант А** — с головкой треугольного сечения и квадратной в сечении шейкой (рис. 44, 7). Длина головки — 23 мм, а ширина — 9 мм. Длина шейки — 42 мм. Полной аналогии этому экземпляру не известно. **Вариант Б** — с линзовидным сечением пера, круглой в сечении шейкой и маленькими отверстиями в основании плечиков (рис. 44, 8), одно из которых оказалось отломанным. Длина пера равна 47 мм, ширина — 12 мм, а длина шейки — 50 мм. В Приморье среди бохайских и чжурчжэньских наконечников стрел известны отдельные экземпляры этого типа, но с гораздо менее длинной шейкой, а вот наконечники из амурского региона отличаются от смольнинского шестиугольным сечением шейки [Васильев, 1990, рис. 4, 94, 95]. Наконечник

варианта Б — единственный известный экземпляр этого типа, у которого есть маленькие отверстия в основании шейки.

Тип 4. Лавролистый с длинной шейкой и треугольным сечением пера (рис. 44, 9—12). Найдено четыре наконечника, и все — на Смольнинском городище. Сечение шейки у них прямоугольное, близкое к квадратному. Длина головки колеблется от 22 до 46 мм, ширина — от 9 до 11 мм, длина шейки — от 25 до 58 мм. Наконечники этого типа широко распространены на Дальнем Востоке, но все имеют либо линзовидное, либо ромбовидное сечение пера, а вот экземпляры с сечением пера в виде уплощённого равнобедренного треугольника на других памятниках пока не обнаружены.

Тип 5. Узкий колокольчиковидный. Всего имеется пять наконечников. По сечению пера их можно разделить на четыре варианта. **Вариант А** — с Z-образным сечением и маленькими прямыми плечиками (рис. 44, 13). Найден на Смольнинском городище. Длина пера у него — 42 мм, ширина — 19 мм, длина шейки — 7 мм. Среди нескольких тысяч наконечников стрел с чжурчжэньских памятников Приморья известно всего два экземпляра с таким сечением пера. Не намного чаще Z-образность присутствует у бохайских наконечников [Леньков, Шавкунов В.Э., 1993, табл. 1]. Один экземпляр обнаружен на Синих Скалах [Вострецов, 1981, рис. 1, 4]. А вот в мохэском материале севера Приморья [Никитин, Шавкунов В.Э., 1998, рис. 1] и в Приамурье, в синхронных по времени памятниках [Васильев, 1990, с. 83], процент наконечников с таким сечением пера значительно выше. Тем не менее, полных аналогий этому экземпляру нет. **Вариант Б** — с сомбровидным сечением (т.е. в виде шляпы с широкими полями) и с жальцами (рис. 44, 14). Найден на Смольнинском городище. Длина пера наконечника — 44 мм, ширина — 13 мм, длина шейки — 8 мм. Наконечники стрел с таким сечением ранее

не встречались в средневековых памятниках Дальнего Востока. **Вариант В** — с линзовидным сечением. Есть два экземпляра. Наконечник со Смольнинского городища имеет жальца (рис. 44, 15). Длина пера — 50 мм, ширина — 15 мм, длина шейки — 7 мм. Один похожий на него наконечник, но с ромбическим сечением пера, найден на Шайгинском городище [Шавкунов В.Э., 1993, рис. 12, 4], относящемся к чжурчжэням периода Дун Ся (1215—1233 гг.). У второго экземпляра, обнаруженного на городище Шайга-Редут, вместо жальцев имеются покатые плечики (рис. 40, 6). Длина сохранившейся части пера — 59 мм при ширине 14 мм. В целом наконечники этого варианта встречаются в Приморье у бохайцев [Болдин, Шавкунов В.Э., 1997, рис. 2, 16; Леньков, Шавкунов В.Э., 1993, с. 219]. Найдены они и в Приамурье — на Троицком [Деревянко Е.И., 1977, табл. XIX, 8, 9] и Корсаковском [Медведев, 1982, табл. XI, 10—13] могильниках. **Вариант Г** — с сегментовидным сечением (рис. 44, 17). Обнаружен на Смольнинском городище. Остриё этого наконечника немного обломано, и длину его пера можно установить лишь приблизительно. Ориентировочно она была 56 мм при ширине 12 мм. Данный экземпляр интересен ещё тем, что на основании его покатых плечиков имеются проточенные бороздки — три с одной стороны и одна с другой. Наконечники такой формы были широко распространены в средние века на Дальнем Востоке, но экземпляры с сегментовидным сечением встречаются крайне редко. На о. Уссурийском найдены очень похожие наконечники, но они имеют уплощённо-треугольное сечение пера [Медведев, 1982, табл. LVIII, 7, 8], и потому полной аналогии смольнинскому наконечнику не известно.

Тип 6. Треугольный с покатыми плечиками и с шейкой. Найден один экземпляр (на Смольнинском городище). Имеет линзовидное сечение пера (рис. 44, 16). Длина пера — 28 мм,

ширина — 12 мм, а длина шейки — 10 мм. Такие наконечники были широко распространены и встречаются на многих средневековых памятниках Дальнего Востока.

Тип 7. Листовидный. Найдено два экземпляра, которые по сечению пера относятся к двум вариантам. **Вариант А** — с линзовидным сечением пера (рис. 44, 18). Происходит со Смольнинского городища. Длина пера — 27 мм, а ширина достигает 11 мм. Такие наконечники были также широко распространены в различных средневековых культурах Дальнего Востока. **Вариант Б** — с почти овальным, треугольным в сечении пером (рис. 43, 7). Обнаружен на городище Шайга-Редут. Длина наконечника — 46 мм, ширина пера — 14 мм. Из-за того, что у описываемого экземпляра достаточно редкое уплощённо-треугольное сечение пера, полных аналогий ему найти не удалось.

Тип 8. Прямоугольный срезень (рис. 43, 5). Найден на городище Шайга-Редут. Имеет вытянутое плоское перо с выступающим прямоугольным остриём. Длина пера — 65 мм, а ширина — 16 мм. Подобные наконечники известны у чжурчжэней Приморья [Шавкунов В.Э., 1993, рис. 6, 5].

В целом, рассматривая всю коллекцию черешковых наконечников стрел, следует отметить некоторые моменты. Наконечники первых четырёх типов имеют достаточно массивную боевую головку, длинную шейку и весят значительно больше остальных. Археологи-оружиеведы однозначно относят их к боевым. Всего боевых наконечников найдено 15, что составляет 62,5% от числа всех черешковых. Довольно значительное количество — а следовательно, есть веские основания утверждать факт участия населения памятников смольнинской культуры в военных действиях против каких-то соседей. Больше всего найдено долотовидных наконечников (тип 1), но они вообще были очень широко распространены на Дальнем

Востоке. Достаточно часто встречаются и кинжаловидные наконечники (тип 2). А вот другие два типа боевых стрел (тип 3 и тип 4) практически не имеют аналогий у мохэско-бохайско-чжурчжэньского населения Приморья, т.е. у тех народов, которые населяли край в средние века и традиционно относятся к тунгусо-маньчжурской языковой группе.

Четыре других типа наконечников (типы 5—8) не имеют вообще или имеют маленькую шейку, обладают достаточно плоским пером и весят значительно меньше боевых. Такие наконечники принято относить к охотничьим. Среди рассмотренных выше охотничьих наконечников самыми распространёнными являются экземпляры с узким колокольчиковидным пером (тип 5). Находки такой формы крайне редко встречаются на средневековых памятниках российского Дальнего Востока, а из-за их экзотических сечений «смольнинские» наконечники стоят несколько особняком. Да и процент таких стрел в колчане смольнинцев был несравнимо выше, чем у других народов Дальнего Востока. Ещё три типа рассматриваемых охотничьих наконечников смольнинцев представлены единичными экземплярами, зато в других средневековых культурах они встречаются достаточно часто. Исключение составляет лишь один листовидный наконечник (тип 7, вариант Б), который из-за треугольного сечения пера не имеет полных аналогий в материале близких по времени средневековых культур юга Дальнего Востока России. Зато именно по этому показателю данный экземпляр сближается с наконечниками стрел, найденными на Смольнинском городище и имеющими треугольное сечение пера (тип 3, вариант А и тип 4).

Таким образом, среди рассмотренных выше черешковых наконечников стрел почти половина (10 из 24) стоят особняком и не входят в основной набор колчана средневековых тунгусоязычных народов Дальнего Востока. Обращает на себя

внимание довольно большое число экземпляров (5) с редко встречающимся треугольным сечением пера. Причём найдены они и на Смольнинском городище, и на городище Шайга-Редут. Не исключено, что стрелы с таким сечением являются неким индикатором своеобразия материальной культуры памятников смольнинского типа. Если же к ним добавить ещё два экземпляра с сомбреровидным и сегментовидным сечением пера (тип 5, варианты Б и Г), также мало характерных для набора колчанов населения других культур российского Дальнего Востока, то число наконечников, имеющих перо с одной плоской гранью, возрастёт до семи. А это наводит на определённые размышления. Наличие одной плоской грани у наконечника предполагает использование его этой гранью либо вниз, либо вверх. В противном случае из-за различий в площади и конфигурации граней стрела будет отклоняться в полёте в сторону. Расположение же граней наконечника в горизонтальном положении, скорее всего, придавало дополнительную дальность и устойчивость полёту стрелы. В Приморье наконечники с одной плоской гранью встречаются ещё лишь в материалах Константиновского-1 селища (три экземпляра с сегментовидным сечением). Все они найдены в раннебохайских слоях [Болдин, Шавкунов В.Э., 1997, с. 75—76]. Возможно, идея односторонне плоского сечения пришла к смольнинцам от бохайцев, а уже сами они развили её и использовали эти свойства в полной мере.

Рассматривая в совокупности весь набор наконечников стрел, полученных при раскопках памятников смольнинской культуры, следует отметить два главных обстоятельства. Во-первых, содержимое колчана смольнинского воина-охотника обладало достаточно большим своеобразием, что в наибольшей степени проявляется в черешковых наконечниках с их достаточно необычными сечениями пера. Во-вторых, набор

смольнинских наконечников стрел имеет мало общего с подобным набором бохайцев и чжурчжэней Приморья, и в несколько большей степени прослеживается тяготение к материалу с памятников севера и востока края, датируемых концом I тыс. н.э.

ПАНЦИРНЫЕ ПЛАСТИНЫ

Защитная категория вооружения представлена в находках доспехами, от которых остались лишь отдельные панцирные пластины. Пластинок, целых и фрагментированных, найдено мало — всего 19 (11 на Смольнинском городище и 8 на городище Шайга-Редут). Между тем панцирные пластины являются наиболее важным среди предметов вооружения индикатором, дающим возможность выявить торговые или культурные контакты среди различных племенных групп изучаемого времени и даже внутри данных групп. Главным фактором для такого определения является принцип расположения в пластинах отверстий для связывания. Дело в том, что для производства как отдельных пластин, так и всего панциря требовались определённые навыки, которые передавались из поколения в поколение от мастера к ученику, а следовательно, должны были соблюдаться определённые традиции в деле производства защитного вооружения. Иными словами, для изготовления панциря мастеру требовались пластины, с которыми он привык иметь дело. Но при таком раскладе дел смена типа панциря и его составляющих (отдельных пластинок) не могла происходить часто, особенно в условиях слабо развитой производственной базы. В этом плане создание защитного вооружения можно приравнять к производству повседневной одежды, т.е. вид и способ сборки панциря являлся таким же традиционным, как вид и крой обычной одежды, присущей каждому

конкретному сообществу людей. Также нужно учитывать, что для определения путей эволюции панциря, а значит, для выявления ближайших аналогов и возможных путей заимствования, главным является принцип расположения и количество отверстий, а уже во вторую очередь — размер и форма пластин.

Практически все панцирные пластинки, найденные на памятниках, были подвержены сильной коррозии. Это обстоятельство имеет особое значение в связи с тем, что отверстия довольно мелкие и часто забивались песком и заплывали ржавчиной. Из-за этого на некоторых пластинках отдельные отверстия могли оставаться невыявленными.

Все панцирные пластинки с памятников смольнинской культуры имеют подпрямоугольную форму с закруглёнными краями, с прямыми параллельными длинными и со скруглёнными (одной или двумя) короткими сторонами. Большинство отверстий в пластинках расположено парами — вертикальными или горизонтальными. При этом первые служат для крепления пластин в полосы и для соединения полос между собой, в то время как вторые, как правило, предназначены для крепления к набранным полосам кожного канта. Кроме того, отверстия во всех рассматриваемых экземплярах находятся симметрично вдоль длинных сторон, а это свидетельствует о вертикальном расположении пластин в панцирях. По размерам, форме, количеству отверстий и их расположению пластинки делятся на типы.

Тип 1. Маленькие, узкие, с двумя боковыми парами отверстий в средней части и одним срединным отверстием в нижней (рис. 45, 3). Такая пластина найдена на Смольнинском городище. Длина её — 34 мм, ширина — 19 мм. Очень похожая пластинка обнаружена в бохайском слое на Константиновском-1 селище [Болдин, Шавкунов В.Э., 1997, рис. 3, 8], но, вполне возможно, константиновская пластинка не является целой.

Тип 2. Узкие, с двумя парами боковых отверстий в средней части, одной парой посередине внизу и одним срединным отверстием вверху. Два экземпляра найдены на Смольнинском городище. У одной пластины нижний край закруглён (рис. 45, 4). Длина её — 45 мм, ширина — 23 мм. У второго экземпляра нижний край приострён (рис. 45, 10). Длина — 42 мм, а ширина — 20 мм. Пластины с подобным расположением отверстий, но существенно меньших размеров, найдены в Приамурье на памятниках польцевской культуры [Деревянко А.П., 1976, табл. LXXIV, II] и на Троицком могильнике [Деревянко Е.И., 1977, табл. XXXIII, 20].

Тип 3. Вытянутые узкие, со скруглёнными верхним и нижним краями, с шестью вертикальными и одной горизонтальной парой отверстий (рис. 46, 1). Такая пластина обнаружена на городище Шайга-Редут. Длина — 62 мм, а ширина — 21 мм. Имеется 14 отверстий, расположенных попарно. По три вертикальных пары отверстий размещены симметрично справа и слева в верхней, средней и нижней частях пластины. Они служили для скрепления отдельных пластин в горизонтальные полосы. Одна пара располагалась горизонтально в верхней части и предназначалась для крепления к полосам пластин кожаной или матерчатой окантовки, а также для вертикального крепления полос доспеха. Вполне возможно, к этому же типу относится и фрагмент ещё одной пластинки с городища Шайга-Редут (рис. 46, 2), ширина которой равна 17 мм. Полных аналогов этому типу пластин в дальневосточном материале найти не удалось. Возможно, потому что, за исключением чжурчжэнских, на памятниках других средневековых культур находки целых пластин случаются достаточно редко, а следовательно, полное количество отверстий и их расположение установить невозможно. Так, фрагмент пластины, найденный в бохайском слое на Константиновском-1 селище [Болдин, Шавкунов В.Э., 1997, рис. 3, 9],

повторяет верхнюю часть пластин данного типа. То же самое можно сказать и о фрагменте с поселения Синие Скалы [Вострецов, 1981, рис. 2, 6]. Похожие пластинки, но с двумя дополнительными отверстиями в средней части и с прямым верхним краем, встречены на Роцинском могильнике в Приморье [Никитин, Шавкунов В.Э., 1998, рис. 5, 3] и на Корсаковском могильнике в Приамурье [Медведев, 1982, табл. LXI, 8—22].

Тип 4. Широкие со скруглённым нижним краем, с тремя вертикальными и одной горизонтальной парами и с одним центральным отверстием (рис. 46, 3, 6, 7). Эти пластины найдены на городище Шайга-Редут. Длина варьируется от 48 до 51 мм, а ширина — от 36 до 40 мм. На них имеется по 9 отверстий. Горизонтальная пара в верхней части предназначалась для крепления окантовки. Вертикальные пары, расположенные по одной справа и слева в средней части и одна — в середине нижней части, предназначались для сшивания пластин в горизонтальные полосы. В центре имелось ещё одно отверстие, через которое происходило вертикальное крепление пластин. Правда, у одного экземпляра (рис. 46, 3) в верхней части зафиксировано только одно отверстие, но, скорее всего, второе просто оказалось замуровано прижавшей песчинкой. По всей видимости, к этому же типу относится фрагмент ещё одной пластинки с городища Шайга-Редут (рис. 46, 8), у которой удалось зафиксировать лишь центральное отверстие и вертикальную пару нижних отверстий. Ширина данного экземпляра — 40 мм. Возможно, к этому же типу пластин относится и ещё один фрагмент шириной 33 мм, найденный на городище Шайга-Редут (рис. 46, 4), у которого удалось проследить лишь по одному боковому отверстию. Полных аналогов этому типу пластин в дальневосточном материале не обнаружено, а наиболее близкие (в первую очередь по форме и размерам) встречаются на польцевских памятниках Приамурья [Деревянко А.П., 1976, табл. XII, 9, табл. XVIII, 2], но у них

одинокое центральное отверстие сдвинуто вверх и нет верхней пары горизонтальных отверстий. А вот на Алтае, в памятниках сросткинской культуры, встречаются пластины этого типа [Горбунов, 2003, рис. 62, 4]. Они отличаются от найденных на памятнике Шайга-Редут экземпляров лишь несколько большей длиной. Следует добавить, что на Алтае пластины этого типа бытовали в период со второй половины VIII до первой половины X в. н.э., что полностью укладывается в рамки существования смольнинской культуры.

Тип 5. Широкие с восемью боковыми вертикальными парами и одной горизонтальной парой, расположенной в верхней части (рис. 45, 5). Правда, на правой стороне пластинки не хватает одного отверстия во второй сверху вертикальной паре, но, по всей видимости, оно просто сильно заплыло ржавчиной. Этот экземпляр, найденный на Смольнинском городище, имеет закруглённый нижний край. Длина пластинки — 72 мм, а ширина — 32 мм. Скорее всего, к этому же типу относятся найденные на Смольнинском городище фрагмент ещё одной пластинки (рис. 45, 7), ширина которой составляет 31 мм, а также фрагмент, от которого остались лишь четыре нижних пары вертикальных отверстий (рис. 45, 9), ширина пластины — 28 мм. Полных аналогов пластинкам этого типа не найдено. Похожие на них, но имеющие в средней части по бокам лишь по одному отверстию, были обнаружены в Приамурье в мохэских памятниках [Деревянко Е.И., 1987, табл. XV, 3, 7], на горе Шапке [Деревянко Е.И., 1987, табл. XXV] и в Корсаковском могильнике [Медведев, 1982, табл. LXI], а также на севере Приморья, в Рощинском могильнике [Никитин, Шавкунов В.Э., 1998, рис. 5, 3]. Правда, рощинские пластинки значительно меньше в размерах.

Тип 6. Широкие с четырьмя боковыми и одной срединной парами отверстий в нижней части и одной горизонтальной

парой в верхней части (рис. 45, 6). Одна пластина найдена на Смольнинском городище. Имеет закруглённый нижний край. Длина её — 68 мм, ширина — 31 мм. Полные аналогии также не известны.

Ещё несколько фрагментов пластин, один из них с городища Шайга-Редут (рис. 46, 5) и четыре со Смольнинского городища (рис. 45, 1, 2, 8, 11), имеют отличный от выделенных типов набор отверстий и, по всей видимости, относятся к другим пяти типам. Однако из-за сильной фрагментарности экземпляров определить их полные размеры и количество отверстий, а значит выделить их в конкретные типы на данном этапе нельзя. Соответственно, и аналогии им выявляются лишь приблизительно. Один фрагмент со Смольнинского городища (рис. 45, 11) относится к узким (шириной 15 мм), остальные — к широким пластинам (29—35 мм). Пластинки с таким же верхним краем, как и у смольнинского экземпляра (рис. 45, 1), найдены на Амуре в мохэских памятниках [*Деревянко Е.И., 1987, табл. XV, 6*] и, возможно, в Корсаковском могильнике [*Медведев, 1982, табл. LXI, 17—19*].

Из рассмотренного выше материала следует, что смольнинцы пользовались защитными доспехами, которые, хотя и относились к одному разряду (ламеллярные), состояли из разного типа пластин, а значит и система плетения панцирей была разной. Здесь уместно отметить, что человеку, соединявшему отдельные пластинки в панцирь, гораздо удобнее было работать по привычной и хорошо знакомой схеме, когда он точно знал, для которого из нескольких шнуров предназначалось каждое конкретное отверстие. Иными словами, в местах производства доспехов должны были придерживаться определённых стандартов в изготовлении и самих доспехов, и пластин к ним. Конечно, в сложных панцирях, состоявших из разных частей, в местах соединения могли быть пластины другого

типа, но таких пластин было намного меньше. Поэтому, скорее всего, найденные на памятниках смольнинской культуры пластины остались от панцирей, изготовленных в разных местах. Вряд ли на таких небольших по площади городищах (Смольнинское и Шайга-Редут) имелось больше одной мастерской (если она вообще была там) по производству доспехов. Скорее всего, следует признать, что население смольнинской культуры по большей части пользовалось привозными панцирями. Последнее положение подтверждается находками пластин типа 2, аналогии которым имеются лишь в памятниках Лесостепного Алтая, где, возможно, этот тип пластин самостоятельно создаётся в середине VIII в. н.э. [Горбунов, 2003, с. 47]. По всей видимости, панцирь из пластин второго типа был создан на Алтае и каким-то образом попал в Приморье — скорее всего, где-то в VIII—IX вв. н.э.

В целом же в наборе панцирных пластин смольнинцев вполне определённо прослеживается тяготение к дальневосточному материалу конца I тыс. н.э., причём несколько больше — к приамурскому, чем к приморскому. Но, возможно, это связано с разной степенью исследованности регионов.

Сопоставление предметов вооружения памятника Шайга-Редут с аналогичными категориями Смольнинского городища довольно неожиданно дало мало совпадений. Объяснение этому, по всей видимости, состоит в небольшом количестве найденных предметов вооружения. Тем не менее, по материалам обоих памятников можно проследить несколько объединяющих моментов.

Среди наконечников стрел обращает на себя внимание небывало большой, по сравнению с другими средневековыми культурами юга Дальнего Востока России, процент вкладышевых наконечников (на городище Шайга-Редут их найдено 33% от общего количества, а на Смольнинском городище — 40%).

Объединяет оба памятника и наличие в их материалах накопечников с редким сечением пера в виде уплощённого треугольника, полуовала или с полукруглым утолщением на одной из граней, т.е. экземпляров с одной плоской, а другой выпуклой сторонами (тип 4, тип 5: варианты Б и Г, тип 7: вариант Б). При этом следует отметить, что указанные выше моменты не только объединяют оба городища, но и выделяют их среди других средневековых памятников Приморского края.

НОЖИ

К вооружению можно отнести и ножи, хотя они в большей степени являются предметом быта. Тем не менее, каждый средневековый охотник, который в случае необходимости становился воином, должен был иметь при себе нож.

Всего ножей, целых и в обломках, найдено девять (два на городище Шайга-Редут и семь на Смольнинском городище). Все они имеют широкий прямоугольный в сечении черешок, не отделённый от клинка со стороны спинки специальным уступом. По сечению лезвия и форме спинки их можно разделить на три типа.

Тип 1. Имеют прямую, не отделённую уступом от черешка спинку и плоские боковые стороны (рис. 47, 1, 2). Таких ножей на Смольнинском городище найдено пять, и два — на городище Шайга-Редут. Со стороны лезвия черешок у них отделён небольшим скруглённым уступом. Аналоги этим экземплярам на средневековых памятниках Приморья обнаружены только на памятниках ольгинской (польцевской) культуры [Бродянский, 1987, с. 189, рис. 96, 1, 3; Коломиец, 2005, табл. 96, 13]. Один похожий нож, но со слегка прогнутой спинкой, найден на бохайском Новогордеевском селище [Лещенко, 1993а,

рис. 2, 2]. А вот на Амуре, в синхронных по времени памятниках, такие ножи встречаются довольно часто [Медведев, 1977, табл. XXXV, 3, 4, 16, 21; Васильев, 2000, рис. 1, 3, 4]. Характерны ножи такого оформления и для культуры корейского государства Пэкче [Жизнь Пэкче, 2010, рис. 122, рис. 124].

Тип 2. Имеет чуть прогнутую, не отделённую от черешка спинку и срез вдоль спинки на левой стороне клинка (рис. 47, 3). Найден на Смольнинском городище. Ножи такого типа с необычным четырёхугольным сечением клинка пока не известны на других средневековых памятниках Приморья. А вот в Приамурье, на Корсаковском могильнике, обнаружены ножи с подобным срезом по левой стороне полотна [Медведев, 1991, табл. LIX, 1, 2], но сечение клинка у них треугольное.

Тип 3. Имеет прямую спинку и желобок, проточенный по правой стороне клинка (рис. 47, 4). Найден на Смольнинском городище. Желобчатые ножи вообще были слабо распространены на средневековых памятниках государственных образований, существовавших на территории Приморского края. В бохайском материале известен всего один такой нож [Лещенко, 1993а], а у чжурчжэней они совсем не встречаются [Лещенко, 1993б]. Зато на Амуре ножи с желобками, в т.ч. и аналогичные смольнинскому, были распространены достаточно широко [Медведев, 1977, табл. XXXVII, 12, 13; Васильев, 2000, рис. 1, 17]. Да и на территории Приморского края — в Рощинском могильнике, относящемся к мохэской археологической культуре, — все найденные ножи имеют желобки [Никитин, Шавкунов В.Э., 1998, рис. 3]. Правда, у большей части экземпляров из Рощинского могильника есть также уступ, отделяющий спинку клинка от черешка.

Суммируя приведённые выше данные по ножам смольнинцев, можно сделать следующие выводы. Во-первых, все ножи смольнинцев не имеют уступа между клинком и черешком со

стороны спинки, что характерно только для палеоазиатских общностей юга Дальнего Востока — польцевцев Приморья и Приамурья, а также современных нивхов [Орлова, 1964, рис. 1—5]. Во-вторых, большинство экземпляров (7 из 9) относятся к одному типу (1) и, видимо, именно эти ножи следует признать наиболее характерными для смольнинского населения. В-третьих, желобчатый нож со Смольнинского городища (тип 3) в определённой степени тяготеет к позднемохэскому материалу X—XI вв. севера Приморья и Приамурья и в значительно меньшей степени — к бохайскому. В-четвёртых, все типы смольнинских ножей выполнены в совсем другой манере, чем ножи с чжурчжэньских памятников Приморья, которые, помимо уже отмеченных отличий, практически все имеют уступы, отделяющие черешок от спинки клинка [Лещенко, 1993б, табл. III—IV]. Не исключено также, что ножи типа 2 и типа 3 смольнинской культуры не являются продукцией местного производства, а были привезены на юг Приморья с севера или запада.

Следует констатировать, что на смольнинских памятниках найдено не так много предметов вооружения, чтобы на их основе можно было делать глобальные выводы. Тем не менее, приведённые материалы уже сейчас позволяют отметить несколько конкретных моментов. Во-первых, налицо заметное своеобразие оружия смольнинцев, что наиболее отчётливо видно по наконечникам стрел (высокий процент вкладышевых наконечников и большое количество черешковых наконечников разных типов с асимметричным сечением) и по ножам. Это свидетельствует об их местном производстве, а, следовательно, и о существовании у смольнинцев собственного кузнечного дела. Во-вторых, находки панцирных пластин, характерных для памятников Лесостепного Алтая, могут говорить о существовании у смольнинцев торговых отношений

не только с соседями, но и с более отдалёнными народами, прибывавшими на Дальний Восток по Соболевой дороге в торговые колонии, одна из которых существовала в VIII—X вв. в Анучинском районе Приморского края, как раз на границе бохайских и смольнинских владений [*Шавкунов Э.В.*, 1992, с. 62]. В-третьих, из выявленных аналогов смольнинскому вооружению больше всего совпадений прослежено на памятниках Среднего Амура и северного Приморья, т.е. в местах доминирования мохэского населения. При этом подавляющее большинство приморско-амурских аналогов смольнинскому материалу датируются концом I — началом II тыс. н.э. В-четвёртых, в материале смольнинцев практически нет аналогов предметам с чжурчжэньских памятников Приморья. Из этого можно заключить, что население, оставившее после себя Смольнинское городище и подобные ему памятники, практически не контактировало с чжурчжэнями. Видимо, к тому времени, когда в юго-восточном секторе Приморского края стали доминировать пришлые чжурчжэни (а произошло это во второй половине XI в.), носители смольнинской культуры уже покинули свои места проживания и переместились в какие-то отдалённые земли — скорее всего, на северо-восток Приморья.

ПРЕДМЕТЫ ТРУДА И БЫТА

На памятниках смольнинской культуры были найдены самые разнообразные предметы, дающие представление о различных аспектах трудовой и бытовой деятельности их владельцев.

Самым массовым материалом из этой категории находок являются **пряслица**, которые надевались на деревянное веретено и служили своеобразным маховиком для более удобного прядения нитей. Всего их (целых или фрагментированных) найден 21 экземпляр: 17 — на Смольнинском городище, 4 — на городище Шайга-Редут. Все пряслица изготовлены из глины и в плане имеют круглую или близкую к кругу овальную форму. Такое отклонение от классической круглой формы получалось, по всей видимости, из-за некоторой небрежности в их изготовлении, проходившем без использования гончарного круга. Этим же следует объяснять и то обстоятельство, что отверстие для веретена на некоторых экземплярах не находится строго в центре изделий, а немного сдвинуто в сторону. По опубликованной классификации пряслиц Е.В. Сидоренко, основанной на их сечении, все изделия, найденные на смольнинских памятниках, делятся на две группы: двусторонне-выпуклые и плоские. Также в зависимости от сечения внутри групп могут выделяться типы [Сидоренко, 2011, с. 28—29].

К группе двусторонне-выпуклых относятся всего два экземпляра (рис. 49, 13, 17; рис. 51, 5, 6), и оба они представлены обломками. Эти пряслица имеют в разрезе яйцевидную форму и относятся к одному типу. Диаметр обоих изделий составляет 37 мм, а их толщина — 28 и 27 мм соответственно. Диаметр отверстий равен 7 мм. Одно из пряслиц украшено отпечатками трубочки среднего диаметра. Оба изделия найдены на Смольнинском городище.

К группе плоских относятся 19 пряслиц, которые по форме сечения подразделяются на 4 типа.

Тип 1. Прямоугольные. Обнаружено 15 экземпляров (3 на городище Шайга-Редут и 12 на Смольнинском городище). Диаметр этих пряслиц колеблется от 33 до 43 мм, толщина варьируется от 14 до 22 мм, а диаметр отверстий — от 6 до 10 мм. Одно из пряслиц, найденное на городище Шайга-Редут (рис. 48, 4; рис. 49, 4), на одной из сторон имеет 4 радиальных черты, проведённые тонкой палочкой, и 7 наколов, нанесённых её же. Данные наколы расположены как вдоль внешнего края, так и у центрального отверстия. Ещё один накол той же палочкой имеется на другой стороне изделия, и ещё один — на боковой поверхности. У одного пряслица, найденного на Смольнинском городище (рис. 50, 5; рис. 51, 1), на обеих сторонах есть по 37 оттисков трубочки маленького диаметра и 45 таких же оттисков по боковой поверхности. И, наконец, ещё на одном пряслице со Смольнинского городища (рис. 50, 2; рис. 51, 5) по обеим плоским сторонам очень тонкой палочкой прочерчены шесть прямых линий, расходящихся в виде радиальных лучей от центрального отверстия. Плоские прямоугольные в сечении пряслица с оттисками тонкой палочки и трубочки найдены в Приморье также на поселении Булочка и датируются временем раннего железного века [Деревянко А.П. и др., 2005, табл. Ф].

Тип 2. Овальные. Представлен двумя экземплярами (рис. 50, 4; рис. 51, 4; рис. 50, 8; рис. 52, 1). Диаметр их — 41 и 39 мм, толщина — 18 и 21 мм соответственно при диаметре отверстий в 7 мм.

Тип 3. Односторонне-волнистые (рис. 48, 2; рис. 49, 2). Представлен одним экземпляром. У этого пряслица одна сторона плоская, а на другой имеются выпуклые бортики вдоль внешнего края и вокруг центрального отверстия. Диаметр

изделия — 43 мм, толщина — 15 мм, а диаметр отверстия — 10 мм. Найдено на Смольнинском городище. Пряслица с таким необычным сечением обнаружены также на поселении Синие Скалы [Синие Скалы, 2002, табл. 83, 9].

Тип 4. Двусторонне-волнистые (рис. 50, 9; рис. 51, 3). Представлен одним экземпляром, который имеет выпуклые бортики вдоль внешнего края и вокруг центрального отверстия на обеих сторонах. Диаметр его составляет 42 мм, толщина — 18 мм, а диаметр отверстия — 7 мм. Это пряслице по обеим сторонам и по боковой поверхности декорировано отпечатками поллой трубочки большого диаметра. Найдено на Смольнинском городище.

Таким образом, подавляющее большинство смольнинских пряслиц относятся к группе плоских пряслиц диаметром от 33 до 43 мм и толщиной от 14 до 22 мм. Подобные пряслица в Приморье являются довольно редкими находками в культурах неолита и палеометалла, но, начиная с эпохи развитого железного века (по крайней мере, на памятниках побережья Японского моря), они уже преобладают [Андреев, 1965, с. 190]. Доминируют плоские пряслица и на памятниках бохайской культуры, а вот в чжурчжэньское время их доля существенно сокращается [Рубленко, 1983, с. 98—101].

На памятниках смольнинской культуры есть и другие предметы, дающие представление о хозяйственных и бытовых занятиях их обитателей. С прядением нитей, а следовательно, и с ткачеством тесно связано изготовление одежды. Смольнинцы это делали при помощи железных иголок, два образца которых найдены на городище Шайга-Редут (рис. 53, 3, 4) и один — в жилище № 1 на Смольнинском городище. Изделия же из кожи или шкур смольнинцы изготавливали при помощи шорных игл (рис. 53, 1), два экземпляра которых обнаружены на городище Шайга-Редут.

Умели смольнинцы работать и с железом, о чём свидетельствует кузнечный молоток (рис. 54). Он был найден непосредственно в жилище № 2 на Смольнинском городище. Молоток имел клиновидную форму с прямоугольным обухом, вертикальный зубиловидный боёк и узкое прямоугольное отверстие для рукояти. Общая длина молотка — 12,5 см, высота бойка — 2,1 см, размеры обуха — 2×2,5 см. Размеры отверстия для рукояти составляли 2×0,4 см. Обух и противоположный ему зубиловидный боёк молотка несут следы сильной сработанности, которая могла случиться в результате интенсивной эксплуатации обоих рабочих концов предмета. Скорее всего, при помощи данного молотка хозяин жилища, помимо других операций, ещё и вырубал из железных пластинок вкладышевые наконечники стрел [Шавкунов В.Э., 2010, с. 51]. В том же жилище № 2 обнаружен фрагмент железного штырька, оба конца которого были обрублены — скорее всего, при помощи того же молотка.

По всей видимости, у смольнинцев неплохо было развито столярное и плотницкое дело. И хотя деревянные изделия на памятниках не сохранились, косвенно об их существовании свидетельствуют неоднократные находки на Смольнинском городище железных полосок с отверстиями под небольшие гвоздики (рис. 55, 1, 2) и даже железных полосок, в которых гвоздики ещё оставались (рис. 53, 3), а также самих маленьких гвоздиков (рис. 55, 4). Последние были длиной не больше 3 см и имели круглые конусовидные шляпки. Такими гвоздиками и полосками железа, скорее всего, оббивали какие-то деревянные конструкции типа короба или ящика. Дощечки же для этих изделий, а также другие необходимые в хозяйстве деревянные предметы, может быть даже брёвна и жерди для постройки домов, распиливались при помощи железных пил. Одна такая пила найдена на городище Шайга-Редут (рис. 56).

Она представляла собой полосу железа шириной 1,5 см и длиной 20,8 см. Оба конца этой полосы были отогнуты в другую сторону от рабочего лезвия, на них, по всей видимости, надевались деревянные ручки. Поверхность деревянных изделий или дощечек для них смольнинцы могли обрабатывать каменными стамесками (рис. 57). Инструмент для подобных нужд найден на поселении Фроловка-2. Для него была подобрана небольшая продолговатая галечка. Рабочая часть этого камня имеет заострённый и слегка закруглённый край, а также зашлифованную от времени прилегающую к нему поверхность. Ширина рабочего края достигает 17 мм, и, видимо, сам инструмент был предназначен для обработки предметов с небольшой поверхностью, таких как рукояти для ножей или черенки для сельскохозяйственного инвентаря. В целом рабочий край данной стамески мало чем отличается от зашлифованных лезвий каменных тёсел янковской и кроуновской культур, которые как раз и предназначались для обработки дерева [Журиховская, Кононенко, 1987, с. 9]. К слову сказать, на поселениях кроуновской культуры миниатюрные тёсла были найдены неоднократно [Андреева, 1977, с. 105].

Земляные работы, такие как выравнивание поверхности и углубление котлованов под строительство жилищ, выкапывание колодцев, а возможно, и вскапывание огородов производились при помощи железных лопат. Обломанная втулка от одной такой лопаты (рис. 58) найдена также в жилище № 2 Смольнинского городища.

Определённую роль в хозяйственном укладе смольнинцев играло рыболовство. Об этом свидетельствует небольшой железный рыболовный крючок (рис. 58, 2), при помощи которого в реке или озере можно было ловить рыбу, обнаруженный в том же жилище Смольнинского городища. Аналогичного типа крючок, но меньших размеров (рис. 59, 1) найден и на городи-

ще Шайга-Редут. Кроме того, смольнинцы ловили рыбу и при помощи сетей, о чём свидетельствует находка глиняного цилиндрического грузила от сети на поселении Фроловка-2. Высота грузила — 47 мм, а диаметр — 27 мм. Для крепления грузила к сети на нём проделаны два вертикальных желобка и два горизонтальных, идущих вокруг изделия на равном расстоянии от краёв и друг от друга (рис. 60). Подобные глиняные грузила имелись и у чжурчжэней Приморья [Лещенко, 2008, табл. III, 4].

Традиционно дальневосточные воины-охотники в средние века носили ремни, к которым подвешивали необходимые им предметы. Соответственно, к ремням крепилась различного рода гарнитура, которая в находках со смольнинских памятников представлена пряжками, бляшкой, накладкой и наколочником ремня. Ремённая железная бляшка (рис. 61, 3) найдена на Смольнинском городище. Она слегка выпуклая, имеет округлую форму и удлинённую, с каплевидной выемкой прорезь в центральной части. На внутренней поверхности изделия не видно каких-либо штырьков для крепления. По всей видимости, их там и не было. В таком случае, крепление бляшки к ремню должно было происходить посредством серии отверстий по краю изделия, но их также не видно: возможно, они просто оказались затянутыми ржавчиной. По своему виду (вогнутая внутренняя поверхность и наличие отверстия для ремня) эта бляшка отдалённо напоминает аналогичные изделия тюркского типа, широко распространённые в средние века в Сибири и на юге Дальнего Востока России. Однако смольнинская бляшка, похоже, была изготовлена методомковки на шаблоне, в связи с чем у неё отсутствуют чётко выраженные, характерные для тюркских, широкие боковые грани. Эта особенность, а также отсутствие на внутренней поверхности штырьков для крепления к ремню выделяют бляшку среди остального подобного материала. Можно предположить, что

она является местной репликой привозных тюркских изделий. На Смольнинском городище найден и железный наконечник ремня (рис. 61, 4), имеющий стрелковидную форму и три маленьких прямоугольных отверстия для крепления к основе. В дальневосточном материале наконечники подобной формы ранее не встречались. Также на Смольнинском городище обнаружена U-образная обкладка ремня, выполненная из железной полоски шириной около 0,5 см (рис. 61, 5). Подобные предметы, правда, из бронзы, нередко встречаются на чжурчжэньских памятниках Приморья [*История Дальнего Востока*, 1989, рис. 57, 9—12]. Чжурчжэньские накладки крепились к ремню при помощи небольших штырьков, вставляемых в специальные отверстия. На смольнинской обкладке ни штырьков, ни отверстий не зафиксировано. Скорее всего, отверстия на ней были, но сильная ржавчина и песок могли скрыть их от глаз исследователей. Также к ремённой гарнитуре относятся пряжки, которых найдено две: по одной на Смольнинском городище (рис. 61, 1) и на городище Шайга-Редут (рис. 61, 2). Оба экземпляра заметно разнятся в размерах, но относятся к одному типу — имеют полуовальную дужку и подвижный язычок, крепившийся в основании дужки на вставном штырьке. Все детали изделий выполнены из толстой железной проволоки. Подобного типа пряжки, которые традиционно принято относить к подпружным, в Приморье не имели широкого распространения: помимо смольнинских памятников обнаружены лишь на бохайском Новогордеевском селище [*Государство Бохай*, 1994, рис. 14, 6]. А вот в Приамурье они встречаются несколько чаще. В частности, такого типа изделия найдены в мохэском Троицком могильнике [*Деревянко Е.И.*, 1977, табл. VIII, 2] и в могильнике Шапка [*Нестеров*, 1998, рис. 57, 14, 17, 18].

Находки подпружных пряжек дают основания говорить о том, что у смольнинцев было развито коневодство. Поми-

мо пряжек об этом же свидетельствует обнаруженный на Смольнинском городище фрагмент железной псалии от удила (рис. 62, 4). Существовали у смольнинцев и какие-то колёсные повозки. Это даёт право утверждать железная чека от колеса (рис. 62, 2), найденная на Смольнинском городище. Подобные чеки нередко встречаются на бохайских [*Государство Бохай, 1994*, рис. 12, 18] и чжурчжэньских [*Шавкунов Э.В., 1990а*, с. 121] памятниках Приморья. Следует отметить, что смольнинская чека по внешнему виду и пропорциям гораздо ближе чжурчжэньским изделиям, чем бохайским.

В материалах смольнинской культуры имеются также некоторые вещи, характеризующие духовную культуру населения. Среди немногочисленных предметов украшений, происходящих со смольнинских памятников, доминируют бусины. Всего их найдено четыре. Две круглых бусины — одна из глины (рис. 63, 6), а другая из стеклянной пасты синего цвета (рис. 63, 5) были обнаружены на Смольнинском городище. На городище Шайга-Редут найдены две цилиндрические бусины: одна из зеленоватого нефрита (рис. 61, 4), а другая из полупрозрачного камня белого цвета (рис. 63, 3). Кроме бусин на Смольнинском городище обнаружено небольшое серебряное колечко диаметром 2 см (рис. 63, 2), сделанное из проволоки толщиной около 2 мм, а на городище Шайга-Редут — бронзовая подвеска (рис. 63, 1), по форме напоминающая медицинский костыль. Похожая на неё по форме и стилю выполнения деталей подвеска найдена в Дальнегорском районе на стоянке Водораздельная [*Татарников, 1981*, рис. 1, 2], расположенной рядом с Руднинским (Мономаховским) городищем. Недалеко от подвески в виде костыля на городище Шайга-Редут обнаружена бронзовая накладка в виде ветки хвойного дерева (рис. 63, 7). У этого изделия на оборотной стороне имеется небольшая петелька для крепления к какой-нибудь основе.

Правда, у петельки нет отверстия, но, по всей видимости, его просто не успели проделать, как не успели оформить выемками почти все промежутки между «иголками» ветки. При таком положении дел велика вероятность того, что накладку отлили на самом городище, недалеко от места её находки. В этом случае можно предполагать наличие у смольнинцев собственного бронзолитейного дела. Также к украшениям следует отнести небольшой фрагмент железного плоского браслета, найденного на Смольнинском городище. Ширина браслета была 11 мм при толщине около 2 мм.

Другой стороной духовной культуры смольнинцев являлась музыка. На Смольнинском городище обнаружен один железный предмет, представляющий собой узкую двузубую, сужающуюся к концам скобу. Общая длина её составляла 9,6 см, а ширина — от 1,1 см до 2,8 см. Максимальная ширина и толщина каждого зубца достигала 0,5—0,6 см. Между зубцами была прикреплена тонкая железная пластинка шириной 0,5 см, часть которой оказалась отломанной (рис. 64). По устройству данный предмет имеет все элементы, присущие широко распространённому в Азии музыкальному инструменту — варгану или комузу. Однако в Сибири и Средней Азии у него была несколько иная форма. А вот на чжурчжэньском Шайгинском городище нашли предмет, очень похожий на инструмент со Смольнинского городища, правда, сделанный из бронзы и интерпретированный как головная шпилька [Шавкунов Э.В., 1989а, рис. 7]. У этого предмета не оказалось вибрационной пластинки, но зато в утолщённом основании имелось небольшое отверстие, через которое такая пластинка должна была закрепляться между зубцов инструмента. По всей видимости, также к музыкальным следует отнести ещё один предмет, фрагмент которого обнаружен на Смольнинском городище. Речь идёт о глиняном изделии, имевшем

вид усечённой пирамиды (рис. 65). Длина его сохранившейся части равна 4 см, ширина стороны в самой узкой (верхней) части — 1,5 см, а в нижней — 2,2 см. Внутри этого предмета по всей длине имеется неровное сквозное отверстие (рис. 65, 1), а на внешней поверхности видны следы от тоненькой тесёмочки (рис. 65, 2), как будто он, ещё до обжига, был перевязан так, как перевязывали в недавнем времени посылки. Вполне вероятно, это был какой-то музыкальный инструмент типа свистка или дудочки. К сожалению, он расколот по всей длине и провернуть его на предмет звучания нет возможности.

Другим развлечением смольнинцев были настольные игры. Об этом свидетельствуют находки части глиняного кубика (рис. 66, 1) и глиняной дисковидной фишки (рис. 66, 2). Оба предмета происходят со Смольнинского городища. Правда, на кубике отсутствуют привычные для нас точки, обозначающие обычно какое-нибудь число. Но игры бывают разные, и в некоторых из них играют кубиком только с одной игровой гранью. Возможно, именно такие игры были известны носителям смольнинской культуры. Игры же с фишками на Дальнем Востоке существовали с древнейших времён. В частности, облавные шашки (более известные в настоящее время как «го») были популярны в Китае задолго до нашей эры, и многие дальневосточные народы, в том числе и носители смольнинской культуры, также могли скрашивать свой досуг с фишками или кубиками в руках.

Рассмотренные выше предметы, найденные при раскопках памятников смольнинской культуры, дали достаточно полное представление о различных сторонах хозяйственной и бытовой деятельности населения, оставившего их. Основу его хозяйства, скорее всего, составляли земледелие (хотя предметов обработки земли и не обнаружено, но факт родства смольнинцев с земледельцами польцевцами и кроуновцами, а также

само расположение большинства поселений и городищ в плодородных долинах рек должны свидетельствовать об этом) и животноводство, в частности коневодство. Большую роль также играли рыболовство и охота. Были развиты у смольнинцев и различные ремёсла: кроме изготовления глиняной посуды они занимались обработкой металлов (кузнечное и, по всей видимости, бронзолитейное производство), изготовлением тканей, выделкой шкур и кож и пошивом из них одежды и аксессуаров, столярным и плотницким делом. Есть определённые основания полагать, что у смольнинцев существовали торговые отношения с соседями (бохайцами и мохэсцами), а возможно, и с представителями более отдалённых народов. Т.к. монет или предметов, выполняющих их функцию, на смольнинских памятниках не найдено, то такая торговля, также как и торговля внутри смольнинского сообщества, скорее всего, имела вид натурального обмена. Передвигались смольнинцы по своей территории верхом на конях или на повозках и, вполне вероятно, на лодках по водным артериям, по берегам которых они и проживали. В духовной сфере в отношении смольнинцев можно говорить о музыке и настольных играх, а об их эстетических наклонностях свидетельствуют различные украшения.

ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ДАТИРОВКИ СМОЛЬНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одними из важнейших вопросов при изучении любой археологической культуры являются её датировка и происхождение. Для дальневосточной средневековой археологии проще всего культуры связывать с известными по китайским или корейским летописям народами или государственными образованиями и таким образом определять их датировку. Но в нашем случае это не даёт ощутимых результатов, т.к. смольнинцы были территориально отделены от Китая и Кореи бохайским государством. После введения в первой половине VIII в. вторым королём Бохая Да Уи собственного девиза правления, что в то время являлось неслыханно дерзким актом, китайские власти стали проводить политику игнорирования Бохая и сведения о нём и его восточных и северных соседях практически перестали появляться на листах династийных хроник. Поэтому какие-либо данные о смольнинцах, восточных соседях бохайцев в летописных документах Китая, Кореи и Японии, скорее всего, отсутствуют. По крайней мере, в хрониках, опубликованных на русском языке, можно найти лишь отдельные названия племён, обитавших на рубеже I и II тысячелетий где-то на северо-востоке и востоке от киданьской империи Ляо.

Другим возможным способом датировки является радиоуглеродный анализ, но со смольнинских памятников есть всего одна ^{14}C дата, калибровка которой указывает на 390—540 гг. н.э. Она получена по углю Смольнинского городища и отнесена авторами статьи к «неясным» [Кузьмин и др., 2005, с. 53]. Здесь следует уточнить, что уголь был взят из нижней части печи, прорезавшей кроуновский слой, который на некоторой части

памятника залегал под основным (смольнинским) слоем и теоретически мог относиться к кроуновскому времени. По одной, к тому же «неясной», дате слишком опрометчиво датировать всю культуру. В данном конкретном случае приходится прибегать к другим методам.

Первоначально предложенная датировка Смольнинского городища (не позже середины IX — конец XI в.) [Шавкунов В.Э., 2007а] основывалась на двух факторах.

1. Верхняя временная граница памятника определяется следующим обстоятельством. Поскольку на трёх городищах (Чугуевском, Стекланухинском и Николаевском Партизанского р-на) над слоем с вафельной круговой керамикой идёт чжурчжэньский слой, то ясно, что смольнинцы жили в Приморье раньше чжурчжэней, которые, по всей видимости, и стали причиной прекращения существования самой смольнинской культуры. Первое проникновение чжурчжэней в Приморье (легендарное переселение Баохоли с семьёй из Кореи в Елань) с наибольшей долей вероятности могло произойти в самом конце X в. [Шавкунов В.Э., 2007б, с. 62]. Первая волна переселенцев, возглавляемая Баохоли, вряд ли являлась очень многочисленной и не должна была повлиять на судьбы местного населения. Но, видимо, последовали и другие, и чжурчжэни смогли закрепиться на юго-востоке Приморья. В течение около полувека (2—3 поколения) о них ничего не было известно, но, несомненно, за это время чжурчжэни заметно умножились и окрепли. По крайней мере, при правлении ваньяньского вождя Угуная (примерно с 1040 и до 1074 г.) чжурчжэньское население Елани являлось уже достаточно многочисленным и сильным. Они смогли установить регулярные контакты со своими соседями на территории Маньчжурии [Ларичев, 1966, с. 194], а потом стать их верными союзниками [Воробьёв, 1975, с. 42] в борьбе за гегемонию на Дальнем Востоке. По всей видимо-

сти, ко второй половине XI в. чжурчжэни уже полностью доминировали в Елани (юго-восток Приморья), а смольнинская культура уступила своё место новому населению. Этим определяется верхняя временная граница существования Смольнинского городища.

2. Вторым фактором, определяющим нижнюю границу функционирования Смольнинского городища, стало следующее обстоятельство. Если картографировать на современной карте бохайские и смольнинские памятники, то получается, что они нигде не накладываются друг на друга и нигде не вклиниваются на территорию распространения одной или другой культуры. Между ними как бы имеется довольно чёткая граница, которая проходит по территории Шкотовского, Михайловского, Анучинского и Чугуевского районов Приморского края. Такое могло быть только при одновременном проживании обоих народов. А т.к. Бохай перестал существовать в 926 г., то к этому времени смольнинцы уже сложились как определённая культурно-историческая общность. Кроме того, Смольнинское городище возникло не на пустом месте. Его валы были насыпаны на месте неукреплённого поселения смольнинцев из земли, содержащей керамику смольнинской культуры [Шавкунов В.Э., 2001б, с. 35]. Данное обстоятельство позволило отодвинуть ещё дальше дату возникновения Смольнинского городища, т.е. (с определённой долей осторожности), по крайней мере, на середину IX в. При этом, вполне допускалась более древняя нижняя граница образования самой смольнинской культуры [Шавкунов В.Э., 2007а, с. 66].

После публикации результатов первоначальной датировки вышло ещё несколько статей, затрагивающих вопросы временных рамок смольнинской культуры, причём верхняя её граница аргументированно практически не корректировалась. А т.к. новых дат по ¹⁴C не появилось, определение нижней

границы существования культуры представляется возможным лишь на основании выявления этнокультурных составляющих смольнинцев. Таким образом, время и истоки образования смольнинской культуры в Приморье оказались тесно связаны между собой.

Определение этой составляющей в настоящее время не представляется однозначным и является наиболее актуальным при изучении смольнинской культуры. Тем более что существуют различные варианты и предположения по данному вопросу. Так, на основании подъёмного материала с некоторых смольнинских памятников, который ограничивался только круговой «вафельной» керамикой, Е.И. Гельман провозгласила её чжурчжэньской и датировала XI—XII вв., не приведя при этом никаких аргументов [Гельман, 2006]. Но, как показывает анализ всего комплекса материала со смольнинских памятников, между ним и материалом с действительно чжурчжэньских памятников практически нет ничего общего, а выведение верхней границы датировки культуры в XII в. не имеет оснований.

И.С. Жущиковская, рассматривая лепную керамику Смольнинского городища, увидела определённую связь между ней и керамикой мохэской и ольгинской культур [Жущиковская, 2008, с. 27]. Позже на основании того, что имеется «тенденция к круглодонности, присущая керамике смольнинской культуры» (а изделия с округлым дном и вафельной поверхностью на Дальнем Востоке были очень популярны на памятниках южной части Корейского полуострова, датируемых периодом Трёх Государств (от рубежа эр до середины VII в. н.э.)), она предположила возможную диффузию населения Кореи в Приморье и влияние его на гончарство смольнинцев. При этом перемещение какой-то части населения Корейского полуострова в Приморье, по мнению исследователя, могло произойти не позднее VII—VIII вв. н.э., а гончарство переселенцев стало доминировать

в среде смольнинцев [Жущиховская, 2009, с. 77, 82]. Это дало И.С. Жущиховской основание отодвинуть нижнюю границу существования смольнинской культуры, по крайней мере, до VIII в. Позже она вернулась к этой теме, предполагая, что мигрантами с Корейского полуострова в Приморье, наиболее вероятно, были представители государства Пэкче, а само перемещение могло произойти морским путём [Жущиховская, 2015, с. 249].

Несколько иной точки зрения придерживается О.В. Дьякова. По её мнению, формы и отдельные элементы лепной керамики Смольнинского городища восходят к гончарству польцевской культуры, а население смольнинской культуры должно иметь палеоазиатское происхождение [Дьякова, Шавкунов В.Э., 2010, с. 122]. Аналогичный вывод следует и из анализа орнаментальных традиций лепной керамики смольнинцев [Дьякова, Шавкунов В.Э., 2012, с. 58]. В то же время отмечает-ся определённая близость их орнамента к орнаменту керамики мохэ найфельдской группы.

Помимо польцевцев-ольгинцев и мохэ на керамику смольнинской культуры некоторое влияние оказали и кроуновцы [Гельман, 2006, с. 104; Жущиховская, 2008, с. 19]. По крайней мере, чаши на полых поддонах, посуда с прямоугольными ручками-пеньками, большие сосуды с утолщёнными и снабжёнными уступами днищами и кое-какие другие элементы оформления посуды на Дальнем Востоке встречаются только у кроуновцев (в основном у тех, что проживали в юго-восточных районах Приморья) и смольнинцев [Шавкунов В.Э., 2012].

Помимо керамики, на связь смольнинцев с мохэ севера Приморья и Среднего Амура указывает вооружение. В частности, набор наконечников стрел и панцирные пластинки имеют наибольшее число аналогий именно в материале мохэ [Шавкунов В.Э., 2008б, с. 126]. А вот ножи смольнинцев, у которых лезвия от черешка отделены уступами только со стороны

режущей части, в дальневосточном археологическом материале имеют аналоги лишь у польцевцев Приамурья [Деревянко А.П., 1976, с. 120], ольгинцев Приморья [Деревянко А.П. и др., 2006, табл. LXXVIII, 4, 5] и у населения корейского государства Пэкче [Жизнь Пэкче, 2010, рис. 122, рис. 124]. Если же брать топографию памятников, то смольнинцы, как и кроуновцы, предпочитали селиться в долинах крупных рек, в то время как большинство памятников ольгинцев и мохэ расположено на заметных возвышенностях или на мысах. В связи с этим есть определённые основания предполагать схожесть хозяйственного уклада смольнинцев с кроуновцами и отличие его от хозяйственных предпочтений ольгинцев и мохэ.

Таким образом, если судить по лепной керамике и по вооружению, на смольнинцев оказали влияние носители кроуновской, польцевско-ольгинской и мохэской (найфельдского варианта) культур. Круговой керамике с вафельной поверхностью достаточно близки изделия Пэкче. Вафельная поверхность сосудов сближает их также с михайловцами и мохэ троцкого варианта. В устройстве жилища смольнинцев прослеживается явное влияние кроуновцев, непосредственно или через представителей ольгинской культуры, а также михайловцев. Топография распространения смольнинских памятников совпадает с памятниками кроуновской культуры. Суммируя сказанное выше, получаем довольно большой список культур и народов, возникших не позже середины I тыс. н.э. и имеющих целый ряд компонентов общих со смольнинцами. Соответственно, все они могут претендовать на то, чтобы считаться предками населения смольнинской культуры. Однако вряд ли её составляющая была столь многокомпонентной, а образование не могло произойти путём простого смешивания перечисленных культур в одно и то же время на территории юго-восточного Приморья.

По всей видимости, из числа претендентов на звание предков смольнинцев следует исключить троицких мохэ, т.к. посуда с вафельной поверхностью была распространена и в некоторых других культурах. Сходство же в наборе вооружения не может быть таким же надёжным индикатором родства, как керамика или домостроение и, скорее всего, отражает стадийный и региональный уровень развития военного дела.

Также маловероятно участие в становлении смольнинской культуры выходцев из государства Пэкче. Аргументы И.С. Жущиховской, касающиеся данной проблемы, находят серьёзные возражения. Во-первых, сосуды со следами «вафли», как уже отмечалось, существовали и в других культурах Дальнего Востока. Во-вторых, круглодонность посуды Пэкче не является аналогом вогнутого дна и скруглённого контура перехода днища в стенки у изделий смольнинской культуры. В-третьих, форма кругового сосуда с городища Шайга-Редут, близкая к формам изделий государства Пэкче, на которые ссылается исследователь [Жущиховская, 2015, с. 249, рис. 2, б], в гораздо большей степени близка сосудам ольгинской культуры, найденным в Приморье на сопке Булочка [Деревянко А.П. и др., 2005, рис. 59]. В-четвёртых, для того, чтобы привнести в чуждую среду и широко распространить в ней традицию изготовления собственной посуды, необходимо вливание в конкретную культуру не отдельных людей или даже семей, а значительного пласта населения, включая и ремесленников-гончаров. Но для массового переселения из обжитых мест (в данном случае жителей Пэкче) в удалённые земли должна иметься очень веская причина, а само переселение не могло остаться незамеченным. Особенно, если эта миграция проходила через земли других государств (Когурё или Силла), обладавших развитым чиновничьим аппаратом, в чьи обязанности входило, помимо прочего, записывать все значимые события, в т.ч. и массовые миграции. Если же переселение

происходило морским путём, как допускает И.С. Жушиховская, то для этого должна была быть мобилизована большая флотилия из нескольких десятков джонок, что обязательно нашло бы своё отражение в корейских хрониках. Однако в одном из важнейших документов по ранней истории Кореи Самкук Саги [*Ким Бусик, 1959*] ни сухопутного, ни морского массового исхода с юга Корейского полуострова не отмечено.

Даже если исключить из числа претендентов мохэ троицкого варианта и представителей Пэкче, всё равно остаются другие культуры, претендующие на роль предков смольнинцев. Для того чтобы разобраться в данном вопросе, необходимо тщательно рассмотреть те процессы, которые происходили на территории края в I тыс. н.э., тем более что это поможет более точно и уверенно определить время образования самой смольнинской культуры.

На рубеже нашей эры почти всю южную половину Приморья заселяли кроуновцы. По вопросу датировки этой культуры у разных исследователей нет общего мнения, но в целом верхнюю её границу археологи не выводят за пределы III в. н.э. В настоящее время на территории Приморья выделяются три локально-хронологических группы кроуновских памятников [*Воробьёв, 1994, с. 178—179*]. Условно их можно обозначить как западные, южные и юго-восточные. Если основываться на эволюции отопительной системы кроуновских жилищ, то получается, что самые ранние кроуновские памятники появились в западном Приморье, а самые поздние — на юго-востоке края. Обнаруживаются изменения и в керамическом материале указанных групп [*Жушиховская, 1984*]. При этом наиболее близки смольнинской керамике материалы самых поздних (юго-восточных) кроуновских памятников. К тому же они располагаются на территории распространения смольнинцев, по крайней мере, в трёх случаях зафиксировано их последовательное проживание на одном и том же месте.

В конце I тыс. до н.э. из Приамурья в Приморье начинают продвигаться польцевцы, где они смешиваются с кроуновцами и перенимают от них некоторые формы сосудов и жилища с канами. В результате образуется ольгинская культура, время существования которой, если судить по большинству радиоуглеродных дат, ограничивается IV в. н.э. [Кузьмин и др., 2005, с. 46—47]. Правда, отдельные даты указывают на более позднее время культуры — по крайней мере, до конца V в. н.э. [Андреева, 1977, с. 159; Деревянко А.П. и др., 2005, с. 330] и даже до VI в. н.э. [Деревянко А.П. и др., 2006, с. 319]. Да и не все исследователи согласны с хронологическими рамками, ограничивающими время функционирования культуры IV в. Так, Д.Л. Бродянский допускает существование польцевских памятников в Приморье и позже IV в. [Бродянский, 1987, с. 193], а Ж.В. Андреева вообще датирует культуру V—VIII вв. н.э. [Андреева, 1977, с. 159]. Но, как бы то ни было с датировкой ольгинцев-польцевцев, по традиционной хронологии Приморского края начиная с IV в. н.э. наступает время мохэ, наиболее поздние памятники которых в Приморье датируются X—XI вв. Таким образом, получается, что до первоначально предложенной даты образования смольнинской культуры (середина IX в.) в крае доживают лишь мохэ. Но, как указывалось выше, они не могли быть передаточным звеном многих форм и элементов посуды, а также жилищ с канами от кроуновцев или ольгинцев смольнинцам. Здесь явно необходимо ввести значительную корректировку времени существования указанных культур.

Верхние даты кроуновской и ольгинской культур основываются на данных по ¹⁴C. На самом деле их не так уж и много, а для юго-восточных памятников ещё меньше (исключение составляет поселение на сопке Булочка). При этом даты с юго-востока Приморья немного выходят за рамки общепринятой хронологии в сторону омоложения [Кузьмин и др., 2005, с. 46—47].

При увеличении числа дат с различных памятников юго-востока Приморья следует ожидать более молодых дат по обеим культурам. Кроме того, имеются достаточно веские основания отождествлять кроуновцев с сушэнями [Шавкунов Э.В., 1990б, с. 5]. По крайней мере, жили они примерно на одной и той же территории в одно и то же время. Сушэни на протяжении многих столетий периодически прибывали с посольствами в Китай, о чём имеются соответствующие записи в династийных хрониках. Начиная с IV в. н.э. количество визитов сушэней в Китай заметно уменьшилось, что, по-видимому, было связано с проникновением на территорию Восточной Маньчжурии и в Приморье племён уцзи-мохэ и вытеснением ими оттуда сушэней — наиболее вероятно, именно на юго-восток, к побережью Японского моря. Последний визит сушэней в Поднебесную зафиксирован под 554 г. н.э., когда они вместе с когурёсцами посетили столицу государства Северное Ци [Воробьёв, 1994, с. 104]. Таким образом, записи в династийных хрониках древнего Китая дают основания утверждать, что сушэни-кроуновцы жили где-то на востоке Приморья как минимум до середины VI в. н.э. На самом деле сомнительно, что их культура прекратила своё существование как раз в 554 г. Какое-то время они ещё должны были сохранять свою самостоятельность. Поэтому вполне резонно будет продлить время существования кроуновской культуры до конца VI в. н.э., а может быть, и до более позднего времени. В таком случае «неясная» радиоуглеродная дата со Смольнинского городища (390—540 гг. н.э.) вполне может относиться к кроуновскому слою, зафиксированному ниже смольнинского на некоторой части памятника [Шавкунов В.Э., Сидоренко, 2013].

Что же касается польцевцев, то с ними дело обстоит следующим образом. Точное время их проникновения в Приморье не установлено, но в целом большинство исследовате-

лей определяют его рубежом эр. В южной части Приморского края они вошли в соприкосновение с кроуновцами и переняли отдельные элементы их культуры, в первую очередь — жилища с канами. В результате появилась ольгинская культура. Однако польцевские памятники с канами есть и на территории пров. Хэйлунцзян в КНР, в частности городище Фэнлинь, которое китайские археологи датируют периодом Вэй-Цзинь (220—420 гг. н.э.) [Чжао Юнцзюнь и др., 2000]. А это уже выход в V в. н.э. Более того, саму культуру фэнлинь, относящуюся к польцевской общности, китайские археологи датируют III—VI вв. н.э. [Хон Хён У, 2008, с. 25], что как раз является тем временем, когда со Среднего Амура на юг и юго-восток началось продвижение мохэских племён. Последние не могли не войти в контакт с польцевско-ольгинским населением. Подтверждением этому служит то обстоятельство, что распространённая в Приморье мохэская культура по большей части относится к найфельдскому варианту [Дьякова, 1993, с. 320]. В свою очередь найфельдская керамика содержит в себе черты мохэской и польцевской гончарных традиций [Дьякова, 1984, с. 121—123], а значит, часть польцевцев-ольгинцев была ассимилирована переселившимися в Приморье мохэ. Другую часть польцевцев-ольгинцев постепенно вытеснили на побережье Японского моря. О темпах же продвижения мохэ на восток можно судить по датировкам с их памятников из степной части Приморья. Так, приханкайские поселения датируются V—VI вв. н.э. [Дьякова, 1998, с. 19, 21], а памятники района Уссурийска — не ранее VII в. [Кривуля, 2002, с. 180]. И вряд ли имеется иная причина столь неспешного продвижения мохэ, кроме той, что эти земли были заняты другим населением. В данном случае этим населением могли быть лишь ольгинцы, которые, как показывает стратиграфия на некоторых памятниках, в т.ч. и на сопке Булочка в Партизанском районе

Приморского края [*Окладников и др., 1972; Деревянко А.П. и др., 2005*], селились позже кроуновцев. При этом между представителями обеих культур был непосредственный контакт [*Бродянский, Дьяков, 1984, с. 43*]. Более того, раскопки на сопке Булочка дают основания предполагать сосуществование в течение какого-то времени на памятнике обеих культур [*Деревянко А.П. и др., 2006, с. 313*]. Всё выше сказанное вполне может свидетельствовать о присутствии ольгинцев на востоке Приморья, по крайней мере, ещё в VII в. н.э.

Возвращаясь к смольнинцам, следует напомнить, что между ними и бохайцами проходила довольно чёткая граница и памятники одной культуры нигде не заходят на территорию распространения другой. Иными словами, бохайцы не смогли продвинуться в места проживания смольнинцев, хотя на протяжении всей своей истории неоднократно проводили военные походы с целью присоединения новых земель, главным образом, занимаемых мохэским населением. Последняя крупная кампания была предпринята королём Да Жэньсю (время правления — 818—830 гг.), который «на юге усмирил Силла, на севере ходил походами на племена, учредил области и города» [*Ивлиев, 2005, с. 461*]. При этом ни слова не сказано о походах на восток, т.е. на восток от Бохая, а именно в восточные районы Приморского края. Видимо, этих походов и не было, по той простой причине, что данные земли занимали не мохэ, а представители другой культуры, в данном случае ими могли быть лишь смольнинцы. А это обстоятельство уже отодвигает нижнюю границу времени их существования как минимум на начало IX в. В своих же восточных границах Бохай утвердился намного раньше. По сообщениям летописей, основатель бохайского королевства Да Цзожун в 698 г. переселился в верховья р. Муданцзян и «полностью овладел землями Фуюй, Воцзюй, Бяньхань, Чаосянь и всеми странами Морского

Севера» [Шавкунов Э.В., 1968а, с. 47]. Неизвестно, правда, вошла ли западная часть Приморья в состав новообразованного государства, но выход на побережье Японского моря у устья р. Туманган бохайцы получили уже в начале VIII в. Преемник Да Цзожуна Да Уи (правил в 719—737 гг.) «значительно расширил земли и небо на северо-востоке» [Шавкунов Э.В., 1968а, с. 48]. После него до походов Да Жэньсю ни о каких крупных экспансиях на северо-восточные племена в летописях нет сообщений и, видимо, восточная граница Бохая в Приморье установилась не позже 30-х гг. VIII в. Косвенно это подтверждают датировки мохэских памятников, расположенных в Михайловском районе Приморского края (как раз там, где находятся крайние восточные бохайские памятники Южного Приморья). Время существования большинства этих памятников не выходит за рамки VII в. н.э. [Дьякова, 1998, табл. 6; Кривуля, 2014, с. 88], но некоторые поселения могли функционировать и в VIII в. [Кривуля, 2015а, с. 455]. Видимо, где-то на рубеже VII—VIII вв. культура найфельдских мохэ в степных районах Приморья уступает место культуре Бохая. Всё это вместе взятое даёт веские основания предполагать, что смольнинцы обосновались в юго-восточных районах Приморского края до походов Да Уи, т.е. не позже начала VIII в. н.э.

Из сказанного выше следует, что кроуновцы должны были существовать в Приморье, по крайней мере, до конца VI в., ольгинцы — до VII в., а смольнинцы, гончарство которых восходит к этим двум культурам, появились не позже начала VIII в. С этой датировкой, казалось бы, прекрасно соотносится версия И.С. Жущиховской о влиянии на происхождение смольнинской культуры переселенцев из государства Пэкче [Жущиховская, 2009, с. 82; 2015, с. 249]. Но, как уже отмечалось ранее, данная гипотеза имеет ряд серьёзных возражений и представляется маловероятной.

Тем не менее, даже если теоретически выведенные датировки верхних границ существования кроуновской и ольгинской культур подтвердятся радиоуглеродными датами, всё равно остаётся временной зазор до образования смольнинской культуры. Возможно, её происхождение следует передвинуть к VII в., но это всё равно не сможет объяснить причины её возникновения. Видимо, должен быть ещё один составляющий элемент, благодаря которому смольнинцы получили ряд отличительных черт от предшествующей им ольгинской культуры.

Здесь уместно более подробно рассмотреть вариант с михайловской культурой. Для глиняной посуды михайловцев помимо вафельной поверхности характерны также наличие под венчиком валика с насечками, горшковидные сосуды с плавными плечиками и вывернутым наружу горлом. Также на памятниках михайловской культуры нередки находки миниатюрных сосудиков, вылепленных из одного куска глины и копирующих большие изделия. Кроме того, именно у михайловцев появляется тип жилища, стены которого устанавливаются на прямоугольный сруб из четырёх брёвен или плах [Мильникова, Нестеров, 2005, с. 395], что имеет место и в жилых постройках смольнинцев, единственных в Приморье, у которых опорные столбы стен не вкапывались непосредственно в землю. Так же, как и смольнинцы, михайловцы занимались земледелием, разводили лошадей, ловили сетями и удочками рыбу, выделывали шкуры и кожи [Мильникова, Нестеров, 2005, с. 401]. Если судить по радиоуглеродным датам, которых с разных михайловских памятников получено около 20, время существования культуры определяется III—VII вв. н.э. [Мильникова, Нестеров, 2005, с. 397]. Правда, есть определённые основания считать, что в некоторых местах она могла продолжать существование до конца IX — X в. [Мильникова, Нестеров, 2005, с. 403]. Но здесь важно отметить, что именно

в VII—VIII вв. на территорию проживания михайловцев начинают вторгаться различные пришлые племена (да шивей, хэйшуй мохэ, сумо мохэ) и в Западном Приамурье начинается мохэское время [Нестеров, 2008, с. 105]. Судьба михайловцев точно не известна, но, скорее всего, какая-то их часть должна была мигрировать с обжитых мест, и не исключено, что миграция шла вниз по Амуру и на территорию Приморского края.

Таким образом, процесс происхождения смольнинской культуры можно представить следующим образом. В первых веках н.э. в Приморье, на земли распространения кроуновской культуры, вторгаются польцевские племена. Часть кроуновцев смешиваются с польцевцами, и в результате образуется ольгинская культура. Другая часть кроуновцев вынуждена переселиться в юго-восточные районы Приморского края, где их потомки доживают до VII в. н.э. В конце VII — начале VIII в. в эти районы мигрируют михайловцы и смешиваются с ольгинцами и остатками кроуновцев, в результате чего через какое-то время и возникает смольнинская культура. Исходя из всего сказанного выше, появляется ещё одно довольно веское основание отодвинуть нижнюю дату существования данной культуры вплоть до начала VIII в. н.э.

Такими видятся основные составляющие смольнинской культуры. Однако не исключено и влияние в неё некоторой части найфельдских мохэ. Об этом говорят три обстоятельства. Первое состоит в том, что на городище Шайга-Редут раскопано одно мохэское жилище, которое функционировало во время проживания на памятнике смольнинцев [Шавкунов В.Э., 2013], что явно свидетельствует о непосредственных контактах между мохэ и смольнинцами. Вторым является наибольшая близость смольнинского набора вооружений мохэскому, что неудивительно, т.к. мохэ славились в средние века на Дальнем Востоке своей воинственностью.

Третьим обстоятельством является случайная находка на Николаевском городище бронзовой верительной рыбки-бирки с иероглифической надписью, сообщающей, что данная бирка выдана некоему Нелицзи, имевшему звание «цзо сяовэй цзянцзюнь» — командующего левой доблестной охраной. Исследуя эту находку, Э.В. Шавкунов справедливо пришёл к выводу, что она не могла быть чжурчжэньской [Шавкунов Э.В., 1989б], т.е. относиться к верхнему (чжурчжэньскому) слою Николаевского городища. На основании того, что иероглиф «цзи» в дальневосточных антропонимах встречается только в мохэских и бохайских именах, Э.В. Шавкунов посчитал, что рыбку выдали в танское время бохайскому военачальнику. Китайский историк Яо Юйчэн, обстоятельно исследовавший эту находку, отмечает, что звание «командующего левой доблестной охраной» ввели в танском Китае и присваивали с начала VIII и до середины X в. Сама же верительная бирка, обнаруженная на Николаевском городище, была выдана в Китае одному из представителей племени хэйшуй мохэ [Яо Юйчэн, 1993, с. 50]. Мнение китайского историка представляется более соответствующим истине. Во-первых, потому что на Николаевском городище нет бохайского слоя, а во-вторых, имеющийся на бирке антропоним Нелицзи не мог принадлежать представителю элиты бохайского общества [Шавкунов Э.В., 2005а, с. 28]. А т.к. присвоенные инородцам различные звания и выдаваемая в подтверждение этому атрибутика (печати, бирки) не передавались по наследству, данная рыбка могла быть утеряна на городище не позже X в., т.е. в смольнинское время, что ещё раз подтверждает прямые контакты между смольнинцами и мохэ. Однако массового вливания мохэ в смольнинское общество и, следовательно, большого влияния на формирование их культуры, по всей видимости, не было.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рубеже VII и VIII вв. н.э., после двух разновременных миграционных волн переселенцев из Приамурья в Приморье и смешения их с местным кроуновским населением, в центральных и юго-восточных районах Приморского края образовалась смольнинская археологическая культура. Основными её этнокультурными составляющими являлись носители польцевской, кроуновской и, скорее всего, михайловской культур. При этом польцевский пласт был самым мощным. В отечественной литературе нет единого мнения о языковой принадлежности польцевцев. Но, т.к. они появились на Амуре значительно раньше тунгусоязычных мохэ и по материальной культуре сильно от них отличались, можно с уверенностью утверждать, что польцевцы не принадлежали к тунгусоязычной языковой семье. Аналогичные соображения можно высказать и об их монголоязычном происхождении. В связи с этим наиболее убедительным представляется мнение А.П. Деревянко о принадлежности польцевцев к палеоазиатскому этническому пласту [Деревянко А.П., 1976, с. 274]. Ну а поскольку польцевский компонент преобладал в смольнинской культуре, то также вполне естественно будет причислить самих смольнинцев к палеоазиатам.

По всей видимости, от носителей кроуновской и михайловской культур смольнинцы восприняли главный свой хозяйственный уклад, основанный на земледелии и скотоводстве. Наиболее благоприятные условия для реализации их хозяйственных приоритетов были в долинах крупных рек Приморья, где смольнинцы и предпочитали селиться. В то же время немалую роль в их рационе питания играла продукция присваивающего характера, главным образом рыболовства и охоты. Большое развитие у них получили и домашние промыслы, в первую очередь ткачество и столярное дело, а также кузнечное и, возможно, бронзолитейное производство. Первоначально смольнинцы жили лишь в неукреплённых поселениях. Но ориентировочно

к IX в. в их среде созревают предпосылки для социально-экономического расслоения общества, начинает выделяться элита и, как следствие этого, на некоторых крупных поселениях (Смольнинское, Шайга-Редут, Павловка-2) появляются укрепленные насыпными валами детинцы. Последние были устроены по фортификационным канонам бохайского градостроительства [Шавкунов В.Э., 2001б, с. 35—36], а для их возведения требовались скоординированные усилия многих жителей данного поселения. Бохай являлся ближайшим и единственным крупным политическим объединением, соседствующим со смольнинцами, и повлиял на них не только в сфере градостроительства, но и в гончарном деле: от бохайцев смольнинцы переняли идею изготовления пароварок и глиняных крышек для сосудов. По всей видимости, между обоими народами существовали какие-то торговые отношения, ведь только через бохайские земли на юго-восток Приморья могли попасть панцирные пластинки из Центральной Азии, нефритовые бусы из Забайкалья и некоторые типы наконечников стрел с Верхнего Амура [Шавкунов В.Э., 2011, с. 324], найденные при раскопках смольнинских памятников.

После гибели в 926 г. государства Бохай смольнинцы ещё около века спокойно продолжали жить на прежних местах обитания, пока в конце X — начале XI в. с территории современной КНДР на юг Приморья не начали переселяться мохэские племена во главе с Баохоли, братом прародителя чжурчжэньских императоров [Шавкунов В.Э., 2007б, с. 62—63]. Прибывшие чжурчжэни, несомненно, должны были вступить в контакт с местным смольнинским населением. На данном этапе исследований трудно сказать, в какой форме происходило взаимодействие обоих этносов, но, скорее всего, оно было достаточно мирным. По крайней мере, на обоих жилищах, раскопанных на Смольнинском городище, не зафиксированы следы пожаров: скорее всего, их покинули в спокойной обстановке.

В то же время, как показывает сравнение наиболее значимых категорий материала (жилища, керамика, вооружение и т.д.) со смольнинских и чжурчжэньских памятников, в них практически не прослеживаются общие элементы. Т.е. смольнинцы не повлияли на культуру чжурчжэней, а следовательно, отсутствовало их массовое вливание в состав нового населения. Всё это утверждает в мысли, что основная часть носителей смольнинской культуры не была ассимилирована или уничтожена чжурчжэнями, а мигрировала на новые места обитания. На восток и юг они не могли переместиться, т.к. там находится море. На западе в это время чжурчжэньские вожди из племени ваньянь активно подчиняли себе соседние племена, и перемещаться туда не было никакого резона. Прямо на север от смольнинцев находились земли, довольно плотно заселённые воинственными мохэ. В таких условиях наиболее подходящим для миграции видится северо-восточное направление, т.е. перемещение вдоль западного побережья Японского моря в северо-восточные районы Приморского края, а возможно, и дальше, вплоть до устья Амура. Правда, методами археологии это продвижение пока проследить не удалось. Тем не менее, предположение о дальнейшей судьбе носителей смольнинской культуры сделать можно.

Как уже отмечалось выше, смольнинцы, скорее всего, были палеоазиатами. На юге Дальнего Востока России к данной группе относятся лишь нивхи, которые проживают как раз в районе устья Амура и на Сахалине. В связи с этим естественным кажется предположение о связи смольнинцев с данным народом. Доказать гипотезу довольно трудно, ведь со времени существования смольнинской культуры прошло около тысячи лет, а за такой период в быте любого народа должны были произойти огромные изменения. В частности, как показывают этнографические исследования, в результате многовековых контактов с тунгусо-язычными народами культура нивхов впитала в себя много элементов от своих соседей [*История и культура нивхов, 2008,*

с. 23], что, несомненно, увело её ещё дальше от исходного средневекового прототипа. Но самое главное: этнографами не зафиксированы формы глиняной посуды нивхов.

Однако есть некоторые данные, которые в определённой степени подтверждают тезис о возможности их родства со смольнинцами. Во-первых, это использование обоими народами идентичных по конструкции ножей. В этом убеждает материал, опубликованный Е.П. Орловой, в котором все ножи нивхов имеют упор, отделяющий черешок от полотна только со стороны лезвия [Орлова, 1964, рис. 1—5], что характерно для других палеоазиатских общностей юга Дальнего Востока России. Предки же современных тунгусоязычных народов, как правило, использовали ножи, клинок которых отделён от черешка выделенными упорами и со стороны спинки, и со стороны лезвия. Во-вторых, соседние тунгусские народы называли нивхов гиляками, а по китайским средневековым летописям они проходили как народ «цзилими» [Сунь Цзиньцзи, 2001, с. 59]. Этот термин впервые появляется на страницах официальной истории чжурчжэней «Цзинь ши» [Ларичев, 1990, с. 79] и относится к племенам, населявшим крайние восточные земли Нижнего Амура и Сахалина, т.е. те территории, на которых и были зафиксированы нивхи первыми русскими землепроходцами. Сам же факт того, что цзилими появляются в низовьях Амура лишь на рубеже XI—XII вв., т.е. через относительно небольшой промежуток времени после того, как началась миграция с территории юго-восточного Приморья носителей смольнинской археологической культуры, также может свидетельствовать в пользу отождествления смольнинцев с предками нивхов.

Несомненно, высказанных соображений недостаточно, чтобы можно было с уверенностью говорить о генетическом родстве смольнинцев и нивхов. Однако дальнейшие исследования в этом направлении кажутся довольно интересными и перспективными. Не исключено, что в скором времени появятся новые факты, свидетельствующие в пользу высказанного выше предположения.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Карта распространения памятников
смольнинской культуры

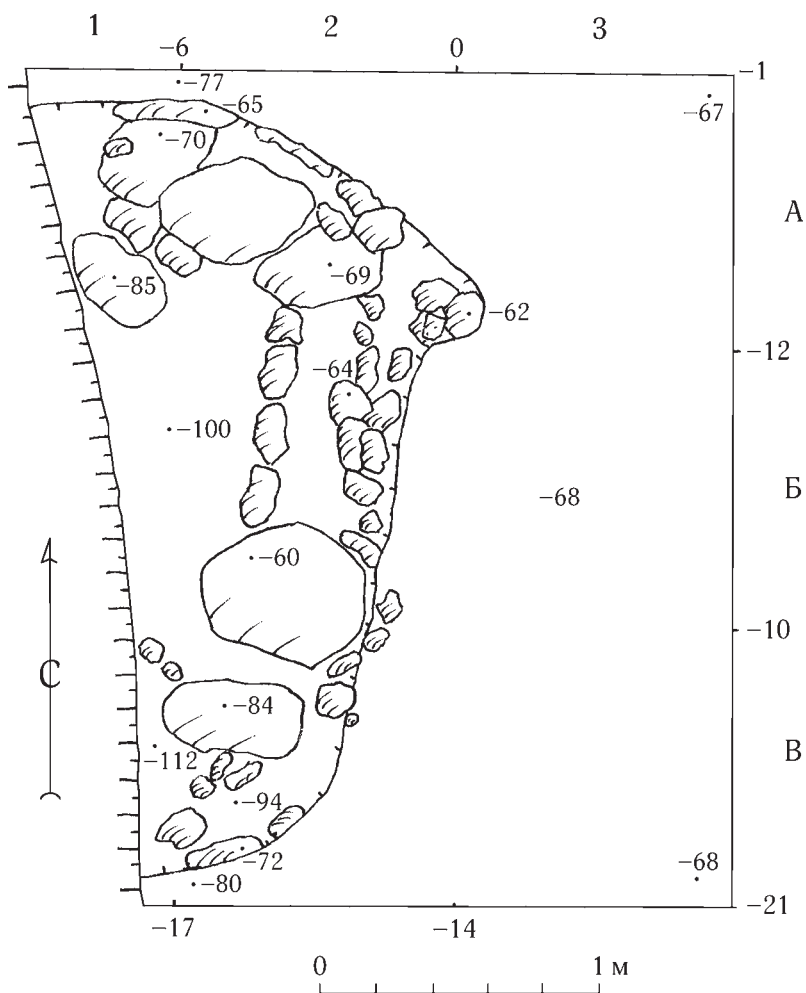

Рис. 2. Смольнинское городище. План жилища № 1

Рис. 3. Смольнинское городище. Жилище № 1. Вид с востока

Рис. 4. Смольнинское городище. Жилище № 2. Вид с востока

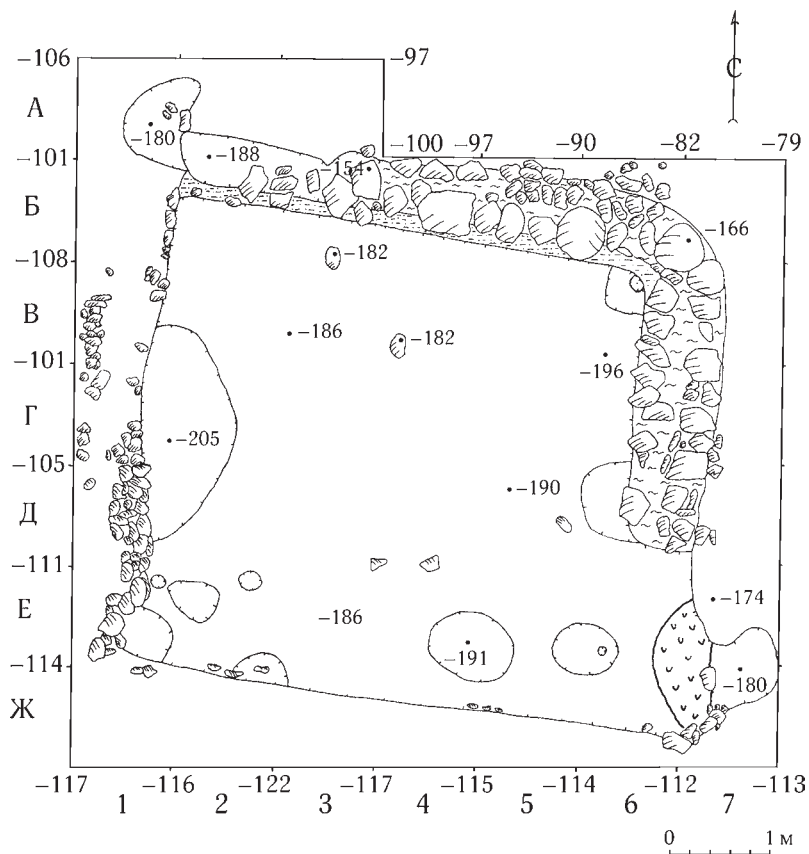

Рис. 5. Смольнинское городище. План жилища № 2

Рис. 6. Смольнинское городище. Остатки колодца

Рис. 7. Смольнинское городище. Процесс разбора колодца

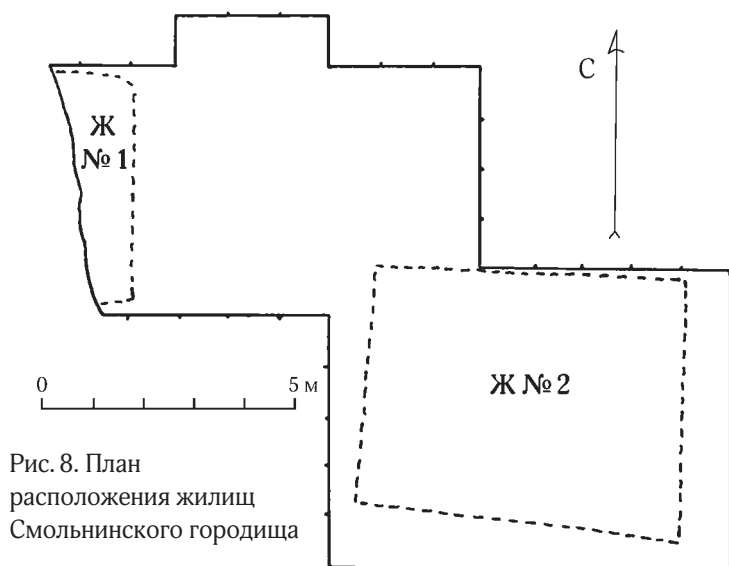

Рис. 8. План
расположения жилищ
Смолянского городища

Рис. 9. Городище Шайга-Редут. Хозяйственная яма

Рис. 10. Образцы вафельной поверхности круговой керамики
смолянской культуры

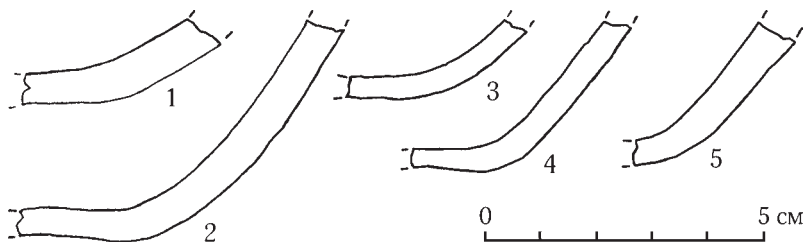

Рис. 11. Образцы донышек круговой посуды Смолянского городища

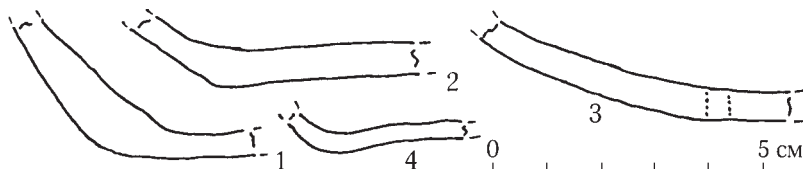

Рис. 12. Образцы донышек круговой посуды городища Шайга-Редут

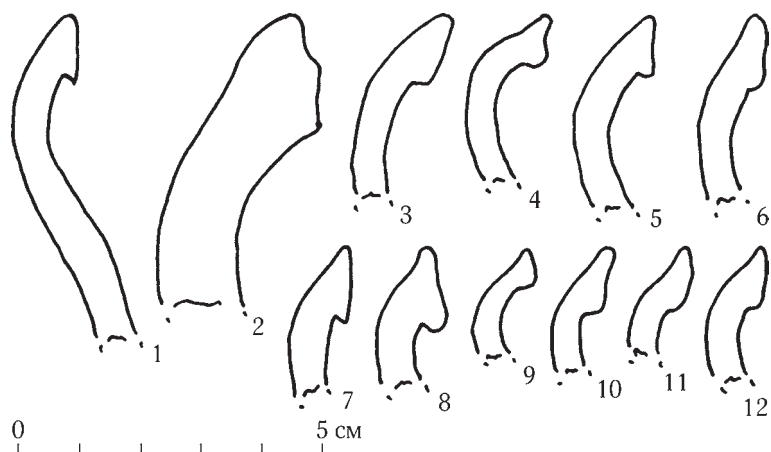

Рис. 13. Образцы венчиков круговой посуды городища Шайга-Редут

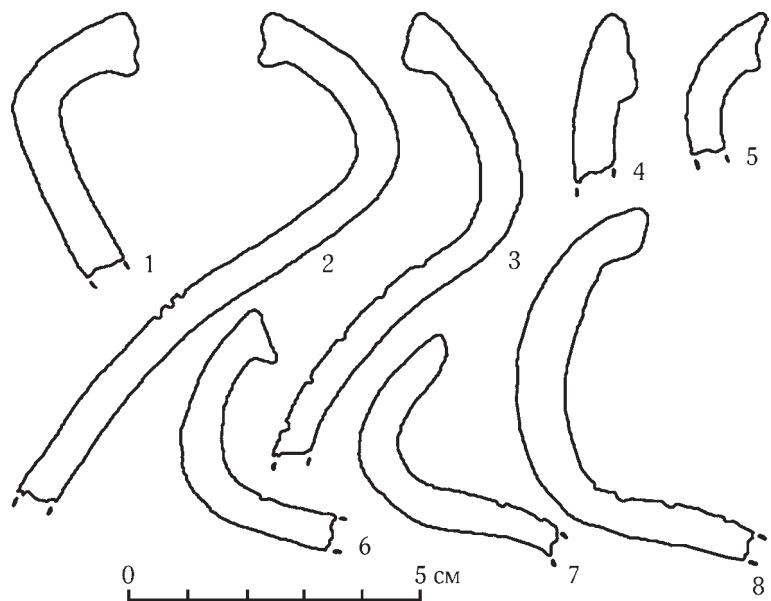

Рис. 14. Образцы венчиков круговой посуды Смольнинского городища

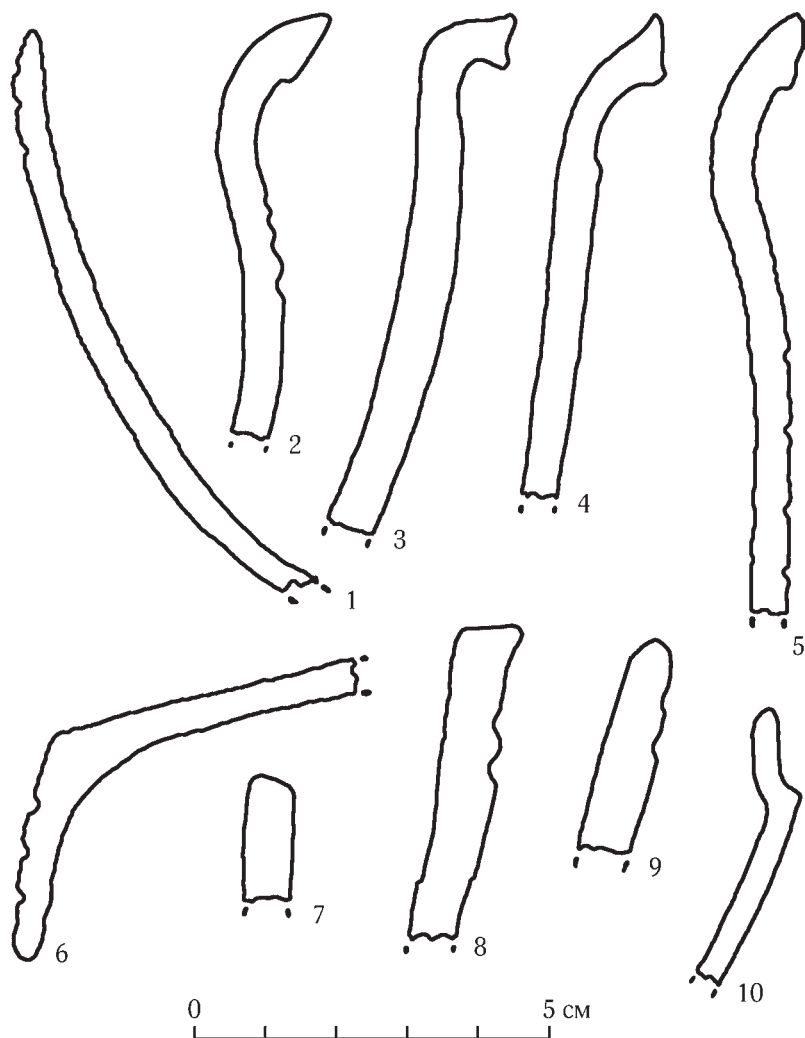

Рис. 15. Образцы венчиков круговой посуды Смольнинского городища:
1 — тазик; 2—5 — баночные сосуды; 6 — крышка; 7—10 — миски

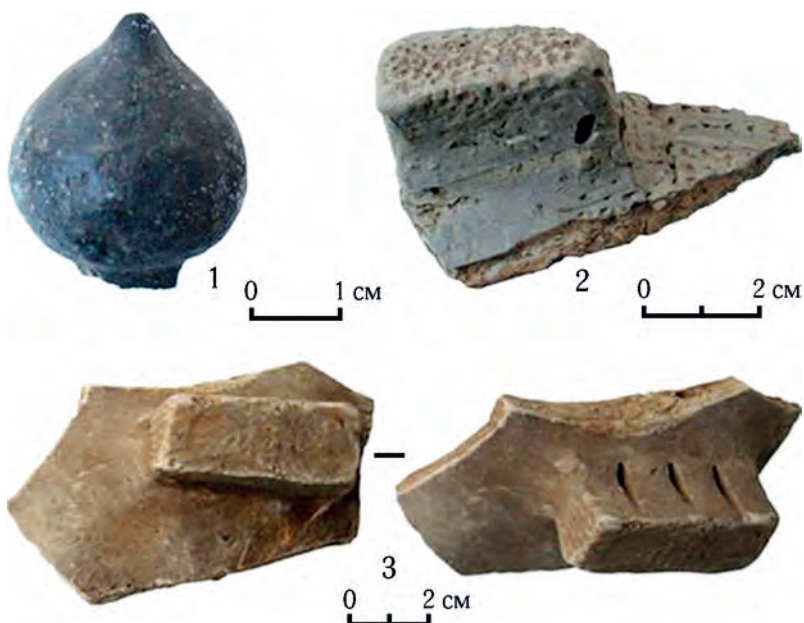

Рис. 16. Круговая керамика: 1 — навершие крышки; 2 — ручка с выбивкой; 3 — ручка с насечками. 1, 2 — Смольнинское городище; 3 — городище Шайга-Редут

Рис. 17. Круговая посуда городища Шайга-Редут: 1 — фрагмент керамики с прочерченными линиями; 2 — фрагмент керамики

Рис. 18. Тамгообразный знак
на круговом сосуде
с городища Шайга-Редут

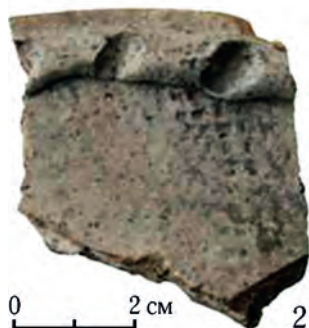

Рис. 19. Орнамент
венчиков круговой посуды
Смолянинского городища

Рис. 20. Орнамент круговой посуды
городища Шайга-Редут

Рис. 21. Горшковидный сосуд с городища Шайга-Редут

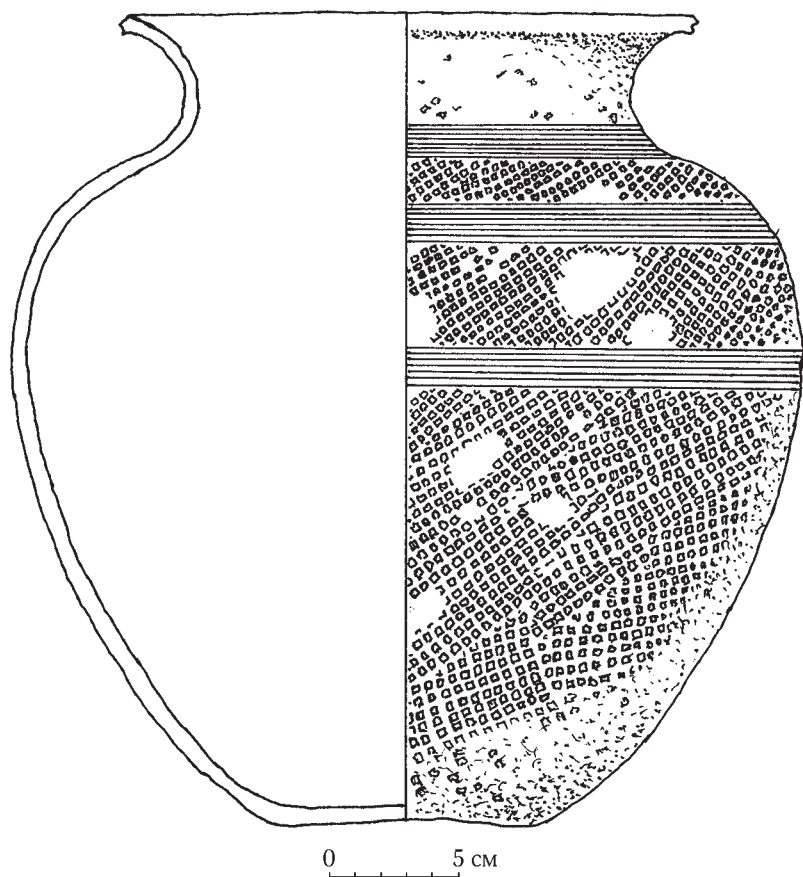

Рис. 22. Прорисовка горшковидного сосуда с городища Шайга-Редут

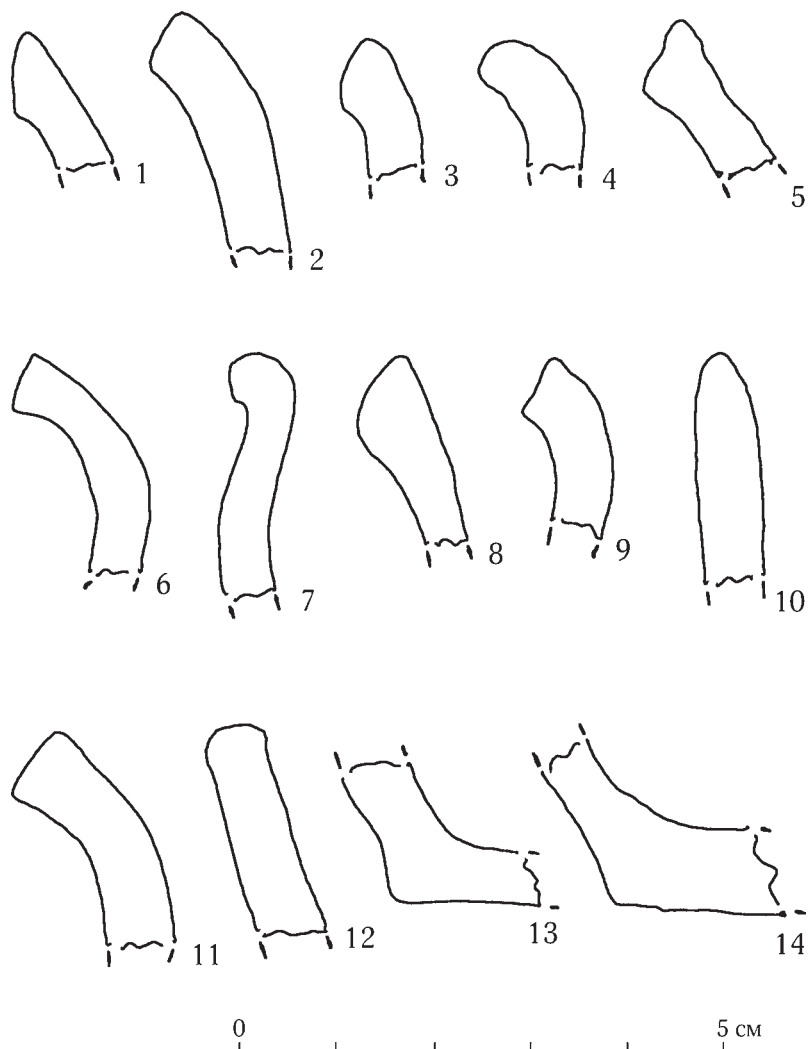

Рис. 23. Лепная керамика первой группы городища Шайга-Редут:
1—12 — венчики; 13—14 — донышки

Рис. 24. Горшковидный лепной сосуд первой группы
Смолянского городища

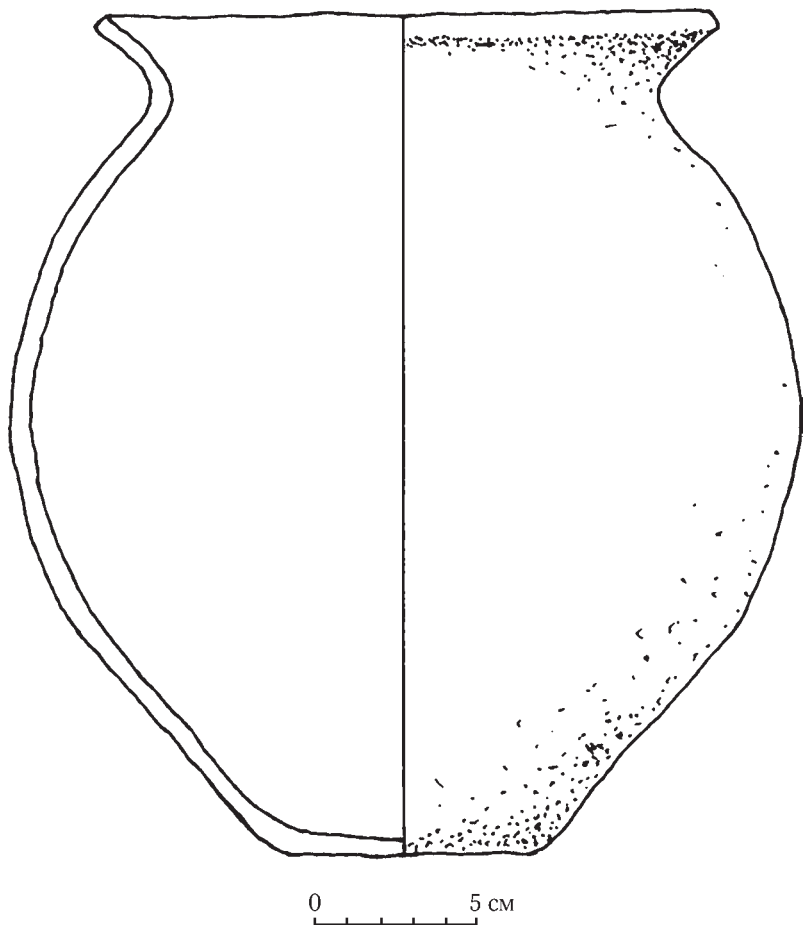

Рис. 25. Прорисовка лепного сосуда первой группы
Смолянинского городища

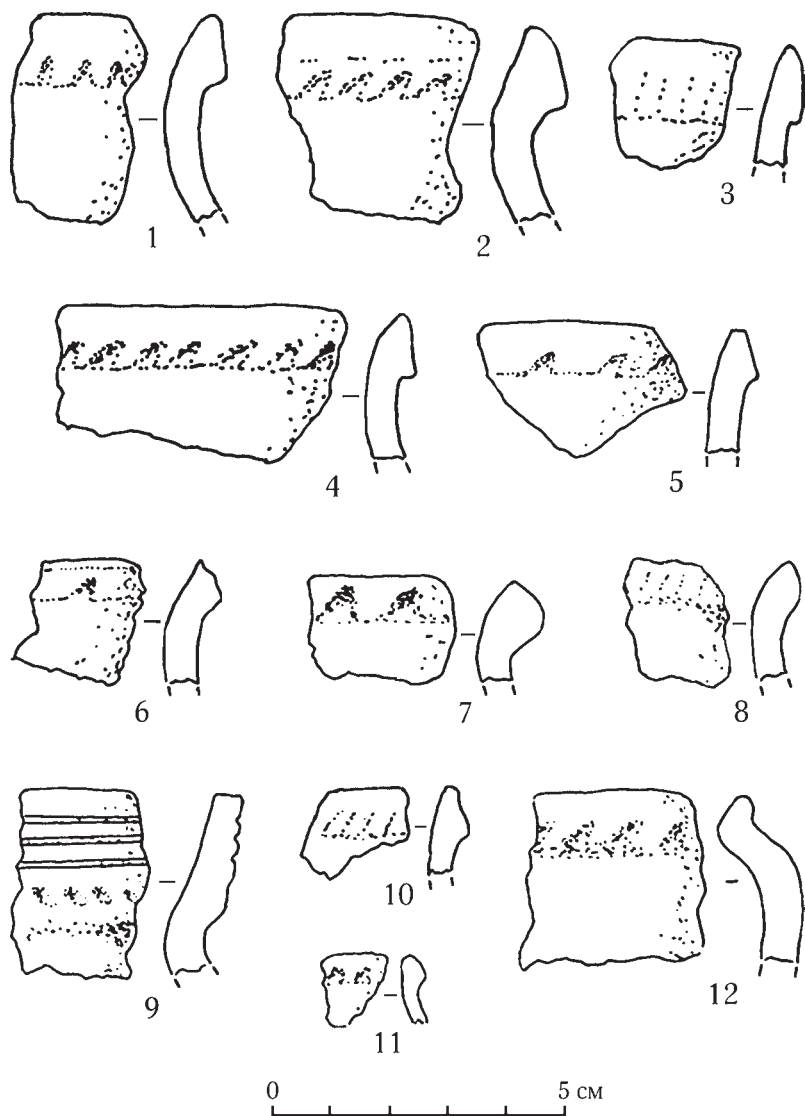

Рис. 26. Венчики лепной керамики второй группы
городища Шайга-Редут

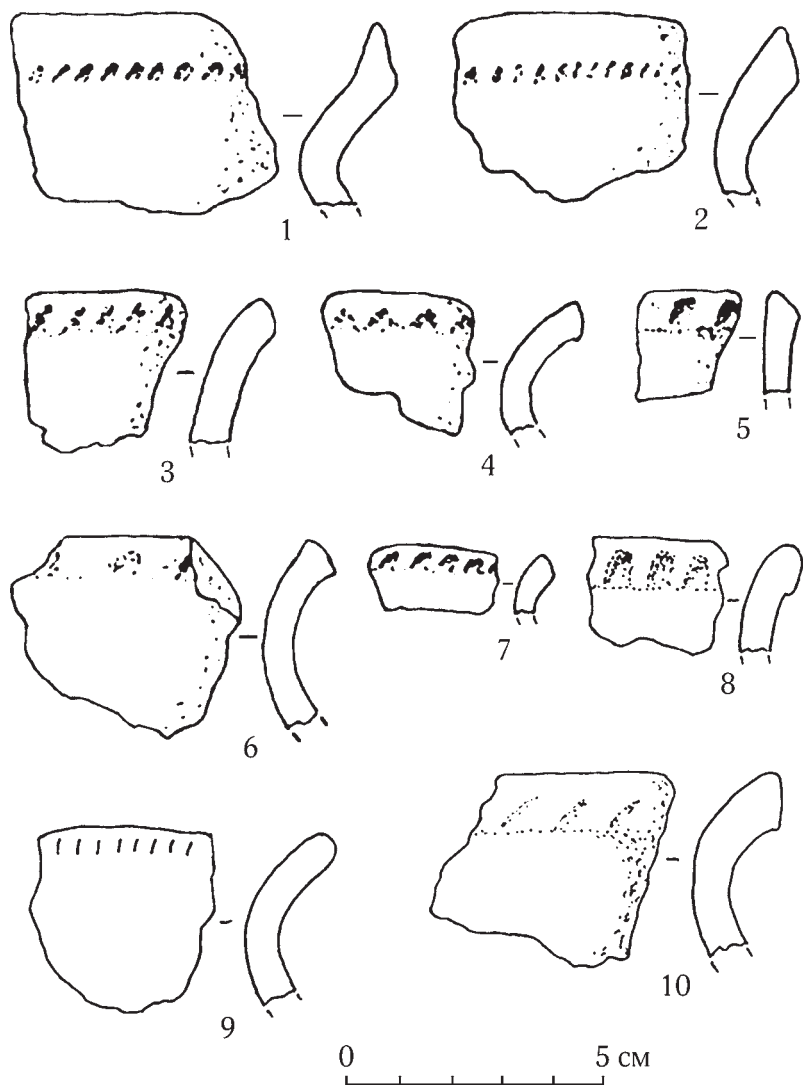

Рис. 27. Венчики лепной керамики второй группы
Смолянского городища

Рис. 28. Горшковидный лепной сосуд второй группы
Смолянского городища

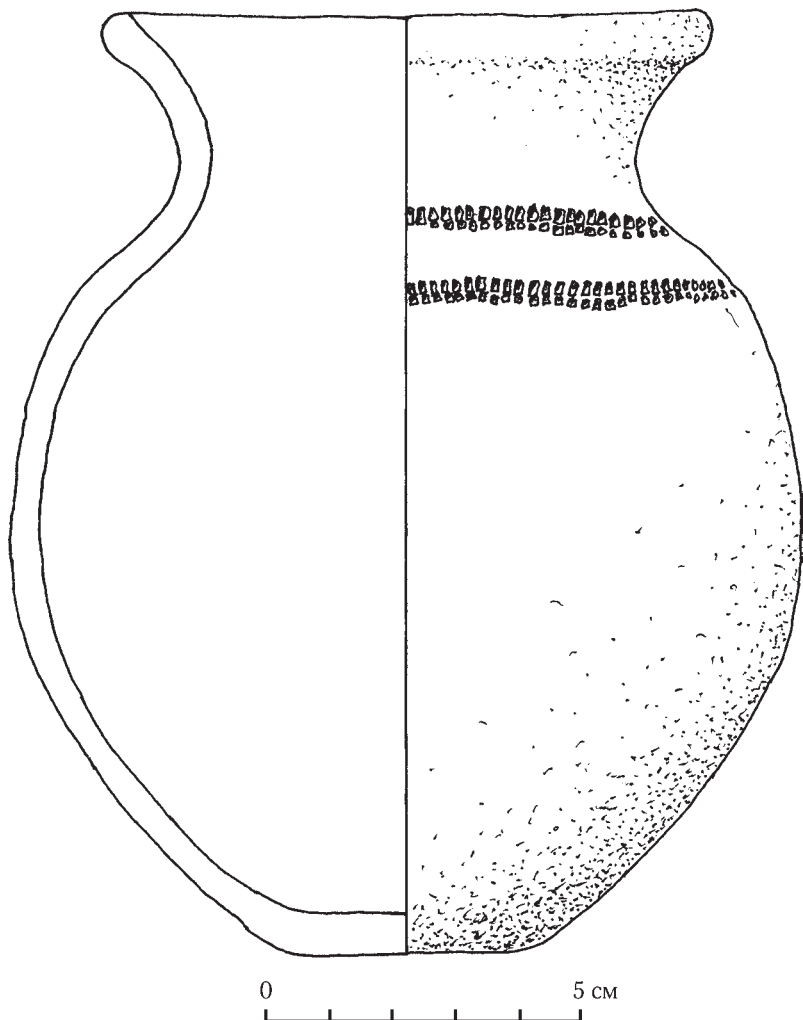

Рис. 29. Прорисовка горшковидного лепного сосуда второй группы
Смолянинского городища

Рис. 30. Вазовидный лепной сосуд второй группы
Смольнинского городища

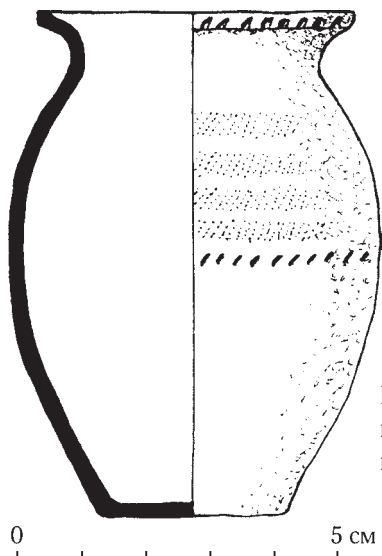

Рис. 31. Прорисовка вазовидного
лепного сосуда второй груп-
пы Смольнинского городища

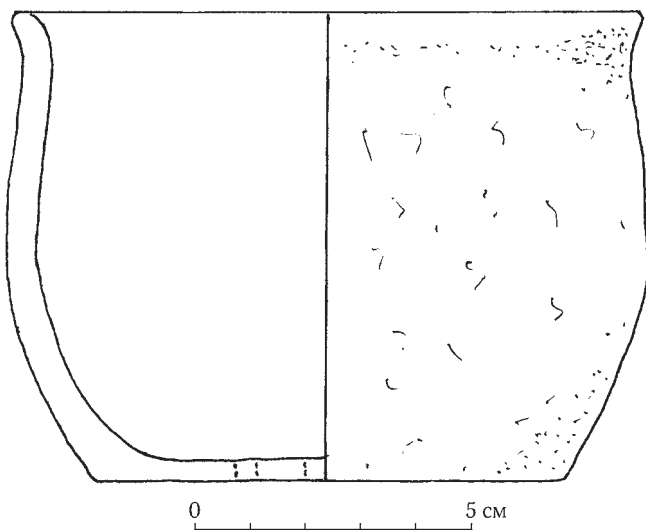

Рис. 32. Прорисовка лепного сосуда баночной формы
Смольнинского городища

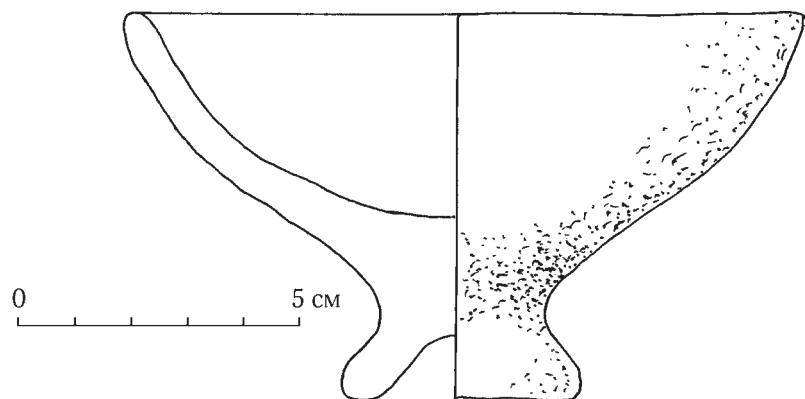

Рис. 34. Прорисовка лепной чашы на поддоне Смолянинского городища

Рис. 35. Защипы на под-
доне лепной чаши Смоль-
нинского городища

Рис. 36. Лепная мисочка
с отверстиями городища
Шайга-Редут

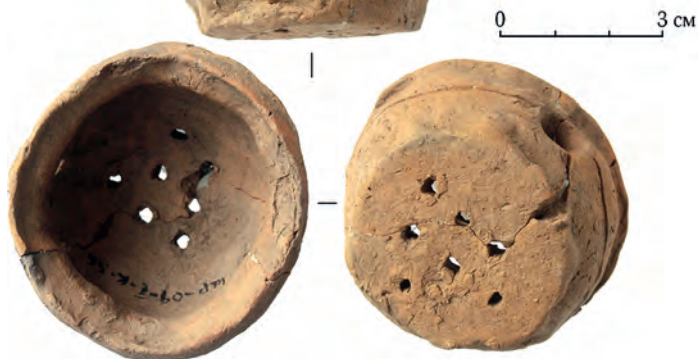

Рис. 37. Фрагмент лепной мисочки с отверстиями городища Шайга-Редут

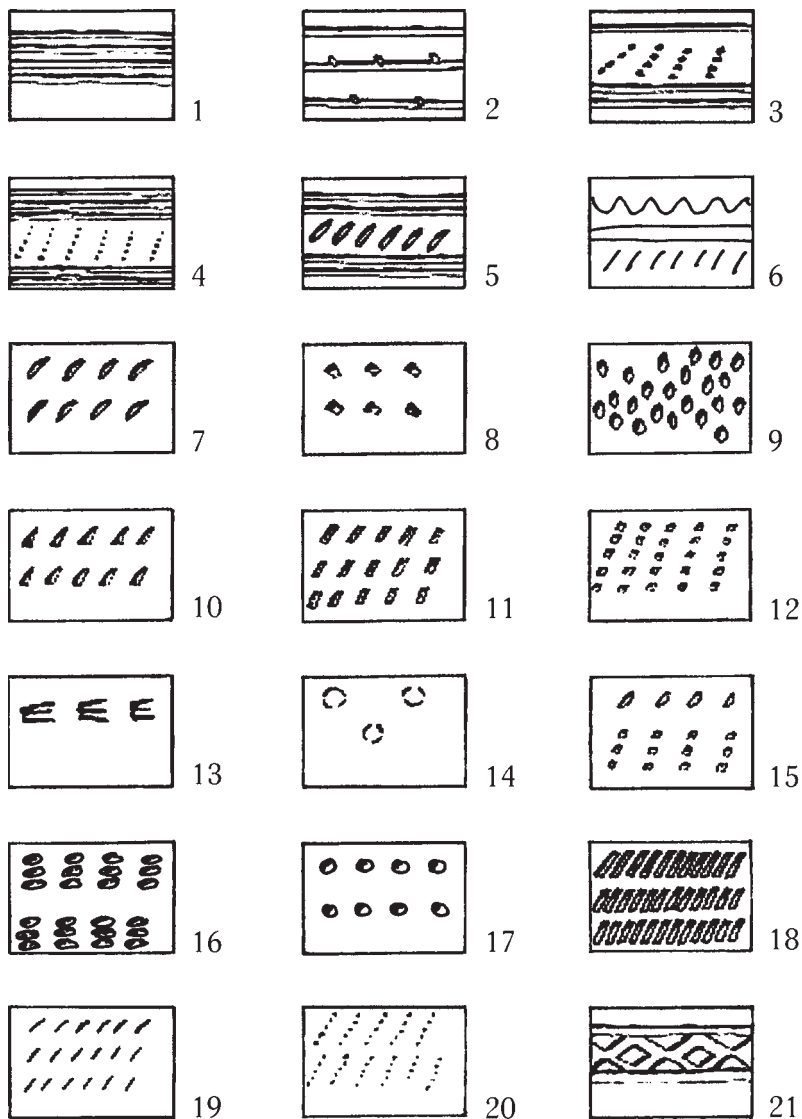

Рис. 38. Врезной орнамент лепной керамики второй группы
городища Шайга-Редут

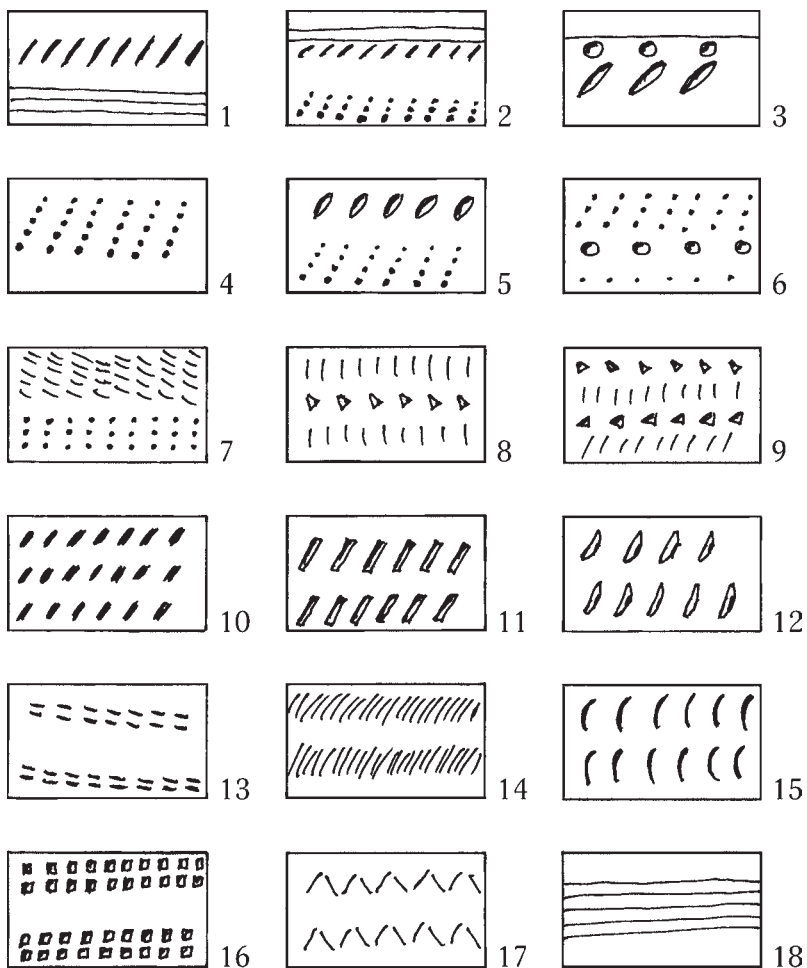

Рис. 39. Врезной орнамент лепной керамики второй группы
Смолянского городища

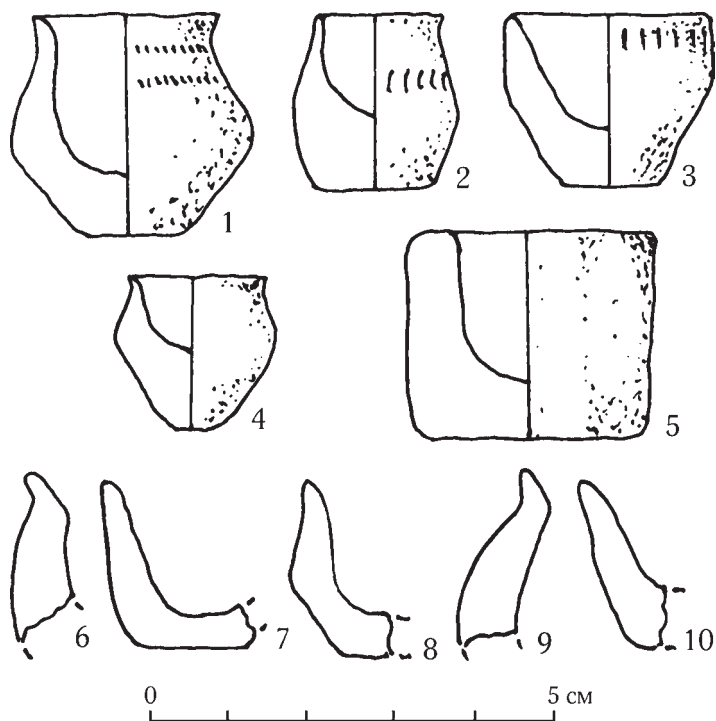

Рис. 40. Миниатюрные сосудики Смольнинского городища

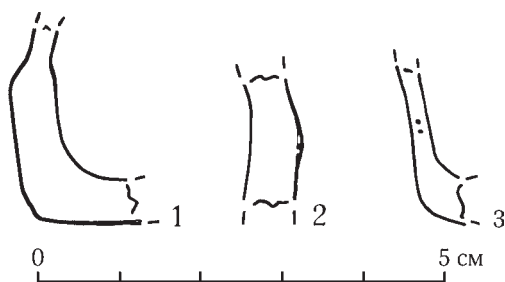

Рис. 41. Фрагменты миниатюрных сосудиков с городища Шайга-Редут

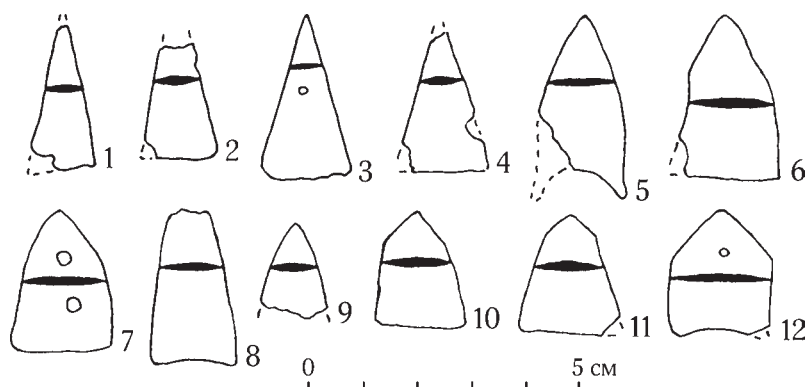

Рис. 42. Вкладышевые наконечники стрел Смольнинского городища

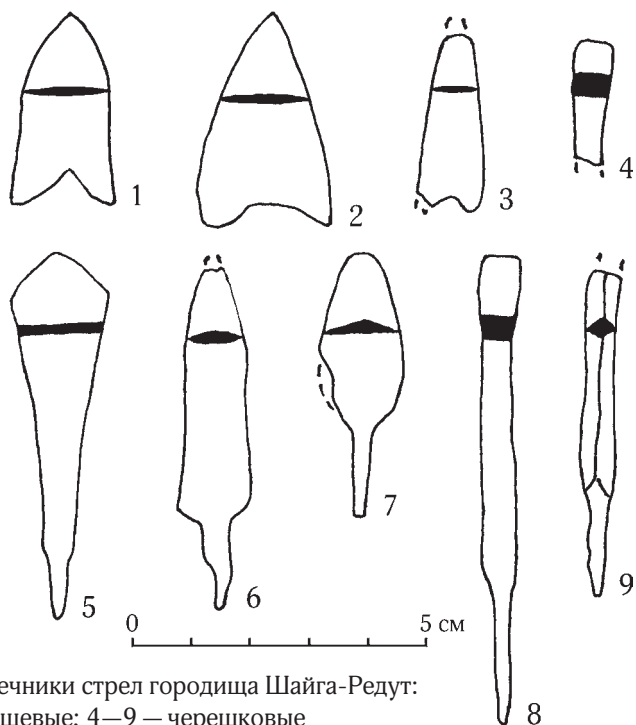

Рис. 43. Наконечники стрел городища Шайга-Редут:
1—3 — вкладышевые; 4—9 — черешковые

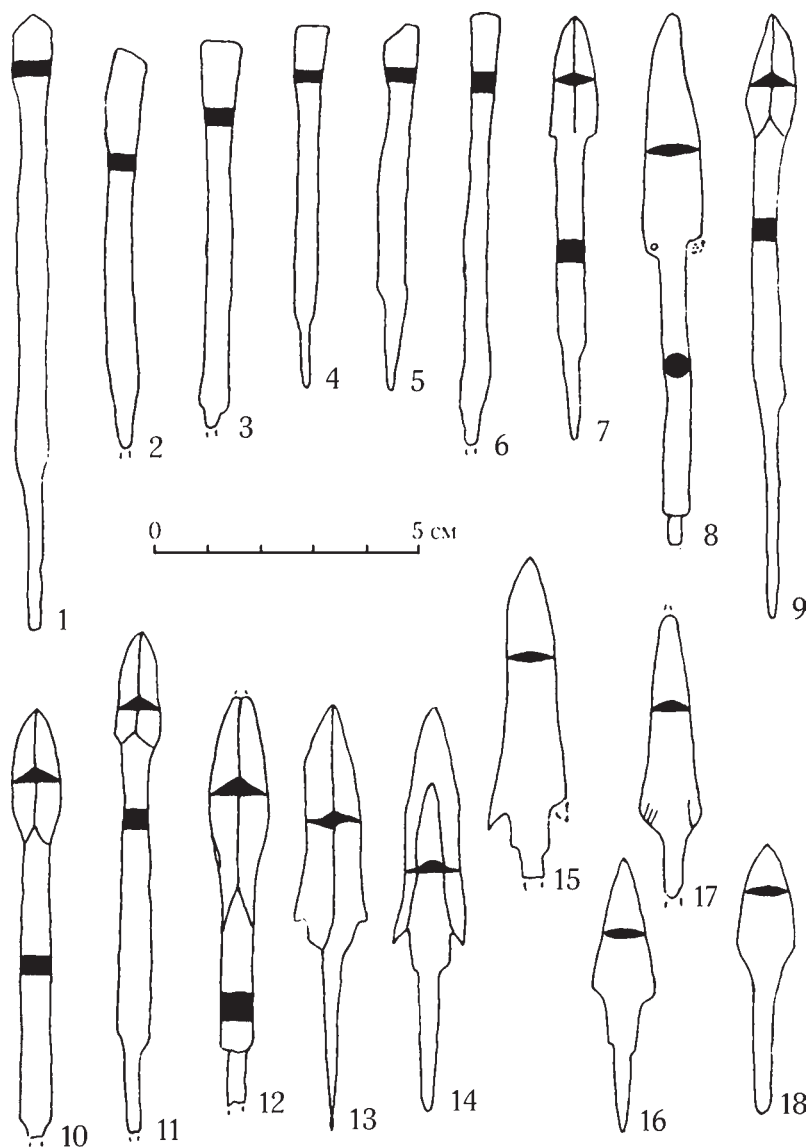

Рис. 44. Черешковые наконечники стрел Смольнинского городища

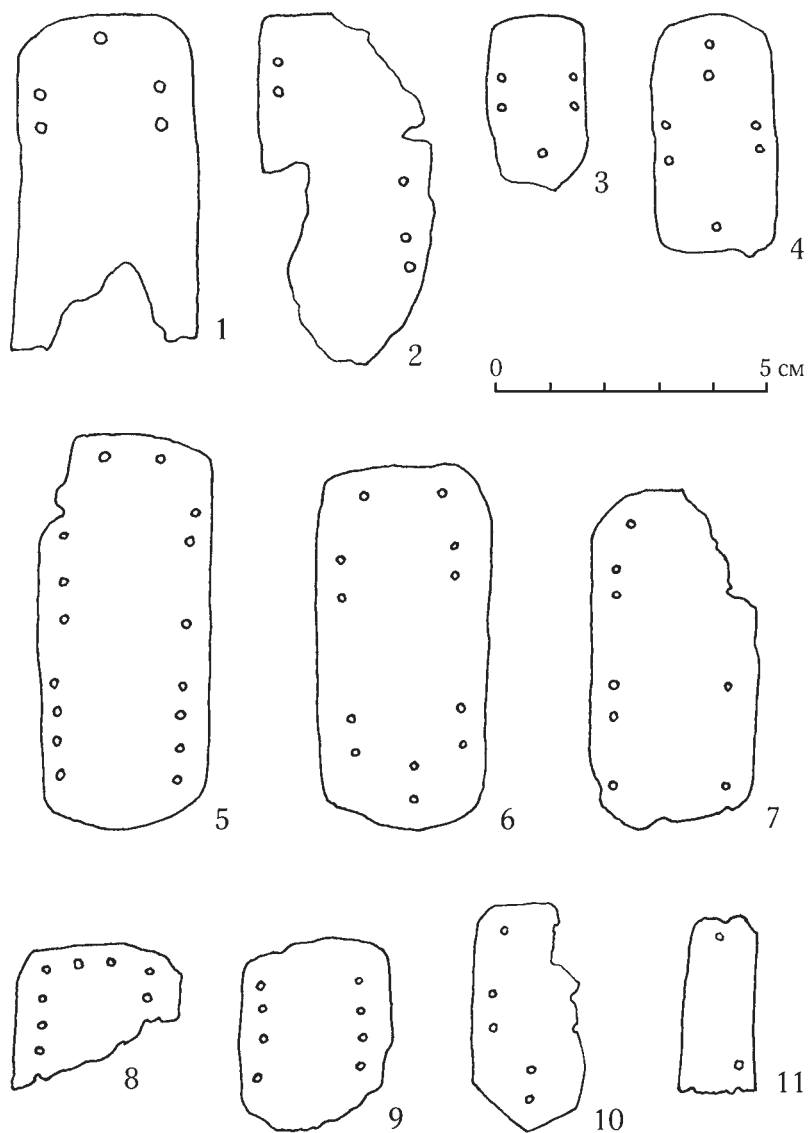

Рис. 45. Панцирные пластинки Смольнинского городища

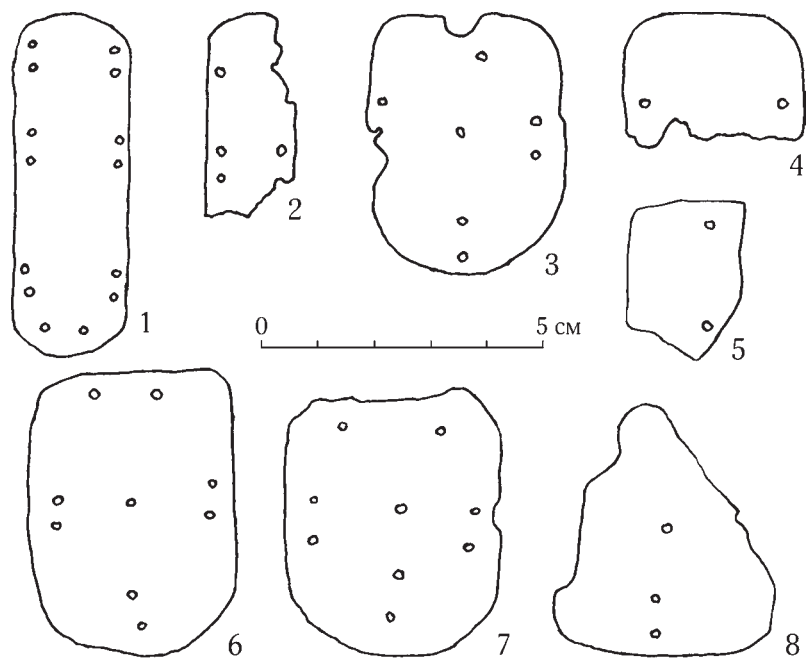

Рис. 46. Панцирные пластинки городища Шайга-Редут

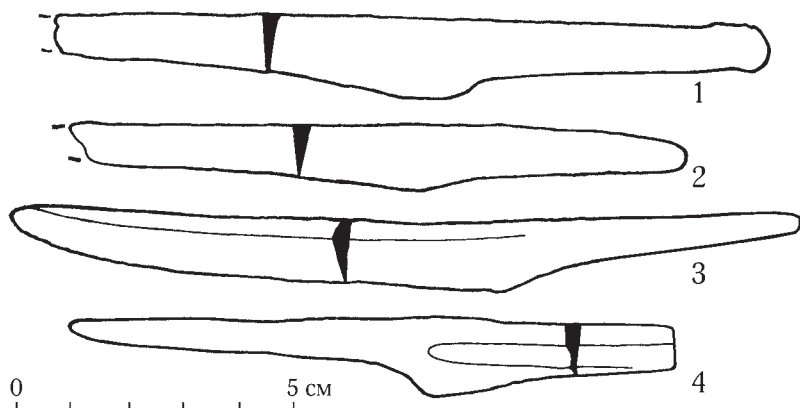

Рис. 47. Ножи Смольнинского городища

Рис. 48. Глиняные пряслица городища Шайга-Редут

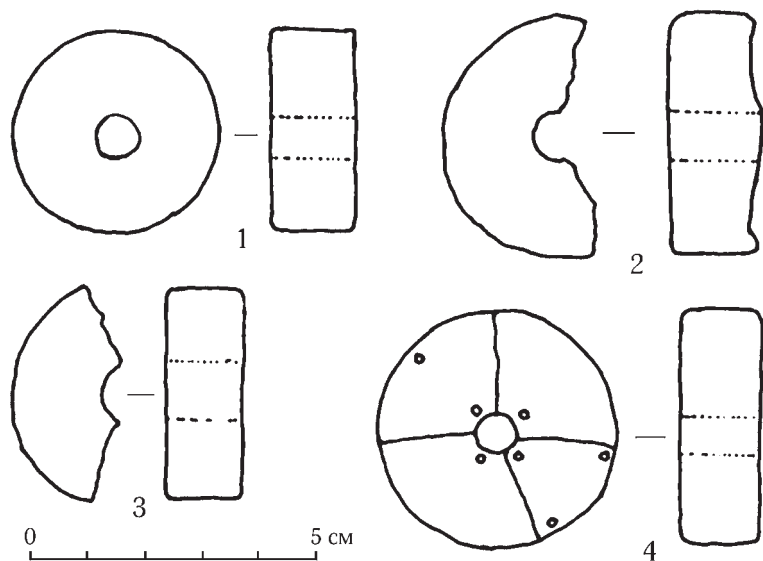

Рис. 49. Прорисовка глиняных пряслиц городища Шайга-Редут

Рис. 50. Глиняные пряслица Смольнинского городища

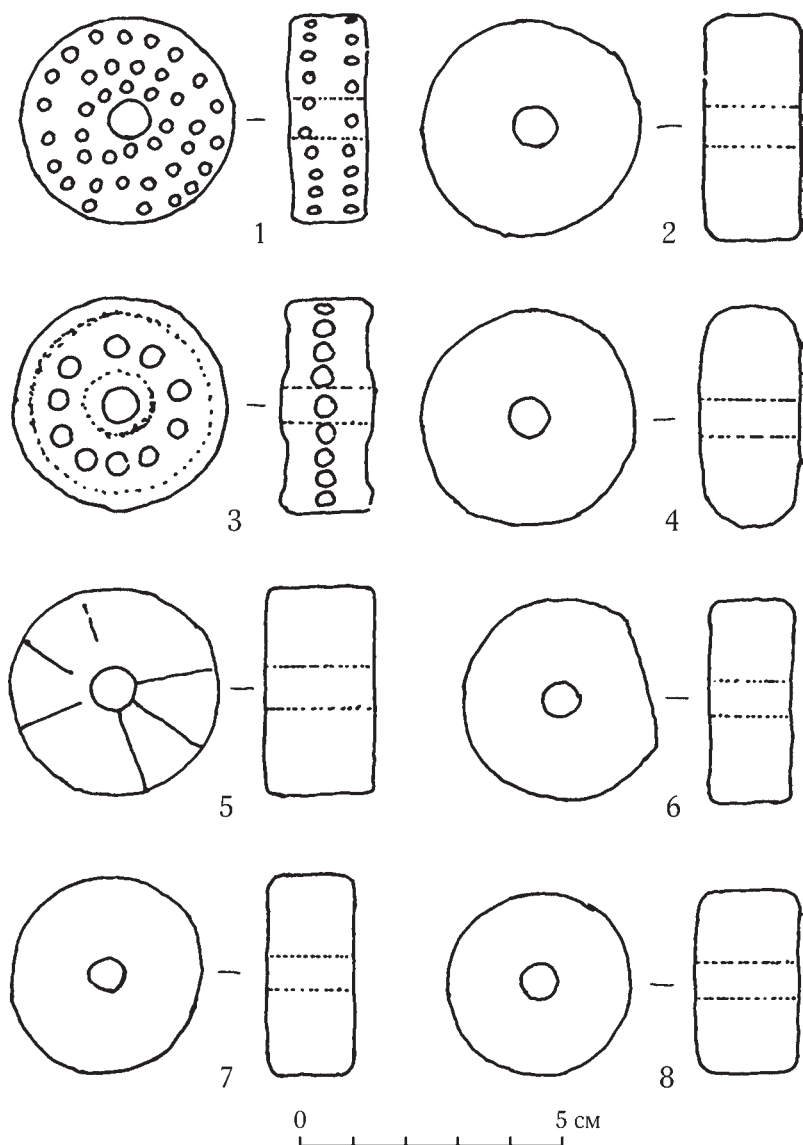

Рис. 51. Прорисовка глиняных пряслиц Смольнинского городища

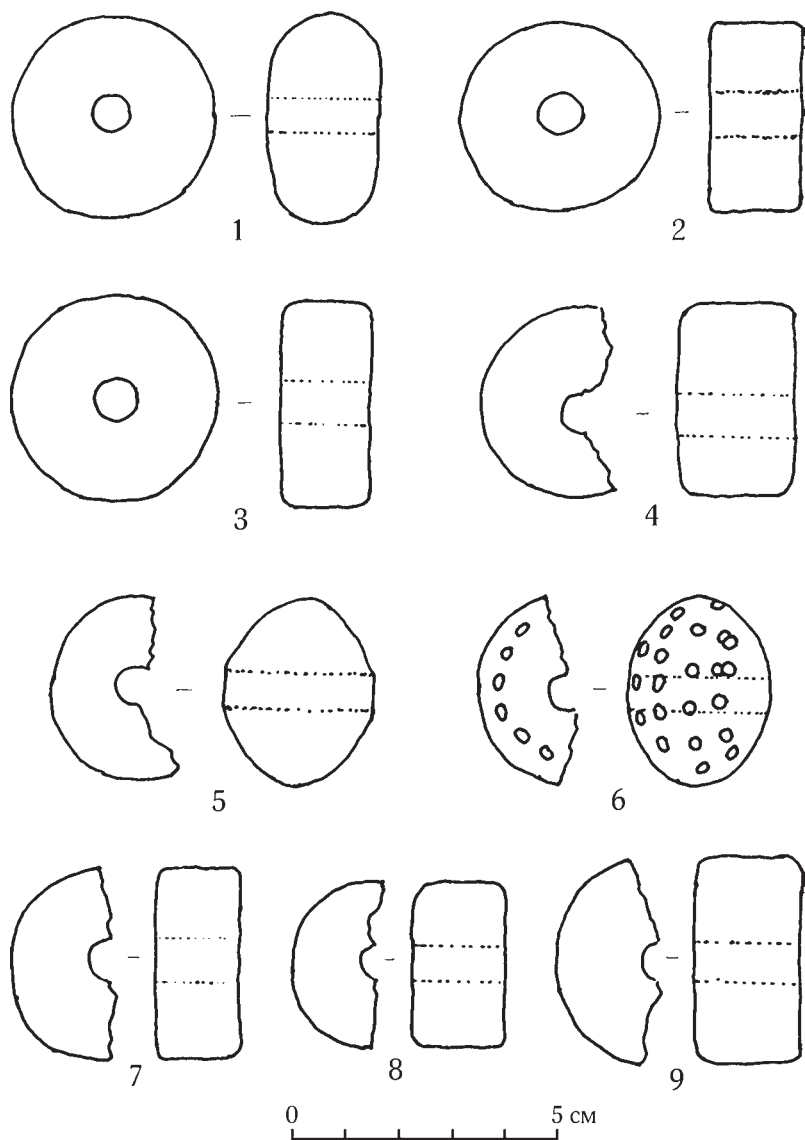

Рис. 52. Прорисовка глиняных пряслиц Смольнинского городища

Рис. 53. Городище
Шайга-Редут:
1, 2 — шорные иглы;
3, 4 — швейные иглы

Рис. 55. Смольнинское городище:
1—2 — железные обивочные полосы;
3 — обивочная полоса с гвоздиком;
4 — гвоздик

Рис. 54. Кузнечный молоток из жилища № 2 Смольнинского городища

Рис. 56. Железная пила городища Шайга-Редут

Рис. 57. Каменная стамеска.
Поселение Фроловка-2

0 2 см

0 3 см

Рис. 58. Втулка лопаты
Смолянского городища

Рис. 59. Рыболовные крючки:
1 — городище Шайга-Редут;
2 — Смольнинское городище

Рис. 60. Глиняное грузило
для рыболовной сети.
Поселение Фроловка-2

Рис. 61. 1 — подпружная пряжка; 2 — подпружная пряжка; 3 — накладная
пряжка; 4 — оконечник ремня; 5 — обкладка ремня. 1, 3, 4, 5 — Смоль-
нинское городище; 2 — городище Шайга-Редут

Рис. 62. Железные изделия Смольнинского городища:
1 — ключ; 2 — чека; 3 — циркульный резец; 4 — псалия

Рис. 63. Украшения: 1 — бронзовая подвеска; 2 — серебряное колечко;
3 — цилиндрическая бусина; 4 — цилиндрическая нефритовая бусина;
5 — круглая стеклянная бусина; 6 — круглая глиняная бусина; 7 — брон-
зовая нашивка. 1, 3, 4, 7 — городище Шайга-Редут; 2, 5, 6 — Смольнин-
ское городище

Рис. 64. Железный варган Смольнинского городища

Рис. 65. Глиняный свисток:
1 — вид изнутри; 2 — вид снаружи. Смольнинское городище

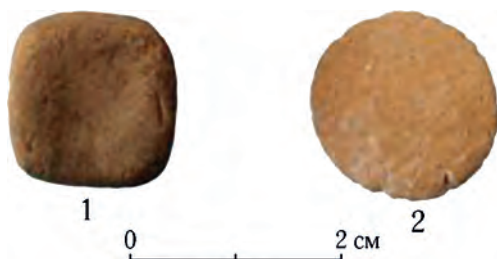

Рис. 66. 1 — фрагмент глиняного кубика;
2 — круглая глиняная фишка.
Смольнинское городище

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- Болдин, 1977.* Болдин В.И. Отчёт об археологических исследованиях на городище Николаевское-II Михайловского района в Приморском крае в 1976 г. Арх. ИА РАН. 1977. Р-1, № 6316. 75 л.
- Болдин, 1978.* Болдин В.И. Отчёт об археологических исследованиях на городище Николаевское-I и Николаевское-II в Михайловском районе Приморского края в 1977 г. Арх. ИА РАН. 1978. Р-1, № 6748. 177 л.
- Болдин, 1992.* Болдин В.И. Отчёт об исследованиях на Константиновском-1 селище в 1991 г. Арх. ИА РАН. 1992. Р-1, № 16610. 177 л.
- Болдин, 1998.* Болдин В.И. О результатах полевых исследований на Краскинском городище, городище Синельниково-1 и в Анучинском районе Приморского края в 1997 г. Арх. ИА РАН. 1998. Р-1, № 21131. 177 л.
- Болдин, Никитин, 1997.* Болдин В.И., Никитин Ю.Г. Отчёт об археологических разведках в Октябрьском, Уссурийском, Кавалеровском и Чугуевском районах Приморского края в 1996 г. Арх. ИА РАН. 1997. Р-1, № 20547. 255 л.
- Галактионов, 1984.* Галактионов О.С. Отчёт об археологической разведке в Приморском крае в 1983 г. Арх. ИА РАН. 1984. Р-1, № 10177. 85 л.
- Ивлиев, 1979.* Ивлиев А.Л. Отчёт об археологических исследованиях в Ханкайском районе Приморского края в 1978 г. Арх. ИА РАН. 1979. Р-1, № 7478. 170 л.
- Семениченко, 1973.* Семениченко Л.Е. Отчёт об археологических исследованиях на Круглой сопке и Новогордеевском поселении в Анучинском районе Приморского края в 1973 г. Арх. ИА РАН. 1973. Р-1, № 5040. 80 л.
- Слепцов, 2002.* Слепцов И.Ю. Отчёт об археологической разведке в Лазовском районе Приморского края в 2001 г. Арх. ИИАЭНДВ ДВО РАН. 2002. Ф. 1. Оп. 2. № 482. 87 л.
- Хорев, 1976.* Хорев В.А. Отчёт об археологической разведке в Лазовском, Ольгинском, Михайловском, Октябрьском районах Приморского края в 1975 г. Арх. ИА РАН. 1976. Р-1, № 5738. 38 л.

- Шавкунов В.Э., 1998.* Шавкунов В.Э. Отчёт о раскопках Ауровского городища и об археологической разведке в Партизанском районе Приморского края в 1997 г. Арх. ИИАЭНДВ ДВО РАН. 1998. Ф. 1. Оп. 2. № 410. 55 л.
- Шавкунов В.Э., 2003.* Шавкунов В.Э. Отчёт об археологических работах в Приморском крае в 2002 г. Арх. ИИАЭНДВ ДВО РАН. 2003. Ф. 1. Оп. 2. № 530. 60 л.
- Шавкунов В.Э., 2008а.* Шавкунов В.Э. Отчёт об археологических работах в Приморском крае в 2007 г. Арх. ИИАЭНДВ ДВО РАН. 2008. Ф. 1. Оп. 2. № 612. 121 л.
- Шавкунов Э.В., 1957.* Шавкунов Э.В. Отчёт промежуточный «Приморье в VII—XIII вв.» за 1955—1956 гг. Арх. ДВФ АН СССР. 1957. Ф. 1. Оп. 2. № 10. 43 л.
- Шавкунов Э.В., 1964.* Шавкунов Э.В. Промежуточный отчёт об археологических исследованиях на юге Приморского края в 1963 г. Арх. ИА РАН. 1964. Р-1, № 2678. 86 л.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Андреев, 1965.* Андреев Г.И. Пряслица с побережья Приморья // Новое в советской археологии. Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Наука, 1965. № 130. С. 186—190.
- Андреева, 1977.* Андреева Ж.В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век (I тысячелетие до н.э. — VIII в. н.э.). М.: Наука, 1977. 240 с.
- Аргудяева, 1963.* Аргудяева Ю.В. О датировке некоторых видов средневековой керамики // Труды ДВФ СО АН СССР: История. Благовещенск, 1963. Т. V. С. 149—153.
- Болдин, Шавкунов В.Э., 1997.* Болдин В.И., Шавкунов В.Э. Предметы вооружения с селища Константиновское-I // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 1997. № 1. С. 71—81.
- Болотин, 2005.* Болотин Д.П. Михайловская культура и её происхождение // Российский Дальний Восток в древности и Средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 409—418.

- Бродянский, 1987.* Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1987. 276 с.
- Бродянский, Дьяков, 1984.* Бродянский Д.Л., Дьяков В.И. Приморье у рубежа эр. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1984. 76 с.
- Буссе, 1888.* Буссе Ф.Ф. Остатки древностей в долинах рек Лефу, Даубихэ, Улахэ // ЗОИАК. 1888. Т. 1. С. 1—28.
- Буссе, Кропоткин, 1908.* Буссе Ф.Ф., Кропоткин Л.А. Остатки древностей в Амурском крае // ЗОИАК. 1908. Т. 12. С. 1—66.
- Васильев, 1990.* Васильев Ю.М. Лук, детали колчанов и наконечники стрел покровской культуры // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1990. С. 70—87.
- Васильев, 2000.* Васильев Ю.М. Холодное оружие покровской культуры // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000. С. 139—146.
- Воробьев, 1975.* Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М.: Наука, 1975. 448 с.
- Воробьев, 1994.* Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времён до IX в. включительно). Владивосток: Дальнаука, 1994. 410 с.
- Вострецов, 1981.* Вострецов Ю.Е. Типология железных предметов вооружения поселения Синие Скалы // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток: ДВНЦ, 1981. С. 26—34.
- Гельман, 2002.* Гельман Е.И. Предварительные итоги исследований городища Горбатка в 2000—2001 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 2002. № 3. С. 95—98.
- Гельман, 2005.* Гельман Е.И. Археологические исследования на городище Горбатка в 2004 г. // Отчёт об археологических исследованиях Бохайских памятников в Приморском крае России в 2004 г. Фонд исследований Когурё, 2005. 453 с.
- Гельман, 2006.* Гельман Е.И. Керамика чжурчжэней Приморья // Россия и АТР. Владивосток, 2006. № 1. С. 93—104.
- Гельман и др., 1999.* Гельман Е., Болдин В., Ивлиев А., Никитин Ю. Результаты раскопок в Краскино в 1998 г. // Россия и АТР. Владивосток, 1999. № 3. С. 118—123.
- Горбунов, 2003.* Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III—XIV вв. Часть I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

- Государство Бохай, 1994.* Государство Бохай (698—926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М.: Наука, 1994. 219 с.
- Деревянко А.П., 1976.* Деревянко А.П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). Новосибирск: Наука, 1976. 383 с.
- Деревянко А.П. и др., 1999.* Деревянко А.П., Богданов Е.С., Нестеров С.П. Могильник Найфельд. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. 96 с.
- Деревянко А.П. и др., 2005.* Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Шин Чан Су, Хон Хён У, Ю Ын Сик, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В. Древние памятники Южного Приморья. Отчёт об исследовании поселения Булочка в 2004 г. Сеул: ИАЭТСОРАН, Гос. ин-т культурного наследия Республики Корея, 2005. 822 с.
- Деревянко А.П. и др., 2006.* Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Ким Ён Мин, Хон Хён У, Филатова И.В., Краминцев В.А., Медведева О.С., Хам Сан Тек, Субботина А.Л. Древние памятники Южного Приморья. Отчёт об исследовании поселения Булочка в 2005 г. Сеул: ИАЭТСОРАН, Гос. ин-т культурного наследия Республики Корея. 2006. 829 с.
- Деревянко Е.И., 1975.* Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1975. 250 с.
- Деревянко Е.И., 1977.* Деревянко Е.И. Троицкий могильник. Новосибирск: Наука, 1977. 224 с.
- Деревянко Е.И., 1987.* Деревянко Е.И. Очерки военного дела племён Приамурья. Новосибирск: Наука, 1987. 224 с.
- Деревянко Е.И., 1991.* Деревянко Е.И. Древние жилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1991. 158 с.
- Дьякова, 1984.* Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV—X вв. М.: Наука, 1984. 207 с.
- Дьякова, 1987.* Дьякова О.В. Раннесредневековые жилища Дальнего Востока СССР (источники, реконструкции, интерпретации) // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1987. С. 51—66.
- Дьякова, 1993.* Дьякова О.В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 1993. 408 с.

- Дьякова, 1998. Дьякова О.В. Мохэские памятники Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1998. 318 с.
- Дьякова, Шавкунов Э.В., 1975. Дьякова О.В., Шавкунов Э.В. Новый памятник железного века на Нижнем Амуре — городище Сикачи-Алян // СА, 1975. № 3. С. 158—171.
- Дьякова, Шавкунов В.Э., 2009. Дьякова О.В., Шавкунов В.Э. Миниатюрные сосуды Смольнинского городища // Россия и АТР. Владивосток, 2009. № 3. С. 177—180.
- Дьякова, Шавкунов В.Э., 2010. Дьякова О.В., Шавкунов В.Э. Памятники смольнинского типа: культурная и этническая интерпретация // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Омск: Изд-во ОмГПУ; Изд. дом «Наука», 2010. С. 119—122.
- Дьякова, Шавкунов В.Э., 2012. Дьякова О.В., Шавкунов В.Э. Орнаментальные традиции городища Шайга-Редут (по материалам лепной и доработанной на круге керамики) // Россия и АТР. Владивосток, 2012. № 2. С. 50—59.
- Жущиховская, 1984. Жущиховская И.С. О локально-хронологических вариантах памятников кроуновской культуры (по данным анализа керамики) // Археология и этнография народов Дальнего Востока. Владивосток, 1984. С. 72—77.
- Жущиховская, 2008. Жущиховская И.С. Лепная керамика Смольнинского городища (к вопросу о культурной интерпретации памятника) // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций: Пятые Крушановские чтения, 2006 г.: в 2-х т. Владивосток: Дальнаука, 2008. Т. 1. С. 18—28.
- Жущиховская, 2009. Жущиховская И.С. К проблеме происхождения памятников смольнинской культуры в Приморье // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2009. № 5. С. 75—83.
- Жущиховская, 2015. Жущиховская И.С. Смольнинская культура Приморья: актуальные проблемы исследования // Средневековые древности Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2015. Вып. 3. С. 242—256.
- Жущиховская, Кононенко, 1987. Жущиховская И.С., Кононенко Н.А. Каменный инвентарь поселения кроуновской культуры Киевка // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. С. 4—12.

- Жушиховская, Шавкунов В.Э., 2006.* Жушиховская И.С., Шавкунов В.Э. Новая культурная традиция в средневековом гончарстве Приморья // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2006. № 2. С. 97—108.
- Жушиховская, Шавкунов В.Э., 2009.* Жушиховская И.С., Шавкунов В.Э. Керамический комплекс Смольнинского городища в Приморье: новая культурная традиция // РА, 2009. № 1. С. 53—63.
- Ивлиев, 2005.* Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и Средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 449—475.
- Ивлиев, Никитин, 1979.* Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г. Раскопки Майского городища // Археологические открытия. 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 227—228.
- История Дальнего Востока, 1989.* История Дальнего Востока СССР с древнейших времён до XVII века. М.: Наука, 1989. 376 с.
- История и культура нивхов, 2008.* История и культура нивхов: историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 2008. 270 с.
- Ким Бусик, 1959.* Ким Бусик. Самкук Саги. Летописи Силла. М.: Восточная литература, 1959. 384 с. + текст.
- Клюев и др., 2013.* Клюев Н.А., Батаршев С.В., Крутых Е.Б. Охранные археологические работы в Приморье в 2008—2010 гг. // Тихоокеанская Россия в междисциплинарном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее: Седьмые Крушановские чтения, 2011 г. Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 661—665.
- Коломиец, 2005.* Коломиец С.А. Памятники польцевской культурной общности юга Дальнего Востока России // Российский Дальний Восток в древности и Средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 381—393.
- Кривуля, 2002.* Кривуля Ю.В. Археологические исследования на раннесредневековом поселении Раковка-10 // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 174—180.
- Кривуля, 2014.* Кривуля Ю.В. Керамика раннесредневекового поселения Михайловка-2 // Азиатско-тихоокеанский регион: археология, этнография, история. Владивосток: Дальнаука, 2014. Вып. 3. С. 74—88.

- Кривуля, 2015а.* Кривуля Ю.В. Исследования поселений Михайловка-1 и Михайловка-4 // Средневековые древности Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2015. Вып. 3. С. 447—458.
- Кривуля, 2015б.* Кривуля Ю.В. Керамика раннесредневекового поселения Абрамовка-3 // Средневековые древности Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2015. Вып. 3. С. 469—480.
- Кузьмин и др., 2005.* Кузьмин Я.В., Болдин В.И., Никитин Ю.Г. Хронология культур раннего железного века и Средневековья Приморья // Россия и АТР. Владивосток, 2005. № 4. С. 44—55.
- Кызласов, 2011.* Кызласов И.Л. Алтаистика и археология. М.: Ин-т тюркологии, 2011. 256 с.
- Ларичев, 1966.* Ларичев В.Е. Тайна каменной черепахи. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 254 с.
- Ларичев, 1990.* Ларичев В.Е. Народы среднего и нижнего Амура в эпоху Средневековья // Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. С. 78—84.
- Леньков, Шавкунов В.Э., 1993.* Леньков В.Д., Шавкунов В.Э. Железные наконечники стрел бохайцев Приморья // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 214—226.
- Лещенко, 1993а.* Лещенко Н.В. Железные ножи с бохайских памятников Приморья // Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск, 1993. С. 60—66.
- Лещенко, 1993б.* Лещенко Н.В. Типология железных ножей с чжурчжэнских памятников Приморья // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий: доклады V сессии Научно-проблемного совета археологов Дальнего Востока. Владивосток, 1993. С. 40—46.
- Лещенко, 2008.* Лещенко Н.В. Рыболовство и морской промысел на Дальнем Востоке России в эпоху Средневековья (VII—XIII вв.) // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций: Пятые Крушановские чтения, 2006 г.: в 2-х т. Владивосток: Дальнаука, 2008. Т. 1. С. 37—48.
- Медведев, 1977.* Медведев В.Е. Культура амурских чжурчжэней. Колец X—XI в. (по материалам грунтовых могильников). Новосибирск: Наука, 1977. 224 с.

- Медведев, 1982.* Медведев В.Е. Средневековые памятники острова Уссурийского. Новосибирск: Наука, 1982. 216 с.
- Медведев, 1986.* Медведев В.Е. Приамурье в конце I — начале II тысячелетия (чжурчжэньская эпоха). Новосибирск: Наука, 1986. 206 с.
- Медведев, 1991.* Медведев В.Е. Корсаковский могильник: хронология и материалы. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 175 с.
- Мыльникова, Нестеров, 2005.* Мыльникова Л.Н., Нестеров С.П. Михайловская культура в Западном Приамурье // Российский Дальний Восток в древности и Средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 394—408.
- Нестеров, 1998.* Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего Средневековья. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. 184 с.
- Нестеров, 2008.* Нестеров С.П. Михайловская культура на Амуре (дискуссионные аспекты) // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня: Первые Шавкуновские чтения. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 91—106.
- Никитин, 1990.* Никитин Ю.Г. Некоторые итоги исследования Осиновского селища // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока. Владивосток, 1990. С. 79—91.
- Никитин, Шавкунов В.Э., 1988.* Никитин Ю.Г., Шавкунов В.Э. Предметы вооружения Рошинского могильника // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1988. С. 130—136.
- Окладников и др., 1972.* Окладников А.П., Глинский С.В., Медведев В.Е. Раскопки древнего поселения Булочка у города Находки в Сучанской долине // Известия СО АН СССР. 1972. № 6: Ответственные науки. Вып. 2. С. 66—72.
- Окладников, Бродянский, 1979.* Окладников А.П., Бродянский Д.Л. Древнее поселение на острове Петрова // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С. 3—13.
- Окладников, Бродянский, 1984.* Окладников А.П., Бродянский Д.Л. Кроуновская культура // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1984. С. 100—114.

- Орлова, 1964. Орлова Е.П. Ножи гиляков // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1964. Вып. 1. Археология и этнография Дальнего Востока. С. 215—222.
- Отчёт об археологических исследованиях, 2006.* Отчёт об археологических исследованиях на Краскинском городище Приморского края России в 2005 г. // Фонд изучения Когурё, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Сеул: Фонд изучения Когурё, 2006. 241 с. (Рус. яз., кор. яз.).
- Рубленко, 1983.* Рубленко Н.Г. Средневековые пряслица Приморья // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. С. 98—106.
- Семин, Шавкунов В.Э., 1990.* Семин П.Л., Шавкунов В.Э. Металлические изделия могильника Монастырка-III // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1990. С. 103—115.
- Сидоренко, 2011.* Сидоренко Е.В. Пряслица тетюхинской группы памятников эпохи палеометалла горно-таёжной зоны Приморья // Россия и АТР. Владивосток, 2011. № 3. С. 27—36.
- Синие Скалы, 2002.* Синие Скалы — археологический комплекс: опыт описания многослойного памятника. Владивосток: Дальнаука, 2002. 328 с.
- Сунь Цзиньцзи, 2001.* Сунь Цзиньцзи. Древние народы Приморья и Приамурья в китайских письменных источниках // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай: материалы междунар. науч. конф. Владивосток: ДВО РАН, 2001. С. 52—65.
- Татарников, 1981.* Татарников В.А. Стоянка Водораздельная — новый археологический памятник северо-восточного Приморья // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981. С. 43—50.
- Хон Хён У, 2008.* Хон Хён У. Керамика польцевской культуры на востоке Азии (V в. до н.э. — IV в. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / РАН СО ИИФФ. Новосибирск, 2008. 30 с.

- Шавкунов В.Э., 1993.* Шавкунов В.Э. Вооружение чжурчжэней XII—XIII вв. Владивосток: Дальнаука, 1993. 185 с.
- Шавкунов В.Э., 2001а.* Шавкунов В.Э. Раскопки Ауровского городища // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток: ДВО РАН, 2001. С. 173—183.
- Шавкунов В.Э., 2001б.* Шавкунов В.Э. Обследование Смольнинского городища // Россия и АТР. Владивосток, 2001. № 1. С. 30—37.
- Шавкунов В.Э., 2005а.* Шавкунов В.Э. К вопросу о восточной границе государства Бохай // Россия и АТР. Владивосток, 2005. № 4. С. 27—32.
- Шавкунов В.Э., 2005б.* Шавкунов В.Э. Жилище Смольнинского городища // Россия и АТР. Владивосток, 2005. № 2. С. 104—107.
- Шавкунов В.Э., 2007а.* Шавкунов В.Э. О датировке Смольнинского городища // Россия и АТР. Владивосток, 2007. № 1. С. 62—66.
- Шавкунов В.Э., 2007б.* Шавкунов В.Э. Елань эпохи чжурчжэней // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2007. № 5. С. 57—64.
- Шавкунов В.Э., 2008б.* Шавкунов В.Э. Культурные традиции Смольнинского городища (по материалам вооружения) // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня. Первые Шавкуновские чтения. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 118—127.
- Шавкунов В.Э., 2010.* Шавкунов В.Э. Хозяйственно-бытовая деятельность обитателей жилища № 2 Смольнинского городища // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2010. № 2. С. 47—54.
- Шавкунов В.Э., 2011.* Шавкунов В.Э. Культурные контакты между носителями смольнинской и бохайской культур // Новые перспективы изучения истории Когурё и Бохая: материалы междунар. конф., 28—29 ноября 2011 г., Владивосток. С. 319—327.
- Шавкунов В.Э., 2012.* Шавкунов В.Э. Кроуновские элементы в керамике Смольнинской культуры // Седьмые Гродековские чтения «Дальний Восток России: мультикультурное пространство в XIX—XXI вв.»: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящённой 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2012. Т. III. С. 15—22.

- Шавкунов В.Э., 2013.* Шавкунов В.Э. К вопросу о взаимоотношениях носителей мохэской и смольнинской археологических культур // Азиатско-тихоокеанский регион: археология, этнография, история. Владивосток: Дальнаука, 2013. Вып. 2. С. 150—161.
- Шавкунов В.Э., Гельман, 2002.* Шавкунов В.Э., Гельман Е.И. Многослойный памятник Ауровское городище // Труды ИИАЭНДВ. Т. XI. Актуальные проблемы Дальневосточной археологии. Владивосток: Дальнаука, 2002. С. 75—108.
- Шавкунов В.Э., Сидоренко, 2013.* Шавкунов В.Э., Сидоренко Е.В. Нижний слой Смольнинского городища // Тихоокеанская Россия в междивизиационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее: Седьмые Крушановские чтения, 2011 г. Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 696—699.
- Шавкунов Э.В., 1966.* Шавкунов Э.В. Раскопки на Николаевском городище (1960—1962 гг.) // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1966. Вып. 2. Сибирский археологический сборник. С. 286—296.
- Шавкунов Э.В., 1968а.* Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968. 128 с.
- Шавкунов Э.В., 1968б.* Шавкунов Э.В. О периодизации и классификации средневековых памятников Приморья // Труды Дальневост. филиала СО АН СССР: История. 1968. Т. 6. С. 186—191.
- Шавкунов Э.В., 1989а.* Шавкунов Э.В. Некоторые аспекты культурогенеза чжурчжэней в свете новейших археологических исследований // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 5—11.
- Шавкунов Э.В., 1989б.* Шавкунов Э.В. Бронзовая верительная бирка в виде рыбки из Николаевского городища // СА. 1989. № 1. С. 267—270.
- Шавкунов Э.В., 1990а.* Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-уди-гэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 282 с.
- Шавкунов Э.В., 1990б.* Шавкунов Э.В. Сушэни — праины (к постановке проблемы). Препр. Владивосток, 1990. 26 с.
- Шавкунов Э.В., 1992.* Шавкунов Э.В. Соболя дорога согдийцев // Россия и АТР. Владивосток, 1992. № 1. С. 60—66.

ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

- Жизнь Пэкче, 2010.* Жизнь Пэкче и племён махан. Национальный музей г. Кунчжу и государственный институт культурного наследия. Сеул, 2010. (Кор. яз.)
- Пак Дин Ук, 1967.* Пак Дин Ук. Формы наконечников стрел нашей страны и их изменение // Кого минсок. 1967. № 1. С. 29—32. (Кор. яз.)
- Чжао Юнцзюнь и др., 2000.* Чжао Юнцзюнь, Тянь Хэ, Хуан Синшэнь. Хэйлунцзяншэн вэньу каогу яньцзюсо = Институт археологии провинции Хэйлунцзян. Хэйлунцзян юисянь фэнлиньчэнчжи эр-хао фанчжи фацзюэ баогао = Отчёт о раскопках жилища № 2 городища Фэнлинь в уезде Юи провинции Хэйлунцзян // Каогу. 2000. № 11. С. 35—41. (Кит. яз.)
- Яо Юйчэн, 1993.* Яо Юйчэн. Элосы нигулаефусыкэ ичжи чуту юйсин цинтун синьфу каоши = Исследование бронзовой верительной бирки в форме рыбки, найденной на Николаевском городище в России // Бэйфан вэньу. 1993. № 3. С. 48—50. (Кит. яз.)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие от научного редактора	5
Введение	9
Глава 1. История исследований памятников и их характеристика . . .	15
Глава 2. Жилища и хозяйственные объекты смольнинской культуры	25
Глава 3. Керамика смольнинской культуры	38
Глава 4. Предметы вооружения смольнинской культуры	57
Глава 5. Предметы труда и быта	80
Глава 6. Вопросы происхождения и датировки смольнинской культуры	91
Заключение	107
Иллюстрации	111
Библиография	151

Научное издание

Азиатско-Тихоокеанский регион:
археология, этнография, история

Выпуск 4

Владимир Эрнстович Шавкунов

Памятники смольнинской культуры Приморья
(по материалам раскопок городищ Смольнинское и Шайга-Редут)

Редакторы-корректоры:
М.С. Киселёва, Ю.Р. Кириенко, О.В. Смирнова, М.А. Гришко
Редактор электронной вёрстки: *А.С. Иванов*

Подписано к печати 10.12.2015 г. Формат 60×84/16.
Усл. п. л. 9,53. Уч.-изд. л. 7,12. Тираж 200 экз.

Отпечатано в Отделе информационных технологий
ИИАЭ ДВО РАН.
690950, Владивосток, ул. Пушкинская, 89.
Тел.: (423) 222-05-07.
E-mail: ihae@eastnet.febras.ru